С.Р. Аблеев

ЕВРАЗИЙСКАЯ РОССИЯ

философские смыслы метаистории и геополитики

Москва
ИПЛ
2023

УДК 101.1:316
ББК 60.0
А15

Рецензенты:

- В.В. Колотуша
  доктор философских наук, профессор
  заслуженный работник высшей школы РФ
- В.В. Плотников
  доктор социологических наук, доцент

Аблеев С.Р.
А15 **Евразийская Россия**: философские смыслы метаистории и геополитики. Монография / С. Аблеев. – М.: ИПЛ, 2023. – 296 с.

Монография посвящена философскому осмыслению траектории будущего развития России как самостоятельной локальной цивилизации и Евразийской державы. Рассматриваются геополитические, ценностные и метаисторические противоречия России и Западного мира, которые привели к новому гибридному конфликту и переосмыслению отношений с США и Европой. Автор показывает, что выбранный российскими либеральными реформаторами в конце XX века прозападный курс развития страны изначально являлся стратегически ошибочным, не соответствующим культурному коду и духовным доминантам Российской цивилизации. Россия исторически обречена на сложный независимый путь развития, который не может совпадать с традиционными цивилизационными фарватерами Запада или Востока.

Монография предназначена для специалистов в области философии и геополитики, преподавателей, аспирантов и студентов вузов, а также для всех интересующихся проблемами развития России и формирования новой Евразийской цивилизации.

ISBN 978-5-4260-0369-9

© С.Р. Аблеев, 2023
© ИПЛ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение		4
1	Формирование геополитического полицентризма: Атлантический и Евразийский центры силы	10
2	Геополитические угрозы и суверенная Россия	20
3	Европа и Евразия: цивилизационный разлом	38
4	Америка и Евразия: стратегические альтернативы	64
5	Русская идея и евразийские идеалы	109
6	Украинский проект как фатальная ошибка Запада	128
7	Национализм в эпоху глобализации	154
8	Культурный код и сущность русского духа	171
9	Наука, образование и технологический суверенитет	213
10	Освоение Азиатской России	259
Литература		287

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга посвящена философскому осмыслению траектории будущего развития России как Евразийской державы. На рубеже XX и XXI столетий она в очередной раз оказалась на историческом перепутье без ясного понимания своих стратегических целей, базовых духовных опор и мировоззренческих ориентиров дальнейшего движения. Такая ситуация не может продолжаться бесконечно долго. Наша страна не в состоянии развиваться в идеологическом вакууме, который заставляет народ бросаться из стороны в сторону: от тоталитарной советской системы к либеральному капитализму без человеческого лица, породившему после крушения СССР чудовищное обнищание населения и новую ностальгию по великому советскому прошлому.

Однако «*идеологический вакуум*» в нашем понимании есть понятие более широкое, предполагающее не только частный политический аспект, но и множество других, не менее, а может быть и более важных аспектов. В общем философском смысле идеология развития страны предполагает ясное понимание целей и средств дальнейшего культурно-исторического и экзистенциального движения вообще.

Проще говоря, идеологическая система координат указывает, что должна делать наша страна как единый социально-культурный организм для ответа на внешние угрозы и преодоления внутренних инерциальных процессов, тормозящих её прогрессивное развитие. Очевидно, что решающее значение здесь приобретает адекватное представление о таких угрозах и всевозможных деструктивных процессах, которые уже не раз низвергали в историческое небытие некогда великие державы далёкого прошлого.

Современную историю можно назвать периодом долгожданного освобождения от призрачных иллюзий и старых идеалов. Для постсоветской России, да и многих других стран, они были связаны с *Западной цивилизацией*, которая многим казалась витринным образцом сладкой постиндустриальной жизни, основанной на эффективной рыночной экономике, либеральных ценностях и демократическом управлении. Однако за привлекательной витриной неожиданно обнаружилась совершенно другая социальная реальность, вовсе не лишенная серьёзных проблем и глубоких противоречий, разрушительных тенденций и кризисных явлений.

Мы увидели, что Америка и Европа стремительно трансформируются. И направление этих трансформаций на определённом этапе стало вызывать у думающих людей сначала некоторое недоумение, затем опасения, а вскоре и стойкое неприятие. Хотя для некоторых проницательных отечественных и зарубежных философов, которые давно объективно понимали доминирующие ценности Запада, тут не было ничего нового и необычного. В начале XXI века Западная цивилизация сбросила все лживые маски приличия и снова открыто проявила свою враждебную сущность по отношению к России и Русскому миру.

Хрупкий мост наметившегося в конце XX века сложного и противоречивого взаимодействия между Западом и Россией окончательно рухнул вместе с государственным переворотом на Украине и преобразованием её под руководством Вашингтона, Брюсселя и Лондона в разрушительный антироссийский геополитический таран. Идеологическое, экономическое, информационное и военное столкновение локальных цивилизаций, как ранее отмечали некоторые философы и геополитики, действительно оказалось совершенно неизбежным.

На этом тревожном фоне политическая и культурная элита России столкнулась с необходимостью переосмысления и коррекции стратегического курса развития страны. Как говорят в таких случаях, нет худа без добра. В России наконец начали осознавать, что западный вектор развития страны *не соответствует её ценностям и идеалам*. Более того – он *несёт прямую угрозу* суверенной государственности и культурному коду многоликой и самобытной Российской цивилизации.

Исторически Россия обречена на сложный самостоятельный путь развития, который не может совпадать с традиционными цивилизационными фарватерами Запада или Востока. Миссия России – это великий культурный синтез, открытие новых духовных и космических горизонтов, широкое социальное объединение и поиск высшей справедливости для всех больших и малых народов. Поэтому на рубеже XX и XXI столетий неизбежно завершается огромный исторический период старой *Европейской России* и начинается новый масштабный этап *Евразийской России*, как идейной основы и важнейшей геополитической опоры формирующейся большой *Евразийской цивилизации* нового тысячелетия.

Читая эту книгу, некоторые будут задаваться подозрительным вопросом: какие интересы он (автор) здесь отстаивает? Так вот чтобы сразу снять все подобные вопросы, необходимо заметить, что автор этой книги отстаивает интересы всего человечества. Новая система этических и аксиологических координат должна иметь планетарный масштаб. Узкая политическая или этническая система мировоззренческих ориентиров не адекватна текущему историческому этапу. Суровая истина состоит в том, что мы все как представители биологического вида Homo Sapiens вне зависимости от национальности или гражданства не выживем в этом суровом мире, если философски не осознаем и практически не во-

плотим в социальной действительности фундаментальный этический *принцип Общего Блага*.

Так уж случилось, что в его осуществлении великая метаисторическая роль принадлежит Стране, которая сейчас раскинулась от Белого до Черного моря, от Балтики до Тихого океана. Эта страна есть точка идеологической опоры современных геополитических качелей, точка равновесия противоборствующих сил Востока и Запада, точка роста новых идей на поле сухой культурной стагнации. Она призвана помочь разобщенным странам и народам Земли обрести наконец баланс и гармонию во всех смыслах этих понятий – от политического и экономического, до национального и религиозного. Не завидую судьбе земного человечества, если эта Страна не сможет осуществить свою великую, но невероятно тяжёлую *метаисторическую миссию*.

Несколько слов необходимо сказать и о методологической основе этой книги. Она отличается от устоявшегося социального позитивизма, классического исторического эмпиризма и простого геополитического рационализма. Хотя, безусловно, весь традиционный методологический арсенал социально-гуманитарной науки здесь тоже присутствует. Однако основу наших выводов и утверждений составил методологический принцип комплексного философского и психоаналитического *анализа массового сознания*, которое во многих случаях определяет те или иные социально-исторические сценарии развития народов, государств и всего человечества.

Иными словами, как говорили в прошлом, мы попытались рационально понять и дескриптивно представить сущность противоречивого *культурного духа* конкретных народов, который через бессознательные *архетипы* и рефлексивно осмысленные *ценности* определяет диапазоны решений влиятельных политических элит и коридоры возможностей общественных масс.

Вместе с тем, мы исходили из убеждения, что социальная история человечества не укладывается в простую линейную детерминацию, которая распадается на сумму тех или иных известных событий. Сущность исторического процесса имеет *нелинейное содержание* и *многомерную детерминацию*, источники которой могут обнаруживать как социальные, так и внесоциальные основания. Постклассическая наука пока ещё не в полной мере представляет себе даже первые из них и мало что знает о вторых.

Используя философское понятие «*метаисторического процесса*», мы попытались уйти от упрощённого понимания истории и культуры, предполагая некоторые существенные *внесоциальные факторы* исторических событий и политических процессов. В русской философской традиции, как известно, такие факторы связывались с малоизученным естественным воздействием космических объектов и неизвестными «*ноосферными процессами*». Одним словом, соглашаясь с русскими космистами и религиозными мыслителями мы вовсе не исключали, что далеко не все социально-исторические события и тенденции могут быть осмыслены в традиционной позитивистской парадигме.

Книга построена как антология философских эссе, посвященных различным аспектам формирования единого *Евразийского цивилизационного пространства* и актуальным проблемам развития *Евразийской России* в современном геополитическом и социокультурном контекстах. Часть из них была специально подготовлена для этого издания. Некоторые материалы были написаны и частично опубликованы в различных журналах в разные годы в первой четверти XXI века. Как оказывается, они не утеряли своей философской, геополитической и социокультурной актуальности и в настоящей исторический момент. Более того, есть основания полагать, что

развитие событий в современном мире лишь усиливает актуальность данных размышлений автора.

Хочется верить, что представленные в этой книге философские наблюдения и выводы в какой-то мере помогут новой политической и культурной элите не заблудиться в экзистенциальных туманах современного мира и определить наилучшие траектории дальнейшего движения как нашего российского общества, так и всей формирующейся новой *Евразийской цивилизации* третьего тысячелетия.

С.Р. Аблеев
доктор философских наук
Москва, 2023 год

1

ФОРМИРОВАНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛИЦЕНТРИЗМА: АТЛАНТИЧЕСКИЙ И ЕВРАЗИЙСКИЙ ЦЕНТРЫ СИЛЫ

К началу третьего тысячелетия человечество подошло в состоянии полного геополитического дисбаланса, глубокого духовного кризиса и тотальной аксиологической дезориентации. Основанием мировой конструкции явилось одно единственное доминирующее сверхгосударство (США), которое через зависимые от него политические блоки, военные альянсы и экономические конвенции, так или иначе, контролировало почти все иные региональные политические структуры. Степень контроля, разумеется, далеко не всегда была полной и очевидной. Однако практически не одно государство или содружество государств, включая Россию, Китай и Евросоюз, не избежало определённой зависимости от Вашингтона.

Китай, как известно, оказался зависим через американские рынки сбыта и тесные торговые отношения. Евросоюз и Россия оказались зависимы уже не только экономически, но и политически. Так, например, в конце XX века говорить о суверенной российской внешней и внутренней политике можно было лишь с изрядной долей условности. Теперь многие авторы соглашаются, что она проводилась далеко не в интересах собственного народа и национальной экономики. По крайней мере, демографическая депопуляция населения России и экономическая катастрофа девяностых годов являются вполне объективными фактами, которые невозможно отрицать даже апологетам прозападных либеральных реформ.

Сложившаяся в мире геополитическая конструкция, как выяснилось уже в начале XXI столетия, является не просто нестабильной, но без всякого преувеличения – опасной в силу своей неуравновешенности и бесконтрольности. Фактически, называя вещи своими именами, следует откровенно признать, что Американское сверх-государство, несмотря на всю свою военно-политическую мощь и немалые экономические ресурсы, совершенно не справилось с выпавшей ему ответственной исторической миссией. Оно так и не смогло привнести в мир глобальную политическую стабильность, всеобщее экономическое процветание, устойчивые аксиологические (ценностные) основания новой общечеловеческой постиндустриальной цивилизации третьего тысячелетия. В таком случае, чтобы человечество всё же смогло дожить до своего светлого будущего без конфликтов и непримиримых противоречий, оно должно обрести, как минимум, состояние определённого геополитического равновесия.

Вот почему сейчас философы, политики и эксперты всё чаще говорят о необходимости формирования двух-трёх независимых *геополитических центров силы*, которые должны установить баланс интересов и цивилизационных альтернатив политического, экономического и социокультурного развития человечества. В идеальном случае таких центров, вероятно, должно быть три. Такая *тринитарная мировая архитектура* приобретает определённую динамическую устойчивость в случае различных геополитических трансформаций и экономических противоречий. Однако сейчас это, по всей видимости, ещё невозможно. Третий центр потенциально может сформироваться на основе *содружества стран Латинской Америки*, которым в настоящий исторический момент необходимо преодолеть ещё немало политических и экономических проблем. А

самое главное – мировоззренчески осознать и реально осуществить свою геополитическую независимость от США и западного либерализма.

Поэтому речь пока может идти только о двух реальных основаниях новой мировой геополитики – *Атлантическом* и *Евразийском центрах силы*. Они представляют собой так называемые «*коллективный Запад*» и «*коллективный Восток*». Хотя Россию к коллективному Востоку мы относим достаточно условно, так как она представляет собой особое - *медианное культурное пространство*, которое географически, исторически и цивилизационно в полной мере не является частью реального Запада или реального Востока. По своей сути и по своему масштабу Россия не встраивается ни в одну из геополитический макроконструкций (Д.В. Тренин[1]).

В первом случае центральным или доминирующим сверх-государством выступают США, вокруг которых формируются концентрические круги политических союзников и экономических сателлитов: Британия, Евросоюз, Канада, Австралия, а также Япония и Южная Корея (которые географически не являются странами Запада, но находятся под его идейным влиянием и военным контролем) и некоторые другие менее значимые государства.

Во втором случае доминирующими государствами являются Россия и Китай, вокруг которых так же формируются поля притяжения близких союзников или отдалённых партнёров преимущественно из азиатских, латиноамериканских и африканских регионов. Между ними существует старый *европейский пояс нестабильности* или так называемый *цивилизационный разлом*, который уже много сотен лет разделяет культурные пространства двух совершенно различных локальных

[1] *Тренин Д.В.* Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. - М.: Альпина Паблишер, 2021.

цивилизаций – Европейской и Российской или если рассматривать шире – Западной и Евразийской.

В настоящее исторический период этот разлом проходит через территории Грузии, Армении, Молдавии, Болгарии, Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии, Польши, Финляндии. Все эти страны испытывали ранее и испытывают сейчас противоположные притяжения со стороны Западного и Евразийского пространства, которые постоянно обостряют в них высокую *политическую нестабильность* и вызывают интенсивные *культурные флуктуации* (проблемы языка, религиозные столкновения, исторические дискуссии, национальный вопрос, ценностные ориентиры и так далее).

Некоторые из отмеченных государств до определённого момента (2022 год) решали свои экзистенциальные проблемы вполне гармонично и эффективно (Финляндия). Другие довольно быстро теряли ориентиры стабильности и впадали в состояние политической деструкции, экономического кризиса и национальных противоречий (Украина, Грузия). Отдельные государства вопреки внешнему и внутреннему давлению держали устойчивый курс на всестороннее сотрудничество с Россией (Белоруссия).

Мы полагаем, что существуют всего три основных формулы относительно самостоятельного геополитического бытия подобных государственных образований в зоне цивилизационного разлома. Их можно метафорически обозначить как «*Стена*», «*Таран*», «*Мост*». Первая формула предполагает политику отчуждения и изоляции России (Евразийского пространства) от Европы (Западного мира). Вторая формула означает политику агрессии коллективного Запада в отношении России и стоящего за ней Евразийского пространства. Третья формула устанавливает политику независимого взаи-

мовыгодного сотрудничества между странами по обе стороны цивилизационного разлома через конкретную страну-мост, которая приобретает за счёт этого немалые дополнительные экономические дивиденды и политические преференции.

«*Политику Стены*» сразу после крушения СССР стали проводить Прибалтийские республики. «*Политику совмещения Стены и Тарана*» в отношении России под давлением Запада и собственного радикального национализма после государственного переворота 2014 года проводила Украина. После 2022 года она ещё более радикализируется и превращается в опасный антироссийский Таран, который своей разрушительной амплитудой порождает угрозы большой европейской войны или даже глобального вооруженного столкновения России и Запада. И лишь Белоруссия и Финляндия в том или ином виде тяготели к дальновидной «*политике геополитического Моста*» (по крайней мере до начала российской Специальной военной операции на Украине в 2022 году). После 2022 года Финляндия сближается с НАТО и начинает осуществлять «*политику геополитической Стены*».

Вполне очевидно, что всем отмеченным странам, в силу специфики их геополитического положения и культурного пространства, стабильность и процветание гарантированы лишь при определённой нейтральности и признании жизненных интересов народов как по одну, так и по другую сторону цивилизационного разлома. Попытки участия в различных изоляционных (санкционных) стратегиях или военных агрессиях против России (Евразийского сообщества) не принесут им ощутимых политических успехов или каких-либо существенных экономических преимуществ. Скорее даже наоборот – породят весьма непростые проблемы.

По крайне мере, об этом явно свидетельствует многовековая история взаимоотношений Европы и России. Западным политическим элитам не следует забывать, что всякая агрессия Европейского Запада против России в конечном счете почти всегда завершалась триумфальным визитом Русской армии в очередную поверженную европейскую столицу: Варшаву, Гельсингфорс, Париж, Вену, Будапешт, Прагу, Берлин.

В России всегда присутствовали определённые социальные силы, которые пытались втянуть её в орбиту Западной цивилизации. И время от времени такие попытки частично имели некоторый успех. Однако это есть не просто частная историческая, но фундаментальная метаисторическая ошибка. Россия никогда не была, не является и не должна быть составной частью Западного мира или Атлантической цивилизации. Это противоречит её духовной сущности и историческим задачам, которые мало понимали убеждённые западники и либеральные реформаторы от начала XVIII до начала XXI столетия.

Некоторые отечественные авторы считают необходимым рассматривать Россию как обособленную культуру и цивилизацию, находящуюся на цивилизационном перепутье Востока и Запада. В этом есть определённая истина. Россия, безусловно, это не традиционный Восток и не ортодоксальный Запад. Она представляет собой скорее независимую точку опоры геополитических качелей и культурно-исторических механизмов Восточного и Западного миров. Однако сейчас, в контексте поиска решения проблемы равновесия, мы не можем рассматривать Россию как совершенно обособленный и самодостаточный центр силы. Хотя бы потому, что она пока к этому не готова демографически, экономически, политически и идеологически.

Можно добавить, что на самом деле в настоящее время ни одно государство в Азии или в Европе в одиночку не способно выступить новым мощным центром силы, способным уравновесить доминирование Атлантического геополитического альянса во главе с США. Вот почему возникает необходимость формирования *Евразийского содружества* стран и народов и единого *Евразийского культурного и экономического пространства*. Наиболее дальновидные лидеры это уже почувствовали, признали и начали действовать в правильном историческом направлении (Россия, Китай, Индия, Турция, Иран, Сирия и др.).

Среди влиятельных российских политиков одним из первых необходимость сближения России, Индии и Китая почувствовал Е.М. Примаков. Во время визита в Индию в качестве премьер-министра России в 1998 году на неофициальном уровне он высказал идею формирования *стратегического треугольника* Россия – Индия – Китай. Однако ни Китай, ни Индия тогда не оценили и не поддержали эту крайне важную идею. Многие годы эти страны были ориентированы на экономическое и технологическое взаимодействие с США и не рефлексировали себя в качестве основных точек опоры геополитической конструкции нового мира, противостоящего монополярной американской гегемонии.

Америка и Европа являлись основными источниками крупных инвестиций в Азии, что вполне устраивало китайские и индийские политические элиты. Поэтому вовсе не случайно, что в тот период Запад оценивал возможность возникновения устойчивой геополитической оси Россия – Индия – Китай как событие маловероятное или вообще невозможное. Такие оценки имели ещё одно дополнительное существенное основание. Как вполне справедливо отмечали аналитики, неизжитый «*комплекс великодержавия*» подрывал зыбкое

единство стран стратегического треугольника (Россия – Индия – Китай) и «являлся серьёзным препятствием на пути формирования прочного, тесного и долговременного сотрудничества между ними» (Ю.А. Мареева[2]).

Обострение геополитических противоречий после начала Украинского кризиса в 2014 году, радикализация позиции США в сохранении гегемонии на международной арене на фоне нарастающей стагнации своей экономики и внутреннего конфликта элит, резкое усиление стратегии «сдерживания Китая» оказали значительное влияние на политическое сознание лидеров коммунистического Китая и демократической Индии.

Они стали понемногу понимать, что экономические и другие возможности основных участников формирующегося *Большого евразийского партнёрства* дополняют и усиливают потенциалы друг друга. В самой теоретической концепции «Большого евразийского партнёрства» (БЕП), идея которого впервые была озвучена Президентом В.В. Путиным в 2015 году, вполне прагматично предполагается, что начальные шаги широкой евразийской интеграции стран и народов должны быть сделаны не в политической или военной сферах, а в области давно назревшего и даже необходимого *экономического сотрудничества*[3].

Россия имеет огромные ресурсы и необозримое малоосвоенное географическое пространство, которые дополняются созидательной силой национальной духовной культуры и немалой военной мощью. Китай и

---

[2] *Мареева Ю.А.* Стратегический треугольник Россия – Индия – Китай в международных отношениях (теория и практика) // Вестник МГИМО – Университета. Политологические науки. 2012. №5. С.244.

[3] *Петровский В.Е.* Россия, Китай и контуры «Большого евразийского партнерства» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. Выпуск XXII. С.37.

Индия могут дать непревзойдённую демографическую основу и стремительно нарастающий экономический потенциал. Разумеется, невозможно не отметить значение духовных традиций Индии, Китая и Арабского Востока, повлиявших и оказывающих до сих пор мощнейшее влияние на мировую религиозную и философскую мысль, а также на массовое сознание миллионов людей.

Таким образом, *Евразийское пространство* оказывается уже не просто фигурой речи или очередной академической метафорой. Оно реально охватывает исторические центры трёх мировых религий, десятки возрождающихся и развивающихся государств, примерно 4,5 миллиарда человек трудовых ресурсов (без населения Европы), сотни крупных городов, высокий научный и образовательный потенциал, крупные достижения в исследованиях космоса, формирующиеся трансконтинентальные транспортные коридоры, выходы к четырём океанам и огромные природные запасы нефти, газа, руды, леса и пресной воды.

Когда мы говорим о *Евразийском пространстве*, то имеем в виду не только политический и экономический противовес Западной цивилизации. Это, безусловно, крайне важно и актуально. Тем не менее, всё это имеет вторичное или частное значение. Главное значение объединённой *Евразийской цивилизации* состоит в том, что она исторически призвана утвердить альтернативную стратегию развития всего человечества. Такая стратегия в своих аксиологических доминантах должна отвергнуть неразумное тотальное потребительство, радикальный гедонизм, экзистенциальный культ наживы и нарастающее духовное разложение. Откровенно говоря, многие базовые ценности современного Западного мира ведут земную цивилизацию к глобальной ката-

строфе. Об этом не раз писали выдающиеся мыслители и футурологи.

Невозможно построить устойчивое общество на зыбком песке этического разложения человека, который низвергает все духовные учения и моральные устои ради собственной меркантильной выгоды и извращённого сладострастия. Так, например, никто ещё до конца не оценил надвигающиеся драматические последствия крушения института традиционной семьи и однополых сексуальных отношений в странах Америки и Европы, которые получили там моральное, политическое и правовое обоснование.

Сейчас приходит время осмысления реального полицентризма в геополитике и альтернативных путей социокультурного развития стран и народов. Американская олигархическая демократия и американский потребительский образ жизни являются далеко не единственными способами существования общества и личности в условиях современного мира[4].

Международная обстановка осложняется также нарастающими политическими противоречиями и надвигающимся очередным глобальным экономическим кризисом. Монополярная модель мироустройства и социальный эгоцентризм западного индивида вступают в острое противоречие с интересами большинства человечества. Поэтому нарастающее формирование нового, независимого от Запада, геополитического, экономического и культурного пространства можно считать явлением вполне закономерным и неизбежным. Чёткие контуры этого пространства ещё не определены. Однако его евразийская географическая локализация уже не вызывает никаких сомнений.

---

[4] *Аблеев С.Р.* Евразийское пространство и геополитический полицентризм // Философские исследования и современность: Сборник научных трудов. Выпуск 8. – М.: ИПЛ, 2019.

2

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ И СУВЕРЕННАЯ РОССИЯ

В современных условиях резкого обострения идеологического и геополитического противостояния локальных цивилизаций возрастает необходимость теоретического осмысления и обоснования концептуальных оснований архитектуры *многополярного мира*. Многими мыслителями Востока и Запада перспективы стремительно трансформирующегося человечества не редко ставились в зависимость от России, от её способности предложить свой глобальный ответ на вызовы современной действительности, который не только дает возможность сохранить её собственный путь исторического развития, но и дарит надежду другим странам и народам.

Очевидно, что решение этих вопросов упирается в проблему геополитического баланса ведущих мировых держав. После крушения СССР и Советского политического блока неожиданно возникло монополярное мировое сообщество во главе с США и его союзниками. Фактически это означало глобальное доминирование *Западной цивилизации* над всеми другими локальными цивилизациями и культурами. Однако события конца XX – начала XXI веков показали, что такое мироустройство для всего незападного человечества оказывается крайне неблагоприятным.

Теперь мало у кого остались сомнения, что устранение реального геополитического противовеса открыло возможности почти бесконтрольных, а потому очень опасных авантюр западных элит на мировой арене (развязывание локальных войн, искусственное столкновение различных национальных и религиозных групп, смещение законно избранных политических лидеров, «цветные революции», поддержка национализма, неонацизма и

терроризма, разложение традиционных моральных устоев, а также нарастающая манипуляция массовым сознанием через коррумпированных политиков и контролируемые СМИ).

Таким образом, сложившаяся монополярная архитектура мирового социального пространства оказалась мало устойчивой, а моноцентрический мир явился крайне агрессивным и радикально негуманным. Вскоре мировое сообщество начало осознавать, что Западная (Евро-Атлантическая) цивилизация совершенно не склонна принимать в расчет интересы других локальных цивилизаций (российской, китайской, индийской, арабской, латиноамериканской, африканской), которые для неё являются не более чем источниками ресурсов, рынками сбыта, объектами политического управления и экономического подавления.

В таком случае мировая социально-политическая архитектура не может, да и не должна опираться на одно единственное основание. Вполне очевидно, что устойчивое положение требует других точек опоры и динамического баланса глобальных сил и игроков. Под влиянием различных международных процессов в настоящее время мы наблюдаем интенсивное формирование альтернативного геополитического основания мировой социокультурной системы. Условно и абстрактно его можно определить, как *Евразийский центр силы*. Уже сейчас, на наших глазах, он начинает создавать ощутимый политический, экономический и ценностный противовес *Западному* или *Атлантическому центру силы*. Общая глобальная тенденция развития человечества на современном этапе – это поиск нового баланса геополитических сил и влияний. Причем особенностью этого формирую-

щегося баланса является отсутствие единого источника легитимности[5].

Данный процесс надо рассматривать как напряженное становление новой мировой политической, экономической и социальной архитектуры. Старый мир вступает в фазу тотального разрушения. Он уже почти никого не устраивает. Новый мир только нарождается и его контуры пока находятся в глубоком тумане. Это будет очень сложный глобальный процесс, не лишённый идеологических столкновений, экономических войн и даже военных конфликтов. По всей видимости, он будет длиться, как минимум, несколько десятков лет или даже в течение всего XXI столетия.

Так уж случилось, что безусловным мировым лидером этого сложного процесса явилась Россия. Более сильный в экономическом смысле Китай долгое время занимал примирительную позицию относительно американского доминирования и искусно лавировал между собственными интересами и интересами коллективного Запада. Даже в момент обострения Украинского конфликта в 2022 году Китай не проявил открытой и всесторонней поддержки своего союзника, то есть России. У Китая есть большой экономический потенциал и не менее значительные международные амбиции. Но у него уже не наблюдается такой мощной *метаисторической пассионарности*, как у российского супер-этноса.

С точки зрения концепции локальных культур и теории этногенеза, это обстоятельство вполне объяснимо. Даже по общепринятым историческим канонам китайская цивилизация насчитывает многие тысячи лет. Реально - намного больше. Она уже прошла пик своего

[5] Эпоха пандемии: год второй. Возвращение будущего // Ежегодный доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / *Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И.* – М., 2021. С. 23.

культурного расцвета и наивысшего пассионарного напряжения. В настоящий период Китай лишь успешно сохраняет накопленный духовный потенциал, который позволяет противостоять историческим вызовам и создаёт условия для динамичного развития.

Российская цивилизация намного моложе. Она ещё полна жизненной силы, напряжённой духовной энергии и неисчерпанной пассионарности. Противостояние такому этносу подобно борьбе с ураганом: всё начинается как бы с легкого обманчивого ветерка, но потом он превращается в ужасный и ошеломительный напор, вырывающий с корнями деревья и сметающий все построения на своём пути. Достаточно обратиться к российской истории, и мы увидим такую устойчивую закономерность на многих примерах и обстоятельствах, когда пассионарная энергия вопреки всем доводам здравого смысла сокрушала непобедимые армии, великие империи и даже собственные элиты, рискнувшие бросить вызов непокорному русскому духу. Этот момент до сих пор не совсем осознали в Европе и Америке, несмотря на многовековой опыт вооруженных и иных столкновений российских и западных народов.

Не уверен, что данное обстоятельство достаточно ясно понимают и китайские партийные лидеры, у которых может закружиться голова от экономических и технологических успехов КНР в начале XXI века. В контексте современной трансформации мирового порядка рискну утверждать, что в открытой военной или гибридной схватке с коллективным Западом Китайская коммунистическая Империя без всесторонней российской поддержки может не удержать свои позиции и как в XIX веке потерпеть досадное поражение. Мощный экономический ресурс – это ещё не козырной туз в очень сложной геополитической игре на выживание и доминирование, которую ведут страны коллективного Запада с но-

выми центрами силы. Совершенно не исключено, что хищный Американский *Гриф-стервятник* и старая коварная *Европейская Лиса* так или иначе обыграют, разведут и добьют большого красного *Китайского Дракона*, если рядом с ним не встанет не такой большой, но крайне решительный и закалённый в сражениях *Русский Медведь*.

Таким образом, основу нового формирующегося Евразийского центра силы в значительной мере составляет суверенная политика, традиционная духовная культура и независимая экономика локальных цивилизаций России и Китая. Причём в настоящее время ни одна из этих стран в одиночку не сможет стать новым самостоятельным геополитическим полюсом планетарного масштаба, способным во всех смыслах уравновесить влияние Атлантического полюса. Современной России не хватает демографического и экономического потенциалов, а Китаю недостает географического пространства, природных ресурсов и военной мощи. Каждая из этих двух стран-цивилизаций имеет свои безусловные преимущества, достижения и самобытную духовную культуру, органичная интеграция которых может дать в не столь отдаленном будущем мощнейший кумулятивный эффект мирового значения.

Вместе с тем, по всей видимости, никакая другая страна в мире кроме России не имеет такого уникального ресурса развития, как способность к масштабным политическим трансформациям, великим социальным реформам и грандиозным культурным преобразованиям. Российская цивилизация - это непревзойденная *мировая венчурная площадка*, на которой осуществляются противоречивые процессы идейно-философского поиска и социально-политического становления новых, более совершенных, культурно прогрессивных форм общественного устройства.

Так, в частности, нам не стоит забывать, что первое в мировой истории *общество равенства и братства* сто лет назад начали строить не в Европе, не в Америке, не в Китае, а именно в постмонархической Советской России. К сожалению, оно оказалось далеко не во всем успешным и не совсем устойчивым. Но это, как говорится, уже совершенно другая проблема, которая, в свою очередь, должна быть обстоятельно осмыслена во всей философской, экономической, политической и иной полноте. В этой связи следует помнить ещё и о том, что китайские товарищи вполне успешно осваивали опыт советских коммунистов, который, будучи дополнен рыночными реформами, лег в основу китайского экономического скачка конца XX – начала XXI веков.

Именно поэтому фундаментальное мировоззренческое значение сейчас приобретает идея так называемого *цивилизационного суверенитета* России, которая ни духовно, ни политически, ни экономически не должна раствориться в мутных потоках Атлантического мира, утеряв все свои идейные преимущества и исторические перспективы. Более того, есть основания полагать, что формирование альтернативного *Евразийского центра силы* без российского потенциала и вне Российской цивилизации оказывается процессом весьма затруднительным, сложным и в конечном счёте маловероятным[6].

Ведь значение России состоит не только в её богатых природных ресурсах, широких просторах и мощном реформаторском духе, но и в имманентной способности быть незримым *духовным мостом* между различными странами, народами и религиями. Эта способность приобретает сейчас без преувеличения важнейшее значение, обусловленное нарастающими процессами противоре-

[6] *Аблеев С.Р., Золкин А.Л., Кузьминская С.И., Марченя П.П.* Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии. М.: ИПЛ, 2017.

чивой континентальной интеграции, расширяющегося межкультурного и политического диалога, а также экономического взаимодействия различных (порой враждебных друг другу) стран Евразийского пространства.

Изучая спектр проблем цивилизационного суверенитета, российскому академическому сообществу и политической элите пришло время посмотреть без розовых очков на так называемую «*политику сдерживания России*», которую уже много лет проводят страны Американо-Европейского мира. Вне всяких сомнений, она должна быть квалифицирована как недружественный, более того – враждебный курс США и их союзников по отношению к нашей стране.

В чем состоит скрытый смысл этой политики? Если называть вещи своими именами, то Российской Федерации пытаются организовать наибольшее количество всевозможных проблем – политических, экономических, военных, информационных, имиджевых и так далее. Расценивать такой формат международных отношений в качестве дружественного, партнерского или делового можно лишь при изрядной степени геополитической неадекватности. Поэтому, когда некоторые представители либеральных кругов нашей страны делают вид, что ничего особенного не происходит, что это есть «нормальное» положение вещей, то они поступают, как минимум, безответственно по отношению к интересам своего народа и государства.

В этой связи хочется обратить внимание на одно крайне важное, но не до конца осмысленное обстоятельство: Россия почти всегда, в любом из своих культурно-исторических видов, в любой своей политической форме – не устраивала, раздражала и возмущала Западный мир. Эта горькая истина ещё мало усвоена академическим сознанием, которое продолжает пребывать в плену геополитических иллюзий. Феодальная

Русь, Имперская монархическая Россия, Советская Россия (СССР), Демократическая Россия – постоянно сталкивались и продолжают в настоящее время сталкиваться с актами недружественного или даже явно враждебного поведения западных государств.

Складывается впечатление, что *Российская цивилизация* действительно является не только геополитическим, но и экзистенциальным оппонентом *Западного мира*. Не случайно в русской религиозной философии и евразийском философском гнозисе (Живая Этика) противостояние этих двух цивилизаций приобретает глубокий метаисторический, если не метафизический характер[7].

Нам представляется, что значительная часть российской политической и культурной элиты как на рубеже XX–XXI веков, так и в более ранние периоды отечественной истории не слишком глубоко понимала экзистенциальную сущность Западной цивилизации. Она безмерно идеализировала её, экзальтированно симпатизировала и восхищалась ей, теряя реальное ощущение весьма непростой и крайне неоднозначной объективной действительности. Именно поэтому на разных этапах истории страны наши элиты оказывались неспособны оценить реальный уровень угроз с западного направления и подлинное отношение европейского и американского истеблишмента к России. Именно здесь нужно искать причины некоторых наших серьёзных дипломатических провалов, геополитических просчётов и военных поражений.

В этом контексте яркими и показательными примерами являются события, связанные с Императором Николаем II и Президентом М.С. Горбачевым, которых

[7] Фундаментальные ценности России и Запада: аксиологическое измерение столкновения цивилизаций в XXI веке. - М., 2017. http://users4496447.socionet.ru/files/5.Z.pdf.

англосаксонские лидеры весьма ловко использовали в своих интересах как полезные фигуры большой геополитической игры против России и некоторых других государств. В одном случае результатом игры явилось втягивание Российской Империи в ненужную ей Европейскую (Первую мировую) войну, запустившую необратимый процесс распада Империи. Во втором случае результатом сложной комбинации был распад Советского Союза, как следствие неадекватного понимания политической и социально-экономической реальности советской партийной элитой того времени.

Даже такой весьма недоверчивый и проницательный советский лидер, как И.В. Сталин - недооценил коварство нацистского фюрера и накануне войны доверял дипломатическим соглашениям с гитлеровской Германией, по всей видимости, немного больше, чем доводам холодного разума и горячим донесениям всей советской военной разведки. Как известно, товарищ Сталин вовсе не питал иллюзий в отношении нацистской Германии и ожидал неизбежное приближение войны. Однако внезапное, стремительное и крайне успешное начало наступления германских войск на западных рубежах СССР в конце июня 1941 года повергло его на несколько дней в состояние психологического шока и политического аффекта.

Вот почему очередная «горячая» или «холодная» война, новая «политика сдерживания» или вовсе уже не новые «экономические санкции» порой воспринимались российскими политическими элитами как неожиданное и непредсказуемое падение космического астероида. Мы полагаем, что пришло время, наконец, расстаться с произвольными иллюзиями и начать принимать в расчет реальные *аксиологические доминанты* и *глубинную сущность* геополитики Западной цивилизации, а также её далеко не конструктивное восприятие

цивилизационного суверенитета России, российских духовных ценностей и грандиозных исторических перспектив.

Но эта проблема, разумеется, намного сложнее и упирается не только в прозападные иллюзии российской политики и культуры. Никакое общество не может развиваться без четко определенных целей и осмысленных ценностей. С философской точки зрения, в своей совокупности они составляют определённую духовную целостность, которую в широком смысле принято именовать *идеологией*. Обычно её понимают довольно узко, исключительно в политическом контексте. Но это совершенно неправильно. Существует культурная идеология, идеология социального развития, экономическая идеология, идеология развития науки и техники и так далее.

Старшее поколение хорошо помнит, что XX век привнёс в международные отношения напряжённый идеологический фактор, который явился основой политических блоков и военных союзов. Не случайно представители экспертного сообщества порой называют прошедший век - «*веком идеологий*» (Д.В. Тренин[8]). В каком-то смысле общество действительно устало от напряженного противостояния идеологических императивов коммунизма и либеральной демократии. Однако это противостояние вовсе не закончилось, как показалось некоторым наблюдателям, в конце XX века вместе с крушением советской политической системы. Оно только кардинально видоизменилось и ушло в другие мировоззренческие глубины.

В XXI столетии идеологические оппозиции глобального мира выходят на новый, совершенно иной уровень философского дискурса. Во-первых, это идео-

[8] *Тренин Д.В*. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. – М.: Альпина Паблишер, 2021.

логическая дилемма общей международной архитектуры постиндустриального общества, предполагающая сейчас лишь две глобальные альтернативы: *монополярную* или *многополярную* в геополитическом и социокультурном смыслах планетарную цивилизацию.

Во-вторых, это идеология ценностных основ новой планетарной цивилизации третьего тысячелетия. Здесь идеологическая оппозиция предполагает такие альтернативы как: *разрушение традиционных моральных устоев* под либеральными лозунгами или *укрепление традиционных моральных основ* под влиянием религиозной мысли и гуманистической философии; тотальную *деконструкцию человеческой сущности* или её всестороннее *духовное совершенствование*.

Отказ от идеологии вообще – это в определённом смысле потеря четко осмысленного и определенного курса стратегического развития страны. Образно говоря, это похоже на опрометчивое сожжение штурманской карты в бушующем океане. Нечто подобное произошло в конце XX столетия в новой демократической России. Вместо давно назревшего радикального переосмысления и обновления устаревшей коммунистической идеологии (разумной коррекции курса развития страны), её ликвидировали совсем[9].

Конечно, формирование общенациональной идеологической системы представляет собой процесс сложный, неформальный, дискуссионный и совершенно не бюрократический. Некоторые политологи вполне обоснованно указывают на этот момент, подчёркивая, что подлинная идеология не выдумывается и не сочиняется под конкретный заказ (А.К. Пушков[10]). Действительно,

---

[9] *Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П.* Идеология русской государственности. Континент Россия. – СПб.: Питер, 2021.

[10] *Пушков А.К.* «Ледяная война» против России и новый миропорядок // Российская газета. 08.11.22. www.rg.ru.

всякая осмысленная идеологическая система координат философски задаётся представителями духовной и политической элиты под влиянием общественного запроса, исторического контекста и наиболее важных мировоззренческих представлений о целях развития человека и социума вообще.

Однако тогда российская политическая элита почти отказалась от философского осмысления курса и поиска новых надёжных ориентиров дальнейшего развития страны. Магистральный путь, предложенный реформаторами 90-х гг. XX века, предполагал «*догоняющее развитие*», малоосмысленное политическое подражание и необоснованное аксиологическое поклонение Западу. Для народа всё это формулировалось предельно понятно и привлекательно, как «*демократизация*», «*либерализация*» и «*формирование рыночной экономики*». Однако фактически политическая и экономическая стратегия стала укладываться в примитивную утилитарную формулу: «*перенимать как у них…*». Иными словами, строить западный капитализм на российской земле.

Складывалось впечатление, что спустя неполных двести лет в России состоялась очередная метафизическая реинкарнация «западников» XIX века, мировоззренческий импульс к оформлению позиции которых породил тогда своими «Письмами» не совсем последовательный светский интеллектуал Петр Чаадаев. Более того, среди современных экспертов даже существует убеждение, что в начале 1990-х годов Россия впервые в своей истории существовала «*в ситуации полной духовной и даже политической победы «западников»*»[11]. Действительно, в этот непростой период нашей истории

[11] *Лукьянов Ф.А., Миллер А.И.* Отстранённость вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности. – М., 2016.

рациональное и объективное понимание весьма неоднозначной сущности Западного мира, которое мучительно формировалось в период имперской и советской истории страны, неожиданно сменилось наивным и инфантильным самообманом.

Так что же в конечном счёте получила постсоветская Россия в результате такой стратегии развития? Если формулировать лапидарно, то есть предельно кратко: духовную, социальную и экономическую деградацию. Иными словами, наша страна столкнулась с катастрофической убылью населения в результате массового вымирания и эмиграции, с постоянными экономическими кризисами, с ослаблением политического суверенитета, а также с регулярным ритуальным унижением на геополитической арене. Причем проводить этот ритуал стали уже не только влиятельные представители западного политического бомонда, но и почти никому не известные спортивные клерки. Наглядным примером чему является, в частности, травля российской олимпийской сборной накануне корейской Зимней олимпиады 2018 года.

В результате либеральных реформ в стране появилось новое, совершенно дезориентированное поколение. Оказалось, что наша молодежь перестала видеть дальние цели. Более того, она перестала ощущать светлые перспективы жизни в собственной некогда великой стране. Вот в чем состоят реальные причины постоянного оттока талантливых молодых специалистов за границу и низкой рождаемости, несмотря на все усилия государства по социально-экономической поддержке семьи и материнства. Некоторые социологи до сих пор по инерции продолжают лакировать действительность. Но тот, кто каждый день входит в студенческую аудиторию, прекрасно понимает настроения и устремления молодых людей. Студентам категорически не понятно,

почему в самой большой по площади и невероятно богатой по ресурсам стране две трети народа живет в бедности.

Теперь, спустя столетие после исторических событий 1917 года, правящим элитам и народным массам необходимо осознать всю разрушительную пассионарную мощь наших революционных ураганов. России сейчас нужны не новые революционные потрясения, а уверенное, планомерное, поступательное развитие[12]. Пришло время переосмыслить идеологические ориентиры и стратегические цели Российской цивилизации: прозападный либерализм не смог ранее, не может сегодня и вряд ли сможет в обозримом будущем послужить конструктивной ценностной основой ответов самобытной Российской цивилизации на глобальные вызовы современности. Мы глубоко убеждены, что стратегия развития России не должна слепо копировать идеологические системы западных государств. Хотя бы потому, что они, в конечном счете, оказались не столь эффективны, как это ранее кому-то казалось.

Культурный код Западной цивилизации содержит *системные ошибки*, которые уже не первый раз в истории порождают локальные и глобальные кризисы. Не надо забывать, что две мировые войны начались в геополитическом пространстве именно Западной цивилизации. Не стоит закрывать глаза и на то, что подавляющее большинство современных военных конфликтов были инспирированы США и другими странами НАТО. Можно добавить и нарастающую экономическую стагнацию Америки и Европы, а также крушение традиционной морали в так называемых «развитых» или «цивилизованных» странах. Гомосексуализм, произвольная

[12] Столетие Русской революции в контексте проблем социальной стабильности и безопасности. - М., 2017. http://users4496447.socionet.ru/files/4.100.pdf.

гендерная инверсия и наркомания теперь начинают там восприниматься как вполне допустимые и легитимные социальные нормы «свободного общества». Но нужны ли такие «нормы» Российской цивилизации?

Россия по своей духовной сущности не может ориентироваться на подобные девиантные «*европейские ценности*» (список которых не ограничивается указанными выше явлениями). Мировоззрение современной Западной цивилизации пронизано безграничным гедонизмом, потребительством, техницизмом и культом денег. Оно низвергло почти все духовные основания – как в их религиозной, так и в светской разновидностях. Варварское глумление над чужими духовными ценностями европейская пресса теперь считает невероятным торжеством «свободы слова» (карикатуры на Пророка Мухаммеда, христианских Святых, сожжение Корана). На исповеди в Америке и Европе простодушного обывателя все чаще встречает пастор-гомосексуалист, которому нужно смиренно каяться в своих грехах.

В основу идеологии развития новой России должны быть положены великие идеи, осмысленные и обоснованные лучшими мыслителями-гуманистами и прогрессивными реформаторами общества. Это идеи духовного совершенствования человека, традиционной семьи, социального государства, равенства и братства всех народов, независимо от национальных и религиозных особенностей, а также от размера их кошелька. Новая идеология не может игнорировать принципы гармоничного сосуществования различных государств на международной арене и экологическую этику взаимодействия общества и природы. Об этих проблемах писали многие талантливые мыслители Востока и Запада, но голос русской философской мысли среди них всегда звучал уверенно, конструктивно и дальновидно.

Таким образом, уже не старая Европейская Россия, а новая *Евразийская Россия* призвана открыть магистральные пути развития человека и общества. Утвердить новые модели общественного устройства, как в пределах государства, так и на международной арене. Для этого уже нельзя думать только о собственных интересах, как это делают страны Западного мира, – необходимо принимать в расчет и последовательно отстаивать интересы всего человечества.

Суровая и неудобная для некоторых атлантических элит экзистенциальная истина состоит в том, что земное человечество сможет выжить только в единстве и гармонии. Социальные и экологические противоречия невозможно устранить силами локальных государств. Поэтому все разновидности идеологической концепции так называемого «*золотого миллиарда*» (земного рая для избранных) следует расценивать как крайне опасные иллюзии западных эгоцентристов. Страны и народы, политика и экономика, мораль и демография, общество и геосфера, массовое сознание и психическая ноосфера планеты слишком тесно связаны между собой.

Проблема взаимодействия двух центров силы – Евразийского альянса «Россия-Китай» и Запада во главе с США – на самом деле упирается не в конкретного лидера Америки (как полагают некоторые авторы), а в устойчивый менталитет политической элиты Нового Света. Она постоянно преследует исключительно собственные меркантильные интересы и не желает считаться с культурными ценностями, политическими приоритетами и экономическими нуждами других народов. Под давлением «твердой» или «мягкой» силы многие страны уже приняли навязанные им правила и де-факто почти утеряли суверенитет. Но это еще не либеральный «*конец истории*», как поспешно на рубеже столетий провозгласил американский философ Фрэн-

сис Фукуяма. Оказалось, что по установленным извне правилам игры в этом мире готовы играть далеко не все.

Вполне закономерно, что попытка России заявить о собственных правах и интересах устами Президента В.В. Путина в 2007 г. на международной конференции в Мюнхене подвела черту под внешне благосклонным отношением Запада к Российскому миру. Этот и другие шаги РФ по отстаиванию своих цивилизационных интересов и геополитической концепции многополярного мира вызвали острую реакцию США и ЕС. Реакцию на грани политического бешенства. В этот момент начинается очередная фаза резкого обострения старого экзистенциального конфликта двух цивилизаций – *Атлантической* (экспансивной и склонной к доминированию) и *Евразийской* (самодостаточной и не признающей внешнее давление). Все последующие экономические санкции, информационные войны, политический шантаж, дипломатические столкновения явились лишь следствиями этого старого, глубинного, метаисторического конфликта[13].

В конечном счете, Российская цивилизация имеет лишь две реальные альтернативы[14]. Либо сдать все позиции и покорно преклониться перед Западным миром, отказавшись от собственного культурного кода и права распоряжаться своими ресурсами[15]. Либо найти силы

---

[13] *Аблеев С.Р., Золкин А.Л., Марченя П.П.* Геополитические угрозы и суверенная Россия: столкновение цивилизаций нарастает? // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019. №1. С.4 - 9.

[14] Цивилизационный суверенитет России: глобальные угрозы и стратегические перспективы. - М., 2017. http://users4496447.socionet.ru/files/CV.pdf.

[15] *Парилов О.В., Треушников И.А., Ротанова М.Б.* Утверждение черт постмодерна в современном российском государстве //

для сохранения верности национальной традиции, укрепления нового Евразийского полюса мирового влияния и независимого развития вопреки всем санкциям, сдерживанию и угрозам.

Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 2. № 1. С. 21–24.

3

ЕВРОПА И ЕВРАЗИЯ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РАЗЛОМ

Несмотря на многочисленные политические проблемы и экономические сложности, формирование нового *евразийского формата* взаимоотношений России, азиатских и европейских государств продолжает набирать обороты. Процесс этот развивается вовсе не спонтанно, но отражает глобальные, можно сказать тектонические изменения в мировой геополитике, распределении экономических центров роста и доминирующих социокультурных тенденциях. В этой связи для России снова на передний план выходит старая так называемая «*проблема Европы*». Тридцать лет назад, когда рушился Советский Союз, она была вполне определённо решена как в политическом сознании элиты, так и в массовом сознании народа.

Тогда Европа многим казалась великим демократическим идеалом, пленительным экономическим горизонтом, на который должна была равняться и к которому должна была устремиться новая постсоветская Россия. Однако уже вскоре ситуация начала изменяться и отношение к Европе потеряло свою позитивную однозначность. Значительную роль в этих изменениях сыграли обострившиеся в начале XXI века геополитические противоречия Запада и России, спровоцировавшие вооруженные конфликты сначала в Грузии, а затем на Украине. Параллельно с ними начали нарастать и аксиологические диссонансы Западной и Евразийской локальных цивилизаций. Особенно остро они проявились в российском культурном пространстве.

Вполне очевидно, что между Европой как западной окраиной Евразии и всей Большой Евразией невозможно поставить знак тождества ни в культурном, ни в

этническом, ни в политическом смыслах. Европа как историческая колыбель Западной цивилизации при всём значении её общепризнанных достижений ни в прошлом, ни в настоящем не отражала и не отражает сейчас широкий этнический состав и многоликий культурный дух всего Евразийского пространства.

На современном историческом этапе Большое евразийское пространство для своего гармоничного политического и эффективного экономического развития должно на практике осуществить идею *кумулятивной синергии* культурного опыта многочисленных народов от Ледовитого до Индийского океанов. В современном глобализирующемся мире уже невозможно построить нечто масштабное, устойчивое и конкурентоспособное на основе национальной культуры отдельного или нескольких этносов. Теперь требуется более широкий синтез в мировоззренческом, культурном, социальном и экономическом аспектах. Ведь глобализация, интеграция, мировая конкуренция и транснациональная миграция в XXI столетии предстают вполне объективными и существенными по своей значимости процессами.

Поэтому Большое евразийское пространство для своего успешного развития объективно будет вынуждено объединять или, по крайней мере, устанавливать взаимодействие совершенно различных традиционных культурно-исторических моделей организации общественной жизни: конфуцианской, индуистской, буддийской, христианской, исламской и либерально-правовой. Для этого, по всей видимости, потребуются совершенно новые *философские парадигмы* и *идеологические концепции*, способные дать необходимую идейную основу для гармоничного сосуществования и интеграции не только различных духовных традиций прошлого, но и альтернативных социально-политических систем современного мира.

В этом контексте, рассматривая сложную социокультурную диалектику взаимоотношений России и Европы, необходимо обратить внимание на одну нетривиальную и малоосмысленную проблему. Уже многие сотни лет можно наблюдать устойчивое, противоречивое и не всегда очевидное геополитическое явление между Восточной Европой и западными российскими территориями. Сменялись исторические эпохи, возрождались и приходили в упадок государства, возникали и разрушались империи, разгорались и затухали войны, но постоянно в этой особой зоне сохранялась странная нестабильность, потенциальная взрывоопасность и тлеющий очаг последующих политических или межнациональных напряжений.

Одним словом, проблема состоит в том, что эта зона представляет собой своеобразный *метаисторический барьер* или *цивилизационный разлом.* Этими понятиями (философскими концептами) мы обозначаем устойчивую в течение многих столетий неформальную границу или некоторый скрытый экзистенциальный рубеж, проходящий не просто между различными государствами, которые по своей сути являются исторически недолговечными образованиями, но между относительно стабильными и долговременными цивилизационными пространствами большого геополитического масштаба.

Как показывают исследования, эти пространства основаны на различных ценностях, по-разному исторически развиваются и проявляют вовсе не одинаковые мировоззренческие интенции духа. В конечном счёте, их почти невозможно привести к общему культурно-историческому знаменателю, так как они постоянно обнаруживают значительную часть совершенно нетождественных между собой экзистенциальных переменных величин (этнических, религиозных, ценностных,

экономических, политических и так далее). В своё время на это обстоятельство обращали внимание ещё М.В. Ломоносов и Н.Я. Данилевский, которых, к сожалению, в XVIII и в XIX столетиях мало кто услышал.

Для наглядной иллюстрации можно, например, обратить внимание на религиозный аспект рассматриваемой проблемы. В теории принято обычно полагать, что принадлежность народов к единой религии устраняет значительную часть противоречий между ними. Религия духовно и социально объединяет своих последователей. В то время как религиозные войны, как правило, предполагают веру в разных богов и совершенно различные религиозные традиции, культурные ценности и жизненные уклады, которые и приводят к острым столкновениям.

Однако в реальной исторической жизни, оказывается, всё было вовсе не так однозначно. Вера в одного бога и общие христианские ценности совсем не помешали христианам из Польши, Франции, Германии или Британии в разные столетия проводить агрессивную внешнюю политику и нападать на таких же христиан из России. Значит, дело тут вовсе не в формальной принадлежности к той или иной религии. Сущность этой проблемы находится намного глубже.

В данном случае христианская Русь в сознании европейской политической аристократии и культурной элиты олицетворяла чуждые бескрайние пространства загадочной Евразии или (как говорили в прошлые столетия в Европе) «*ужасной Тартарии*», населённой «*полудикими*», «*воинственными*», «*нецивилизованными*» народами. Относительно не цивилизованности евразийских народов, разумеется, можно основательно поспорить. Например, китайская, индийская и арабская культуры в некоторые исторические эпохи существенно превосходили по своим философским, научным, техни-

ческим, эстетическим и иным достижениям отсталую клерикальную культуру стран средневековой Европы. Но дело тут вовсе не в известных объективных фактах, которые очевидны всякому специалисту, а в устойчивом субъективном восприятии европейцами этнических сообществ Большой Евразии.

Отношение старой и новой европейской элиты к российским народам, по вполне обоснованному мнению некоторых отечественных политологов и историков, традиционно укладывается в бинарную смысловую матрицу (Ф.А. Лукьянов, А.И. Миллер). Первый смысловой концепт этой матрицы: русский – как «*варвар у ворот*». Он указывает на страшную экзистенциальную угрозу с восточного направления, которая якобы постоянно нависает над «*просвещенной Европой*».

Много столетий назад Европе действительно угрожала монгольская конница потомков Чингисхана и боевые номады Тамерлана. Но они как известно каждому хорошему студенту не подчинялись русским князьям и сформировались вовсе не на славянских землях. Поэтому, на самом деле, если объективно полистать страницы истории, то в подавляющем большинстве случаев именно русские земли в течение многих столетий были вожделенной целью экспансионистской политики европейских государств[16].

Образованное старшее поколение ещё помнит, что известный идеологический лозунг «*Drang nach Osten*» («*Стремление на Восток*») возник вовсе не в Великом Новгороде и не в Москве, а среди германцев и на германской территории. Не случайно, что именно оттуда начинаются и две Мировые войны, в разжигании которых не только сама Германия, но и некоторые другие страны Европы сыграли главные или решающие роли.

[16] *Дугин А.Г.* Русская война. – М., 2015.

Второй смысловой концепт отмеченной бинарной матрицы: русский - как «*вечный подмастерье*»[17]. Эта концептуальная социокультурная установка недвусмысленно означает, что русский обязан постоянно учиться у европейца. Он не может быть на первых позициях, он должен быть всегда на вторых ролях. В системе ценностных координат «европейского мастера» русский не является подлинным субъектом культурного и осмысленного действия, поэтому он и не воспринимается как равный.

В лучшем случае ему будет уготовано место «*младшего брата*» или даже «*прислуживающего ученика*». Примерно так и никак иначе воспринимали поверженную постсоветскую Россию западные элиты в 90-е годы XX века, когда наставляли российское политическое и бизнес сообщество в премудростях лукавой (контролируемой) демократии и свободного (дикого) рынка.

А в худшем случае (как полагали немецкие нацисты под влиянием ультраправого американского историка-расиста Лотропа Стоддарда) русский представляет собой антропологический тип низшего порядка – *untermensch* (недочеловек). Это тоже один из аспектов европейского отношения к российским народам. Ведь приверженцами нацистской человеконенавистнической идеологии явились не только «*озверевшие германцы*»[18] (Ф. Ницше), но и другие европейские народы. В Европе сейчас очень не любят об этом вспоминать. Но как говорят в таких случаях: из песни слово не выкинешь.

---

[17] *Лукьянов Ф.А., Миллер А.И.* Отстранённость вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности. – М., 2016. С.17.

[18] Этот яркий литературный пассаж использовал известный немецкий философ Фридрих Ницше за несколько десятков лет до прихода к власти германских нацистов под руководством А. Гитлера.

Таким образом, можно вполне определённо констатировать, что к России на самом деле на Западе почти всегда относились достаточно прохладно, отчуждённо, настороженно и даже враждебно. Её постоянно пытались покорить военной силой или подчинить дипломатической хитростью. Германцы, как известно, не раз делали ставку на силу оружия. Британцы прославились своей в высшей степени виртуозной, коварной, иезуитской дипломатией, которая доставляла российской короне проблем не меньше, чем немецкие штыки и пушки. Если всё это не получалось – тогда пробовали навязывать невыгодные торговые соглашения.

Весьма интересно и примечательно, что Россия не рассматривалась европейскими элитами в качестве равного партнёра даже тогда, когда обладала реальной военной силой и политическим влиянием. Например, после совершенно неожиданного для западных столиц разгрома наполеоновской Франции русскими войсками в период с 1812 по 1814 годы. «*Русскому Медведю*» в таких случаях всегда отводилась роль не более чем политического пугала или грозного орудия в интригах европейских центров власти. И это важное геополитическое обстоятельство недостаточно понимали почти все русские правители от Петра и Павла до Михаила Горбачева и Бориса Ельцина. Именно здесь кроется одна из существенных причин их известных стратегических просчётов, за которые расплачивались потом немалым рублём и обильной кровью народы государства Российского.

Таким образом, можно даже не сомневаться в том, что все государства в зоне цивилизационного разлома постоянно будут неустойчивыми, шатающимися и ненадёжными как партнёры и союзники. Символические образы их политики – это *качающийся маятник* и *вращающийся флюгер*. Поэтому весьма наивно рассчи-

тывать на какие-либо длительные и стабильные партнёрские отношения с ними в ближайшем будущем. Достаточно оглянуться назад в историческое прошлое сосуществования России и Европы, чтобы понять, что такие страны всегда были изменчивы и ненадёжны, вопреки немалой поддержке и преференциям со стороны России.

Ярким, достаточно показательным примером подобных отношений является братская Болгария, за которую русский солдат не раз проливал свою кровь, освобождая её то от турецкого господства, то от гитлеровского нацизма. Однако даже явная экономическая выгода от магистральной газовой трубы («Южный поток») из России в Европу не удержала болгарскую политическую элиту в начале XXI века от предательства России и своих национальных интересов под давлением западного «Большого Брата».

По подобным сценариям развивались отношения и с другими нестабильными государствами или квазигосударствами зоны европейского цивилизационного разлома. Зажатое в XVII веке на юго-западных окраинах русских земель в геополитическое кольцо между саблями польской шляхты и пиками крымских татар, вольное («украинское») казачество оказалось вынуждено обратиться за покровительством и защитой к московским царям. Но когда власть Московских царей или Петербургских императоров ослабевала (в начале XX или в конце XX века), вольная украинская элита вдруг вспоминала о своей потерянной «самостийности» и начинала проклинать «коварных москалей».

А разве не по аналогичному историческому сценарию развивались отношения с нашей дружеской Грузией? Нещадно притесняемые Османской и Персидской империями грузинские цари почти триста лет покорно просили русских князей о защите и покровительстве.

Но уже вскоре после подписания Георгиевского договора-трактата (1783 год) о переходе Грузии под протекторат Российской Империи, грузинская элита неожиданно предала своих покровителей и вступила в союз с её врагом Турцией.

Тем не менее этот политический демарш закончился для Грузии фатальными событиями: в 1795 году она была жестоко разбита и покорена персидской армией. Поэтому грузинский царь Георгий XII перед своей смертью был вынужден снова просить Императора Павла о принятии грузинских народов в российское подданство, что и было закреплено Манифестами Павла I в 1801 году и Александра I в 1802 году. Но все эти довольно драматические события и трудный совместный путь российского и грузинского народов вовсе не помешали грузинской националистической элите снова занять совершенно не партнёрскую, русофобскую и даже откровенно враждебную позицию по отношению к России в конце XX - начале XXI веков.

Подобные исторические экскурсы можно широко развернуть и продолжить далее, но, по всей видимости, это тема отдельной весьма поучительной книги. В данном же случае тем, кто немного знает историю вполне очевидно, что государства и квази-государства зоны цивилизационного разлома постоянно метались между Европейским Западом и Евразийском Востоком. Когда им было выгодно – они просились под защиту и покровительство России. Как только в России начинались трудные времена – они предавали её и наперегонки устремлялись на Запад или в некоторых случаях к её восточным геополитическим противникам.

Проблема тут вовсе не в отдельных правителях или неформальных политических лидерах, которые как бы совершали случайные фатальные ошибки. Все эти лидеры в большей или меньшей степени выражали во-

лю влиятельных национальных элит или даже целых народов. Иными словами, так или иначе они отражали *доминанты политического* и *архетипы массового сознания* своих стран. Сейчас, спустя столетия, мы пишем об этом вовсе не с укором и вовсе не для национальной элиты этих стран.

Данные размышления и слова обращены к новым политическим лидерам России и нарождающегося Евразийского Союза, которые уже в ближайшем будущем станут определять геополитическую стратегию развития *Большого евразийского пространства*. Именно они должны вполне адекватно, исторически и психологически объективно, без розовых иллюзий представлять себе образ мыслей и противоречивый дух народов, как на своих собственных землях, так и на сопредельных и дальних территориях.

Цивилизационный разлом между Большой Европой и Большим евразийским пространством уже несколько столетий проходит по территориям Восточной Европы, Северо-Западным и Юго-Западным окраинам России. В эту зону постоянной нестабильности так или иначе попадают: Финляндия, Литва, Латвия, Эстония, Польша, Чехия, Словакия, Украина, Молдавия, Болгария, Румыния, Венгрия, Грузия, Абхазия, Армения в их современных границах. Какой же должна быть стратегическая геополитическая линия взаимодействия Евразийской России с этими государствами?

Вне всяких сомнений, с ними необходимо выстраивать добрые партнёрские отношения, основанные на взаимных экономических интересах и созвучных культурных ценностях. Но было бы фатальной ошибкой втягивать большинство из отмеченных стран в тесные *Евразийские альянсы* – политические, идеологические, экономические и другие. В этом аспекте мы никак не можем согласиться с некоторыми известными поли-

тическими экспертами (Ф.А. Лукьянов, А.И. Миллер), которые полагают, что Россия не должна воспринимать Европу как своего врага, а тесное экономическое взаимодействие с Европой останется важнейшим условием развития нашей страны на долгие годы[19].

Можно признать, что многие в постсоветской России как раз на это и рассчитывали, и внешняя политика демократических реформаторов на рубеже XX-XXI веков строилась именно в такой системе координат. Однако социальная реальность оказалась совсем другой. Идеологические доминанты европейской политической элиты и массового сознания на данном историческом этапе не предполагают доверительного взаимодействия и равноправного экономического партнёрства между Старым Светом и Россией.

Поэтому в этом вопросе нам представляется более реалистичной другая точка зрения, согласно которой, на данном историческом этапе совершенно неизбежно дальнейшее *продолжение противостояния* между Россией и Европой (А.К. Пушков[20]). Вероятно, какие-то элементы взаимодействия в какой-то мере вполне возможны и допустимы. Но они будут неизбежно развиваться в силовом поле острого экзистенциального конфликта двух достаточно самостоятельных цивилизаций - Большой Европы и Евразийской России.

Новое сближение с Европой возможно лишь после её существенной трансформации, после изменения её разрушительной ценностной парадигмы, устоявшегося пренебрежительного отношения к интересам Рос-

[19] *Лукьянов Ф.А., Миллер А.И.* Отстранённость вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности. – М., 2016. С.30.

[20] *Пушков А.К.* Глобальные шахматы. Русская партия. – М.: Эксмо, 2018. С.104.

сии, колониальных рецидивов и экспансивных политических интенций.

В конечном счёте мы как евразийский суперэтнос, по всей видимости, легче найдём взаимопонимание, например, с *Исламской Европой* (которая в демографическом, культурном и политическом смыслах не исключена уже в недалёком будущем), чем с настоящей исторической инкарнацией *Ультралиберальной Европы*, отличающейся политическим чванством, недолеченными до конца национализмом и нацизмом, моральным разложением и гендерной извращённостью.

Таким образом, не только государства зоны европейского цивилизационного разлома, но и страны Центральной и Западной Европы на данном историческом этапе относительно Большого евразийского пространства должны оставаться в свободном геополитическом состоянии. Это именно то, чего пока ещё страстно желают их лидеры, политический бомонд, культурные элиты, а также значительная часть их народов. Это инфантильное желание экзистенциальной самостоятельности надо уважать и с ним надо благоразумно соглашаться, хотя оно и противоречит общему магистральному фарватеру развития человечества, предполагающего нарастающую глобальную интеграцию стран и народов в единое сообщество.

Наилучшей формулой политического и экономического взаимодействия в таком случае становится уже отмеченная нами ранее *формула геополитического Моста*. Через такие мосты между сопредельными странами и народами должно осуществляться взаимодействие и сотрудничество двух различных локальных исторических цивилизаций: *старой Европейской*, которая вступает в эпоху своей тотальной трансформации, и *новой Евразийской*, которая ещё только формируется как еди-

ное культурное, экономическое и политическое пространство.

Далеко не секрет, что в российской политической философии существуют различные, порой альтернативные точки зрения относительно решения вопросов взаимодействия с такими неоднозначными странами и регионами. Некоторые из них были отмечены выше. В этой связи необходимо ещё раз подчеркнуть, что всякое дипломатическое и иное давление на страны зоны цивилизационного разлома или даже согласие с их инициативами на вступление в тесные альянсы с Евразийской Россией или Евразийским Союзом на текущем историческом этапе следует расценивать как недальновидные стратегические ошибки.

Возможно, когда-то в обозримом или далёком будущем внутренние культурные идеалы и геополитические принципы Европейского Запада совершенно изменятся. Но пока цивилизационный разлом только ширится и углубляется. Столкновение цивилизаций обостряется и порождает новые напряжения. Следовательно, политические структуры этой пограничной зоны и далее будут воспроизводить старые мировоззренческие архетипы поведения своих элит, характерные для прошлых столетий и конца XX века.

Теперь обратимся к другому немаловажному аспекту взаимодействия Евразийской России и Европейского Запада. Политический курс и экономическая линия развития нашей страны в конце XX и начале XXI столетий определялись так называемыми *европейскими ценностями*, которые отечественным либеральным реформаторам надолго затмили все достижения собственной российской культуры и завоевания социального государства в советский период. Однако вскоре выяснилось, что и вполне успешная Европа тоже под-

вержена экономическим, миграционным и политическим кризисам.

Перед российскими философами, политологами, экономистами обозначился весьма непростой вопрос: насколько устойчива и жизнеспособна европейская социально-экономическая модель как таковая? Очевидно, что решение этого вопроса находится за рамками геополитического кризиса России и коллективного Запада, а точнее говоря – не имеет к нему непосредственного отношения.

Так, в частности, во втором десятилетии XXI века Россия столкнулась с совершенно неожиданным и до конца ещё не осмысленным явлением: Европа начала терять свою политическую самостоятельность. Она всё больше становилась в определённом смысле *зависимой территорией*, номинальные лидеры которой всё чаще принимали политические и экономические решения, не совсем благоприятные и выгодные для собственных стран и народов.

Внешне благопристойная и привлекательная некогда формула *Евро-Атлантической солидарности*, то есть широкого партнёрства США и Европы, превратилась в бесцеремонное манипулирование европейскими странами из Вашингтона. Надо признать, что такая ситуация в Старом Свете нравится далеко не всем, как в политических кругах, так и в бизнес сообществе. Но пока это мало что меняет. Европейская бюрократия покорно выполняет почти все директивы и предписания Большого Брата из-за большого океана.

В частности, это предписания по постоянному продлению экономических санкций против России, по политическому сдерживанию и информационному противодействию всем её культурным, экономическим, дипломатическим и даже спортивным инициативам. Стоит ли напоминать, что экономические санкции Ев-

ропы против России принесли немецкому, французскому, итальянскому, австрийскому, польскому, чешскому бизнесу в течение нескольких лет многомиллиардные убытки, которые на фоне развивающегося глобального экономического кризиса, рискованного британского демарша (Brexit) и нарастающей китайской торговой экспансии подобны веревке с тяжелым валуном на шее несчастного европейского пловца.

Многие в Европе до сих пор пытаются делать вид, что ничего тревожного не происходит. Это есть общая позиция политического бомонда Европейского Союза на уровне Еврокомиссии как главного института исполнительной власти, а также Европарламента и Совета Европы, как основных законодательных структур. Объективные оценки ситуации, по крайней мере, в публичном пространстве там уже давно не приветствуются.

Хотя, безусловно, в Европе ещё остались отдельные лидеры, которые пытаются идти против политического мейнстрима и говорить вполне очевидные, но крайне неудобные вещи. Это очень важно, так как реальные оценки состояния Европы обычно звучат в работах и выступлениях российских экспертов, которых принято считать идеологически мотивированными, а потому необъективными. Так вот ярким примером подобного исключения из общего правила является, например, экс-министр иностранных дел Австрии Карин Кнайсль, которая посмела публично заявить, что «*Европа начинает играть всё менее значительную роль в мире как с демографической, так и с политической точек зрения*»[21].

Оказывается, что европейские державы год от года становятся всё более слабыми игроками на глобальной международной арене и уступают место некогда

[21] Нам нужна Россия: Кнайсль заявила о политическом закате Европы // РИА Новости. 31.07.22. www.ria.ru

отсталым азиатским странам. Это не только нужное место за дипломатическим столом, где принимаются важнейшие политические решения, но и выгодная экономическая диспозиция, позволяющая иметь уже не крошки с барского стола, а хороший кусок промышленного и финансового пирога на фоне жесткой конкуренции ведущих игроков глобального бизнеса.

Однако самая крамольная мысль австрийского министра была совсем о другом: мне кажется, заметила она, что *Европа нуждается в России больше, чем Россия в Европе*. Это действительно так: в новой мировой реальности Европа без России обречена на экономическую стагнацию и духовное разложение. К этим важным мыслям мы ещё не раз вернемся.

Итак, в контексте процессов мировой геополитической трансформации и формирования общего евразийского пространства экономических и политических интересов перед Россией и её евразийскими партнёрами возникает ещё один немаловажный вопрос. Это вопрос о главной геополитической формуле соотношения *Евразийского формата* и *Европейского Союза*. Рассмотрим его дополнительно с других сторон.

Если рассматривать Большую Евразию в самом широком смысле как континентальное географическое пространство, то Европа, безусловно, является её важной и неотъемлемой частью. Хотя на самом деле, принимая во внимание культурно-историческую ретроспективу этой проблемы, надо признать, что Европа всегда существовала и остаётся сейчас сама по себе, отдельно от всей остальной Евразии.

В этом смысле можно обратить внимание на две весьма показательные иллюстрации, которые весьма контрастно оттеняют суть рассматриваемой проблемы. Первая из них связана с Россией. После реформ Петра Россия почти триста лет (за исключением советского

периода) интенсивно осваивала европейские ценности и интегрировалась в европейское культурное пространство. Кровь российских императоров в изрядной мере уже была европейской. Аристократы уже с детства говорили на французском или немецком языке лучше, чем на своём родном. В домашних салонах господствовали французские гувернёры, а в университетах преподавали немецкие профессора, которых тогда не восхвалял, пожалуй, лишь один научный бунтарь - Михаил Ломоносов.

После крушения Советского Союза уже вытравили все старые коммунистические идеалы равенства и братства и покорно поклонились новым идолам капиталистической наживы, потребительского общества и либерального постмодерна. Однако, несмотря на все эти невероятные усилия, ни политическая, ни культурная элита Европы до сих пор не считает Россию полноценной европейской державой. В глазах среднестатистического лондонского сэра, марсельского месьё или баварского бюргера она была и остаётся страной загадочной, чуждой и цивилизационно далёкой.

Вторая иллюстрация связана с Турцией – активным и давним участником блока НАТО и важным экономическим партнером Европы. Теперь стало понятно, что ожидаемая интеграция Турции в тесный европейский социально-экономический формат взаимоотношений (Европейский Союз) не просто была в некоторый момент временно приостановлена, но на самом деле никогда серьёзно даже и не рассматривалась. Европейские политики долгие годы вводили турецких лидеров в заблуждение, подпитывая их ложные проевропейские иллюзии. На определённом этапе вся эта ситуация повергла турецкую политическую элиту в глубокое недоумение и разочарование, если не в состояние культурного шока.

Подобные иллюстрации совершенно недвусмысленно показывают, что европейские страны до сих пор весьма остро ощущают свою культурную, политическую и экономическую *автономию* от иных евразийских государств. Они не желают от неё отказываться и разменивать даже на очевидные выгоды от новых торговых союзов и моделей взаимоотношения. Это надо ясно понимать и с этим неизбежно надо считаться. Конструктивная позиция отдельных европейских лидеров (венгерского премьер-министра Виктора Орбана, австрийского экс-министра Карин Кнайсль, немецкого экс-канцлера Герхарда Шрёдера и некоторых других) на этом фоне есть лишь редкая политическая экзотика.

Но суть проблемы на самом деле состоит даже не в политике. Корни её находятся намного глубже. Они выходят в аксиологическое, экзистенциальное и даже метаисторическое измерения. Иными словами, мы должны рассматривать Европейскую и Евразийскую цивилизации как *самостоятельные социокультурные системы*, которые невозможно привести к единому знаменателю простыми формальными мерами каких-либо союзов или конвенций (А.Л. Золкин[22]). В этом смысле известные сторонники теоретической модели локальных культурных или цивилизационных типов (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби) были вполне правы, хотя порой не совсем обоснованно нивелировали генеральную линию и единые закономерности мировой истории[23].

---

[22] *Золкин А.Л.* Россия и евразийский культурный контекст // Философские исследования и современность: Сборник научных трудов. Выпуск 7. – М.: ИПЛ, 2018. С.47 – 53.

[23] *Аблеев С.Р., Золкин А.Л., Кузьминская С.И., Марченя П.П.* Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии. Изд. 2-е. – М.: МосУ МВД России, 2018.

Парадокс состоит в том, что Европейский Союз всеми силами пытается дистанцироваться от единого евразийского социально-экономического пространства или намерен лишь частично участвовать в нём на своих особых условиях. Однако именно оно (Евразийское пространство) является необходимым условием его политической устойчивости, экономического благосостояния и культурного процветания. В идеальном или наилучшем случае Старая Европа, Древний Китай и Молодая Россия должны были бы дать крепкую основу новому *Евразийскому формату* стабильного политического и устойчивого экономического существования своих и сопредельных народов на всём огромном континенте. Но это пока не получается. Евразийский формат сейчас развивается вне Европы и без Европы, которая вопреки своим интересам следует за Вашингтоном и покорно участвует в его политических авантюрах. В таком случае основными синергетическими центрами формирования Большой Евразии неизбежно становятся Россия и Китай.

Не исключено, что со временем к общему процессу подключатся пока ещё не совсем осознавшие все преимущества общего Евразийского пространства Арабо-исламский Восток и Индия. Заметная активность по этим направлениям уже начинается. В этом контексте попытки России выстраивать непростой диалог с такой влиятельной региональной исламской страной как Турция надо рассматривать как движение в правильном направлении. Для России Турция исторически была и остаётся сейчас крайне сложным и противоречивым партнёром. Однако даже убежденные сторонники радикальной неоосманской идеологии развития Турции начинают понимать важность взаимодействия с Россией и интеграции своей страны в более широкие экономические форматы.

На самом деле существует целый ряд причин, по которым на данном историческом этапе не следует рассматривать Европу в составе нового Евразийского пространства экономической и культурной интеграции. Коротко их отметим.

Во-первых, это культурно-исторические особенности развития Европы как относительно обособленной территории[24]. Во-вторых, это тесное политическое и военное взаимодействие Европы с Соединёнными Штатами, а также девальвация политической субъектности Европейского Союза. В-третьих, это сложные противоречия между странами внутри самой Европы, которые сейчас обостряются из-за неспособности брюссельской бюрократии и европейских лидеров выработать адекватное общее решение миграционного кризиса, экономических вопросов и геополитических проблем.

В-четвёртых, это нарастающий масштабный кризис традиционных духовных ценностей, культурных императивов и общественных норм в современной Европе (разрушение нормальной семьи, поощрение гендерных инверсий и сексуальных извращений, радикальный гедонизм, вырождение религий, острое столкновение исламских ценностей и либеральной культуры, потребительский менталитет и др.).

В-пятых, это уже отмеченное выше крайне настороженное, а порой и откровенно враждебное отношение политической элиты многих европейских государств к России. И дело тут вовсе не в конкретном политическом режиме, но в более глубинных детерминациях аксиологического или метаисторического характера. Россия в любом своём историческом виде – фео-

[24] *Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю.* Инверсии и парадоксы европейского понимания человека // Человек восходящий: философский и научный синтез «Живой Этики». – Барнаул, АДП, 2012. С.22 – 29.

дальном, имперском, социалистическом, демократическом была не мила и не угодна европейским властителям, экономическим магнатам и религиозным лидерам.

Поэтому *Евразийский геополитический формат* на современном историческом этапе должен развиваться без Европы, искусственное втягивание которой породило бы только дополнительные напряжения, новые силы инерции и линии непреодолимых противоречий. Некоторые периферийные страны, находящиеся в зонах цивилизационных разломов, должны сами определить свою судьбу и сделать свой ответственный исторический выбор. Их совершенно не нужно искусственно заманивать в евразийской интеграционный формат какими-либо надутыми преференциями политического или экономического содержания. Мы видели подобные ошибки уже не раз в русле российской внешней политики начала XXI века.

Общий *Евразийский формат* даёт его участникам совершенно реальные экономические и иные преимущества, которые не до конца понимают даже некоторые сторонники такой интеграции. И такие преимущества не нужно навязчиво рекламировать как залежалый или подпорченный товар.

Российской политической элите необходимо наконец понять, что Европа сейчас принципиально не готова строить партнерские отношения со всеми субъектами Евразийского пространства. Более того, надо определённо признать, что так называемые «*новые европейские ценности*», низвергающие ценности общечеловеческие и нивелирующие исторически выстраданные духовные ориентиры, крайне нежелательны, даже губительны в формирующемся Большом евразийском пространстве (Н.В. Галанина[25]).

[25] *Галанина Н.В.* Россия и Запад: ценностно-культурные основания онтологической оппозиции // Философские исследования и

Культурная элита России восхищалась совершенно другой Европой, выдающиеся мыслители которой в своих произведениях сумели отразить действительно великие идеи, обосновать прогрессивные идеалы и созидательные ценности. Разделение и баланс видов государственной власти у Локка и Гоббса. Автономия морального закона и его верховенство над всеми социальными явлениями и обстоятельствами жизни индивида у Канта. Свобода как высший критерий исторического прогресса у Гегеля. Свобода и равенство для всех социальных слоёв у Руссо и Вольтера. Принцип высокого гуманизма у Фейербаха. Идеалы совершенного общества без отчуждения и эксплуатации человека у Маркса и Энгельса. Что теперь осталось от этих великих идеалов и ценностей некогда просвещённой Европы?

Если европейские элиты ведут свои страны к моральному и демографическому вырождению – это есть их собственный выбор, который будет скреплён печатью исторической детерминации и неизбежно приведёт к драматическому финалу локального цивилизационного цикла, о котором вполне определённо предупреждал немецкий философ Освальд Шпенглер ещё сто лет назад («Закат Европы»).

Пусть будет так, если на это есть согласие народов некогда процветавшей Европы. Но на широких просторах Российской Евразии не желают видеть ЛГБТ парады и ненормальные однополые «семьи», так как считают, что подобная дикость унижает человеческое достоинство, подрывает достижения эволюции разума и противоречит культурным идеалам всех великих духовных учений (индуизма, буддизма, иудаизма, конфуцианства, христианства, ислама) и морально созидательных философских систем Востока и Запада.

современность: Сборник научных трудов. Выпуск 7. – М.: ИПЛ, 2018. С.41 – 46.

Европа обречена пройти через радикальную экзистенциальную трансформацию и новый мировоззренческий катарсис. Это рано или поздно неизбежно случится. Возможно, даже быстрее, чем мы ожидаем. Чем это всё закончится для Европы и какой она выйдет из такой трансформации? Кто знает, может через пятьдесят или сто лет Старым Светом будут управлять лидеры новых общественных и религиозных движений, ориентирующихся не на либеральные и гедонистские ценности, но на идеи исламской или индуистской культуры.

По крайней мере, демографические и социальные тенденции ведущих европейских государств свидетельствуют о том, что подобные сценарии развития уже не являются чистой фантастикой[26]. Если могущественный и блистательный Рим в своё время не устоял под натиском варваров, то почему современная Европа должна избежать фатальных последствий тяжелых ошибок своей элиты в миграционной политике, в вопросах семьи и брака, в выстраивании межкультурного диалога между различными этническими группами, в экономическом сотрудничестве с Россией?

Социальные теоретики вполне объективно отмечают, что положение современной Европы на самом деле весьма сложное и неустойчивое (В.А. Лепёхин[27]). Если она остаётся за пределами Большого евразийского пространства, то у неё сохраняются всего два основных альтернативных варианта политического и экономического существования.

---

[26] Фундаментальные ценности России и Запада: аксиологическое измерение столкновения цивилизаций в XXI веке. М., 2017. http://users4496447.socionet.ru/files/5.Z.pdf.

[27] *Лепехин В.А.* «Антропологический переворот» в контексте цивилизационного развития России и Европы // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. №1. С.116-123.

Первый из них – это тесная экономическая интеграция с США при суверенном политическом управлении из Брюсселя. Это, вероятно, самый желательный вариант для европейских лидеров и бизнесменов. Но пока он совершенно не вписывается в планы и приоритеты американского политического бомонда. Там предпочитают принципиально другую схему атлантического взаимодействия: отсутствие полноценного политического суверенитета Евросоюза при высоком торговом профиците Нового Света в экономических отношениях со Старым Светом.

Иными словами, в этой схеме Европейский Союз должен покупать дорогой сланцевый газ, американское оружие, компьютеры, машины и многое другое, но как можно меньше продавать свои товары в США. В этой связи можно вспомнить как в Вашингтоне крайне жестко, на многие миллиарды долларов наказали немецкий автогигант Volkswagen по итогам дизельного скандала 2015 года. Это был хороший повод осадить успешный бизнес немецких конкурентов. И этим поводом американцы воспользовались на все сто процентов. Вероятно, нет необходимости подробно пояснять, что для Европейского Союза обозначенная модель «*атлантического экономического партнерства*» (в её американской интерпретации) окажется экономически невыносимой и социально разрушительной.

Второй альтернативный вариант предполагает тесное политическое сближение Европы с США, в результате которого страны Старого Света фактически становятся новыми европейскими штатами Америки. Этот вариант выглядит ещё более гипотетическим. Не уверен, что всё это американскому политическому истеблишменту и финансовым магнатам на самом деле нужно и интересно. Америке сейчас необходимо решать свои внутренние проблемы, которые привели

США к невиданной ранее дестабилизации и поставили общество на грань политического раскола.

Экономическая модель развития Европы и в этом гипотетическом случае остаётся под большим знаком вопроса. Совершенно не исключено, что в Вашингтоне европейские страны будут воспринимать как поверженных конкурентов, новые квази-колонии или экономические резервации со всеми вытекающими отсюда последствиями. Этому вовсе не следует удивляться. Ведь примерно такую политику проводит руководство Европейского Союза в отношении своих периферийных новых членов и партнеров (Болгария, Румыния, Венгрия, Сербия, Латвия, Литва, Эстония и др.), принуждая их сворачивать многие виды промышленного и аграрного производства.

В качестве показательного примера этой политики можно вспомнить закрытие по требованию Евросоюза успешно функционировавшей и экономически выгодной Игналинской атомной станции в Литве в 2009 году. Теперь Литва испытывает острый дефицит электроэнергии и вынуждена закупать её по высоким тарифам в других странах. Поэтому нетрудно догадаться, какая, например, из авиастроительных корпораций (американская *Boeing Company* или европейская *Airbus SE*) получит козырные преференции от властей, если Европа однажды окажется объектом тотального политического управления со стороны Вашингтона.

Вероятность второго варианта геополитического взаимодействия США и Европы, на наш взгляд, пока крайне невелика. Для европейского культурного самосознания он является суицидальным, так как означает не только полную потерю политического суверенитета, но и экономическую стагнацию при резком снижении некогда высокого уровня жизни населения. Однако та-

кая вероятность в теоретическом анализе должна быть отмечена, и мы не можем не принимать её в расчет.

Таким образом, на обозримом этапе развития мировой геополитической обстановки Европа продолжает терять своё прежде доминантное политическое и экономическое значение. Уже сейчас она является лишь условно самостоятельным игроком. Если США всё же сумеют успешно решить свои внутренние проблемы, то Европа становится периферийной зоной *Атлантического центра силы* или полузависимой стагнирующей территорией, не выдерживающей экономическую конкуренцию с азиатскими тиграми.

Подобную модель развития событий мы уже видим на примере российского рынка, где азиатские товары стремительно вытесняют товары европейские. На геополитическом арене и экономическом горизонте появляются весьма неслабые игроки – Россия, Китай, Индия, Иран, Турция, различные альянсы стран Арабского Востока. Старые центры силы теряют влияние. А новая цивилизационная реальность состоит в том, что некогда могущественная Европа уже не имеет ни экономического потенциала, ни политической воли, ни духовной пассионарности противопоставить нечто значительное этим самостоятельным евразийским игрокам.

4

АМЕРИКА И ЕВРАЗИЯ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ

В начале XXI века сперва политическим экспертам и социальным философам, а затем и широкой общественности стало очевидно, что краткий исторический период абсолютного геополитического доминирования США подходит к своему логическому завершению. Монополярный мир, в центре которого находилась Северная Америка со своими союзниками и сателлитами, оказался политически неустойчивым, этически несправедливым, экономически зыбким, аксиологически негуманным и даже взрывоопасным по причине постоянных локальных военных конфликтов и угрозы мировой ядерной войны.

В конце XX века Америка получила уникальный исторический шанс возглавить развитие земной цивилизации и вывести её на новый эволюционный этап социально гармоничного и технологически обустроенного сообщества различных стран и народов. Однако американские элиты не смогли использовать этот шанс и привели цивилизацию на край глубочайшей пропасти, осуществляя самый мрачный эсхатологический прогноз религиозных духовидцев прошлых времён. Реакционные американские неоконсерваторы, прикормленные из Вашингтона европейские атлантисты и одурманенные западной идеологией российские либералы ещё цепляются за ледяные осколки тонущего айсберга и пытаются провозглашать «*величие Светлого Града на Холме*» (Америки) или его новое возрождение вопреки черным теням суровой реальности.

Но это как раз тот случай, когда как у Киплинга всякий волк и даже шакал видит, что «*Акелла промах-*

нулся» и его место вожака или лидера стаи неизбежно будет поставлено под сомнение. Многие страны и народы не так давно наивно ожидали, что мировой лидер Дядя Сэм под своим звёздно-полосатым флагом принесёт им демократическое благополучие и либеральное процветание. Так думали и российские реформаторы конца XX века, недальновидно добивая Советскую социальную систему и провозглашая на её костях «*светлый рыночный капитализм*» западного типа.

Как и ожидалось капитализм под флагами англосаксонских и германо-романских ценностей тогда в Россию пришёл и довольно быстро укрепился во многих умах и новых социально-экономических институтах. Но вместо человеческого лица прогрессивной правовой демократии все увидели звериный оскал самого дикого и хищного рынка, который привёл к обнищанию миллионы людей, разрушил образование, науку и медицину, поставил под контроль западного бизнеса многие лучшие российские предприятия, девальвировал национальный политический суверенитет и начал взламывать культурный код российской цивилизации.

После эйфории в период кризиса социализма на рубеже 80-90-х годов XX века идеализированное отношение массового сознания к капиталистическому укладу жизни постепенно значительно изменилось и стало намного трезвее. Более того, среди некоторых российских консерваторов давно существует довольно радикальное убеждение: «*капитализм и Россия – две вещи несовместимые*» (С.Е. Кургинян[28]).

Такая точка зрения отражает не просто альтернативную политическую или экономическую позицию определённой части российского общества, но опирается на общие мировоззренческие представления о куль-

[28] *Кургинян С.Е.* Суть времени. В 4-х томах. – М: МОФ ЭТЦ, 2012. – Т.4. С.18.

турно-исторической специфике российского национального сознания. Меркантильная сущность капиталистического общества противоречит глубинным устоям российского духа, диссонирует его фундаментальным ценностям, которые позволяли ему экзистенциально выживать в условиях суровых лишений и невзгод. В этих духовных устоях прибыль, нажива, деньги, выгода имеют пониженный ценностный статус и находятся на периферии аксиологического круга бытия.

Нет, конечно, они не отрицаются совсем и заполняют определённую часть жизненного пространства, которое, однако, бессознательно существует под влиянием таких внеэкономических категорий, как *правда, справедливость, жертвенность* и *милосердие.* Именно здесь надо искать причины негативного отношения народа к представителям российского олигархического бизнеса, которые сказочно разбогатели вопреки социальной справедливости (шулерская приватизация, коррупция, низкие налоги для богатых, вывод капиталов за рубеж, нежелание вкладывать деньги в развитие собственной страны).

Попытки путинских государственников сначала мягко, а затем всё более настойчиво исправлять эту ненормальную во всех смыслах ситуацию (прежде всего, в вопросах политической субъектности страны), как известно, в конечном счёте привели к глубокой конфронтации России и Запада. Это был совершенно неизбежный, можно сказать - исторически запрограммированный результат неоколониальной, милитаристской, подрывной политики американский и европейской элиты по отношению к России. Так мы получили новую Холодную или Гибридную войну (как кому нравится) и крупный горячий военный конфликт на опасном цивилизационном разломе между Российской Евразией и Европой (Украина), который вполне способен спрово-

цировать Третью мировую войну с применением оружия массового поражения.

Тем не менее, эта масштабная проблема вовсе не исчерпывается столкновением геополитических интересов Америки и России. Такая постановка проблемы является её серьёзным упрощением. Если бы это было так, то глобальная ситуация в мире была бы намного лучше той, что сложилась в первой четверти XXI столетия. Главная проблема на самом деле состоит в том, что американская гегемония завела всё современное общество в *экзистенциальный тупик*, выход из которого ни в Америке, ни в Европе никто не знает.

Таким образом, мы входим в турбулентную историческую ситуацию *глобального кризиса* земного человечества, в общественном сознании которого на протяжении нескольких столетий доминировали идеалы и ценности Западной (Евро-Атлантической) цивилизации, несмотря на попытки национального возрождения и культурного сопротивления отдельных стран и народов. В категориях синергетики такая ситуация представляет собой точку глобальной бифуркации, в которой мировая цивилизация получает возможности дальнейшего развития по альтернативным эволюционным сценариям. Надо признать, что далеко не все из них для человечества являются благоприятными, прогрессивными и безопасными.

Так почему же это всё случилось? В чём состоит главная проблема *Атлантического полюса силы*, основанием которого являются американские, британские, европейские финансово-промышленные группы и политические элиты? Ведь несколько столетий именно Европа, а позже Американские Штаты, несмотря на некоторые негативные обстоятельства, действительно являлись локомотивами социально-политического, экономического и культурного развития земной цивилиза-

ции. По всей вероятности, как в этих странах, так и в мировом сообществе что-то сильно изменилось. И мы теперь должны понять сущность этих фундаментальных изменений для адекватного ответа на исторический вызов и определения правильного направления дальнейшего развития новой Евразийской цивилизации.

Полагаю, что прогрессивный период так называемой «*пуританской Америки*», боровшейся за свою независимость от Британского владычества, отвергшей монархическое управление, высоко ценившей свободный труд, искренне любившей Бога, стремившейся к духовному возрождению и социальному процветанию, заканчивается примерно в середине XIX века. Именно тогда в крови американской элиты вдруг проснулись латентные гены европейского великодержавия и неограниченной финансовой наживы, и она начинает активно участвовать в колониальных экспансиях наряду с Британией и Францией на просторах азиатского географического пространства. Разумеется, участвовать со своими собственными политическими целями и экономическими интересами.

Так ещё не совсем окрепшая либеральная Америка понемногу пытается уже не только сражаться за свою независимость от всесильной Британской метрополии, но и диктовать другим народам собственные представления о должном порядке вещей. Например, вместе со своим политическим противником и экономическим конкурентом (Британской Короной) навязывать Китаю неограниченный сбыт опиума.

Колониальные экспедиции американских кораблей на Суматру и Сиам, участие военной эскадры США в Первой опиумной войне против Китайской империи (угроза для заключения выгодных договоров)[29], а также

[29] *Анисимов А.Л., Зинятова М.Н.* Деятельность американского консульства в Гуанчжоу в период первой «опиумной» войны (1839–

начавшуюся в 1846 году военную интервенцию США против Мексики (Американо-мексиканскую войну) можно считать символическими поворотными вехами развития молодого американского государства, которое по мере укрепления своих позиций в XX столетии потеснит Британию и явится новым флагманом неоколониальной политики Запада, а также предстанет самым хищным ястребом мирового милитаризма.

Милитаристские авантюры Американского государства теперь хорошо известны, и мы не видим необходимости подробно освещать этот вопрос. Немного напомним лишь, что во второй половине XX века США развязали несколько десятков крупных локальных войн и вооружённых конфликтов по всему земному шару (Корея, Лаос, Куба, Вьетнам, Иран, Гренада, Панама, Ливан, Ирак, Югославия, Ливия, Афганистан, Сирия, Украина и многие др.). Количество прямых жертв этих кампаний исчисляется несколькими миллионами, а реально (с учётом гражданского населения), по оценкам некоторых западных экспертов, от десяти до двадцати миллионов человек (Дж. Лукас[30]). В начале XXI века США поддерживали активную деятельность от семисот до тысячи военных баз, стратегических и тактически военных объектов на всех континентах и океанах земного шара.

Принимая во внимание не только военный аспект американской мощи, но и другие немаловажные аспекты (технологический, финансовый, дипломатический, информационный) становится вполне понятно, почему эта держава является гегемоном современного мира, гигантской геополитической и экономической импери-

---

1842 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2018. №12. С.59-63.

[30] *Джеймс А. Лукас* // Проект Global Research / 23.02.25. www.globalresearch.ca

ей, которая, по мнению некоторых авторов, контролирует все важнейшие процессы нашей планеты[31]. Может быть такая оценка всё же не лишена некоторого преувеличения реальных возможностей американского супер-государства. Тем не менее, известный апологет русского евразийства Александр Дугин совершенно прав, когда обращает внимание на Америку не только как на *глобальную государственную машину*, но и как на *глобальную идеологическую модель*, формирующую политическое мышление, экономические тенденции и аксиологические доминанты по всему земному шару.

Эта идеологическая модель опирается на две базовые мировоззренческие константы. Первая из них: *светский политический и экономический либерализм*, выросший на почве европейских философских доктрин и экономических учений Нового времени. Преимущественно британских и французских. Вторая константа: *религиозный эсхатологический фундаментализм* протестантской ориентации. На этот аспект до сих пор мало обращают внимание и нам непременно возразят: фундаментализм – это вовсе не про Америку. Это скорее про страны Востока: Индию (индуистский фундаментализм) и Арабский мир (исламский фундаментализм). Однако мы вполне солидарны с А.Г. Дугиным в том, что американская идеологическая система имеет более глубинные основания, чем принято обычно полагать. Во всяком случае низведение её до либеральной рыночной экономики и либеральной демократии было бы существенным упрощением. Очевидно, что все эти вопросы требуют некоторой детализации.

Сначала о либеральной демократии. Действительно, Американские Штаты формировались и развива-

[31] *Дугин А.Г.* Они не остановятся пока не уничтожат нас всех до последнего // Интернет-портал «Колокол России». 10.04.18. www.kolokolrussia.ru

лись под флагом борьбы с монархической властью Британской Короны. Политические круги Америки горячо восприняли философские новации английских и французских мыслителей о разделении ветвей власти, правах гражданина и свободных выборах правителей страны. Когда популярный американский публицист Томас Пейн в январе 1776 года провозглашает монархию противоестественным способом политического правления (памфлет «Здравый смысл»), а будущий третий президент США Томас Джефферсон в июне 1776 года предлагает Континентальному Конгрессу проект знаменитой Декларации Независимости - американская либеральная революция становится необратимым процессом. Но это всё, так сказать, есть вехи формальной американской истории. Нас же интересует другая её сторона – ноуменальная или сущностная, которая обычно не рассматривается в учебниках по политической истории и политологии.

Мы полагаем, что реальная форма политического правления в США может быть обозначена как *олигархический капитализм в системе демократического государства*. Безусловно, он опирается на свободные выборы федеральной и местной власти. Хотя выборы президента и вице-президента в США, как известно, проводятся не напрямую, а через посредников от каждого штата (Коллегию выборщиков). Ключевой вопрос в таком случае выглядит следующим образом: кому в США принадлежит реальная верховная власть на уровне федерального государства?

Далеко уже не секрет, что скрытые рычаги власти в Америке принадлежат владельцам влиятельных промышленных корпораций и финансовых институтов. Именно они негласно управляют формально либеральной американской демократией через финансирование Республиканской и Демократической партий, спонси-

рование конкретных кандидатов на выборах, популяризацию в массовом сознании нужных политических лидеров через аффилированные СМИ и продвижение их через сложную систему лоббирования. Это и есть пресловутое «*глубинное государство*» (deep state), которое находится в тени славы или за ширмой критики известных президентов, конгрессменов и сенаторов.

Известный американский социолог Чарлз Миллс полагал, что после Второй мировой войны власть в Америке была сконцентрирована в руках наиболее влиятельных представителей финансовых кругов (Уолл-стрит), магнатов военно-промышленного комплекса и армейского командования (Пентагон)[32]. Хотя соотнесение глубинной власти с конкретными социальными институтами является обстоятельством условным и относительным. Влияние институтов постоянно изменяется в процессе развития государства и общества.

Так, например, на современном этапе огромное значение приобретает *медийный ресурс власти* или контролирование информационных потоков в традиционных СМИ, социальных сетях и всевозможных мессенджерах. Ворвавшиеся в нашу жизнь такие странные понятия как «*постправда*» (post-truth) или «*фальшивые новости*» (fake news) как раз отражают рассматриваемую проблему. Сейчас по многим телеканалам и новостным лентам можно транслировать массовому сознанию информацию о событиях, которых на самом деле не было или которые имели диаметрально противоположное содержание. Более того, оказывается, что теперь при необходимости от информационных потоков можно отключить не только простого обывателя, но даже действующего Президента США. Все помнят блокирование аккаунтов Дональда Трампа и его сторонни-

[32] *Миллс Р.* Властвующая элита / Пер. с англ. - М.: Директ-Медиа, 2007.

ков в 2021 году основными американскими социальными сетями и интернет коммуникаторами.

Это могло выглядеть даже забавно, если бы нити управления не тянулись к весьма влиятельным людям, которые были не очень довольны деятельностью слишком самостоятельного американского президента. Кто поверит, что владелец какой-то социальной сети посмел бы по своему произвольному желанию и в угоду своим амбициям помешать деятельности высшего должностного лица Америки? Поэтому президент Трамп тогда, как говорится, в целом легко отделался.

Несколько десятилетий назад финал истории с другим популярным президентом США оказался трагическим. Мы имеем в виду Джона Кеннеди, который невольно поставил под угрозу интересы непубличных, но очень непростых людей, и они не захотели дожидаться следующих выборов в целях нормальной демократической смены неугодного президента. В Америке не сомневаются, что нити этого политического заговора тянутся к владельцам ВПК, военной элите и специальным службам, участие которых в этих событиях стало понятно ещё тогда в 60-е годы, но официально не признано до сих пор.

Поэтому пока мы можем только догадываться, что именно явилось последней каплей: Кубинский кризис, проблема Вьетнама или благоразумный отказ администрации Кеннеди от конфронтации с СССР. Однако вне всяких сомнений остается другое: легитимный президент США Джон Кеннеди позволил себе слишком далеко отклониться от негласно принятого капитанами «*глубинного государства*» политического курса, за что был отстранён от власти самым радикальным и циничным образом с помощью снайперской винтовки.

Приведённые иллюстрации весьма непростого и неоднозначного функционирования американской де-

мократии можно продолжить и далее на многих страницах. Накопился богатый материал. Но и без того уже не только политологам, но и широкой общественности вполне понятно, что эталонная демократическая модель США есть не более чем *идеологический миф*, который Государственный департамент, аффилированные НКО и контролируемые СМИ постоянно транслируют и продвигают по всему миру.

Многие военные конфликты, практически все политические перевороты были устроены Американским государством под лозунгом борьбы за демократические ценности. Конечно, всем уже давно очевидно, что этот лозунг является идеологической ширмой или политическим фиговым листком, которым американская элита пытается прикрыть свои геополитические и экономические интересы в далёких регионах за тысячи километров от Вашингтона, Сан-Франциско или Чикаго.

Реальные причины военных авантюр США и так называемых «*цветных революций*» выглядят следующим образом. Первая причина: смена неугодного политического режима в конкретной стране в геополитических целях. Вторая причина: контроль над страной или регионом для осуществления своих бизнес-проектов (выкачивание нефти, добыча иных природных ресурсов, управление транспортными коридорами и др.). Третья причина: создание ситуации «*управляемого хаоса*» для перенаправления финансовых потоков и формирования зоны постоянной нестабильности в регионе, которая позволяет ослаблять неугодные страны, экспортировать продукцию ВПК, а при необходимости - навязывать размещение американских военных баз.

Однако отвлечемся немного от реальной политической действительности и рассмотрим сущность проблемы демократии с точки зрения политической философии. Несмотря на все идеологические заклинания

американского истеблишмента, *демократический режим* есть явление глубоко диалектическое, то есть имеющее не только позитивную, но и негативную стороны, существующие в неразрывном единстве. Они связаны с самой сущностью демократии, как формы коллективного управления, в которой принимают участие широкие массы. Оказывается, что эта форма эффективно работает только тогда, когда народные массы принимают продуманные, взвешенные и ответственные решения. Но такое бывает, к сожалению, далеко не везде и далеко не всегда.

Это обстоятельство великие античные мыслители поняли ещё две с половиной тысячи лет назад. Вот в чём состоит реальная причина скептического отношения Платона Афинского к греческой демократии как форме управления античным полисом. Мудрые решения в государстве, полагал он, могут принимать только свободные и образованные граждане, которые способны воспринимать (созерцать своим разумом) *высшие идеи*[33].

Онтологическую иерархию идей у Платона, как известно, венчала этическая *Идея Блага*, оборотной стороной которой являлся принцип *Единства*. Платон глубоко сомневался, что идея Блага, как и другие высшие истины, философски доступны представителям афинского демоса, который в большинстве своём следует чувственным страстям, необузданным желаниям и личной меркантильной выгоде. Несправедливый и жестокий смертный приговор Сократу[34], принятый вы-

[33] *Платон*. Государство. – М.: АСТ, 2021.

[34] Судебная палата в которой рассматривалось дело Сократа включала 501 выборного судью. Первоначально решение о смертной казни было принято 281 голосом против 220 голосов. По ходу судебного заседания перевес в пользу смертной казни составил 80

борным афинским Судом присяжных, укрепил его в этом политическом убеждении, основанном на философском понимании сущности человеческой души и реальном общественном опыте.

Позиция другого великого античного мыслителя – Аристотеля оказалась во многом созвучна убеждениям Платона, хотя она была и не столь радикальна. Аристотель допускал возможность участия широких масс в управлении государством (*полития*) в том случае, когда целью их правления является *общая польза*. Демократия, по его мнению, это неправильная форма правления, при которой малоимущие используют власть в целях своей собственной выгоды[35].

Самой наглядной и убедительной иллюстрацией справедливости убеждений Платона и Аристотеля относительно демократии является история Германии 30-40-х годов XX века. Многие не задумывались о том, что ультранационалистическая политическая партия одиозного нацистского фюрера Адольфа Гитлера (NSDAP)[36] в начале тридцатых годов получает поддержку значительной части немецкого общества. Она приходит к власти не в результате государственного переворота или всеобщей революции, но вполне демократическим путём, который как это обычно бывает сопровождается ловкими политическими интригами по устранению конкурентов. Последствия демократического прихода к

голосов. (См. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Кн.2.).

[35] *Аристотель.* Политика. - М.: АСТ, 2022.

[36] На выборах в Рейхстаг в марте 1933 года Национал социалистическая немецкая рабочая партия (NSDAP), лидером которой с 1925 года был Адольф Гитлер, получает около 44% голосов избирателей. Это не было абсолютным большинством. Но в коалиции с Немецкой национальной народной партией NSDAP получает полный контроль над немецким парламентом и правительством.

власти немецких нацистов для всего мира и для самой Германии хорошо известны.

Известны теперь становятся и последствия американской политической гегемонии под управлением демократически избранных президентов США. Выше мы уже отметили невероятное количество развязанных ими военных конфликтов и их многомиллионные жертвы. Не удивительно, что теперь в разных странах мира нарастает убеждение: следуя строгой юридической логике Нюрнбергского трибунала (1945-1946 гг.) некоторых из президентов Америки в силу инициированных ими войн в других государствах можно рассматривать как *военных преступников*. Причём сторонники этой радикальной точки зрения существуют не только среди политических оппонентов США в России, Китае, Иране, Сирии или Венесуэле, но даже среди независимых представителей прогрессивно мыслящей западной рок-культуры (Р. Уотерс[37]).

Таким образом, трудно не заметить, что демократическим путём к власти могут прийти не только созидательные и конструктивные политические силы, но и безответственные лидеры, деятельность которых представляет для конкретного государства и всего мирового сообщества большую опасность. Если демократия не всегда работает должным образом в культурном пространстве Западной цивилизации, которая исторически осваивала эту форму правления ещё с античных времён, то весьма наивно полагать, что демократия будет автоматически осуществлять социально справедливый, правовой политический режим в условиях иных культурных традиций и укладов жизни. Народы таких стран должны сами выбирать оптимальную форму государ-

[37] Джордж Роджер Уотерс – известный британский музыкант и композитор, один из лидеров широко популярной в конце XX века рок-группы Pink Floyd.

ственного управления, соответствующую доминирующему там национальному менталитету и культурно-историческому этапу развития общества.

В этом смысле постоянные ритуальные нападки американских либералов на успешные восточные и иные *автократии* являются совершенно необоснованными. Точка зрения Аристотеля здесь выглядит более убедительно: проблема состоит не в количестве людей, имеющих власть в государстве, но в том, как и для чего они её используют. Высший моральный критерий – это не формальное участие тех или иных слоёв в политическом процессе, а использование ресурсов власти для *блага всего общества*.

С этой точки зрения, вкладывающий огромные нефтяные доходы в развитие своей социально стабильной и экономически процветающей страны, *арабский шейх* управляет государством, по всей видимости, никак не хуже *демократического лидера* лимитрофного европейского государства, которое погружается в глубокую экономическую стагнацию, живёт за счёт финансовых дотаций из Евросоюза, отказывает в гражданских правах значительной части своего населения и поощряет возрождение идеологии неонацизма.

Таким образом, мы вовсе не утверждаем, что монархический или автократический политический режимы лучше, чем демократия и либеральное общество. Но нам всем необходимо понять, что демократия априори не является безупречным политическим идеалом и проявляет свои реальные преимущества лишь в случае высокой гражданской активности, моральной ответственности и политической мудрости массового сознания.

Слабая и недоразвитая демократия неизбежно вырождается в свою политическую противоположность. Об этом, как известно, давно предупреждали античные мыслители. Например, известный римский философ и

политический деятель Марк Цицерон. Тогда на рубеже исторических эпох так и случилось: Римская республика вскоре трансформировалась в страшную тираническую Империю. Подобные процессы мы наблюдаем и в американском демократическом обществе, которое всё сильнее дрейфует в сторону *тотального контроля* массового сознания и либерального политического процесса не только в самой Америке, но и в других странах. Медийные технологии социального манипулирования, заказные информационные кампании, изощрённое дипломатическое прикрытие, отработанная методология «цветных революций» как раз являются важнейшими элементами такого нарастающего контроля.

Проблема существенно усугубляется ещё и тем обстоятельством, что современная *Американская демократическая империя* (США) является новой исторической инкарнацией той античной *Римской тиранической империи*. Эту проблему можно осмысливать не только в позитивистском ракурсе (политический и социальный аспекты) и философском контексте (аксиологический и этический аспекты), но и в идейном русле метаисторического дискурса. Они дополняют и детализируют общую картину общественного бытия, хотя и опираются на разные мировоззренческие основания. В любом случае американский менталитет несёт в себе существенные идейные доминанты римского сознания и архетипы бессознательных слоев римской метакультуры.

Так, в частности, тут можно обратить внимание на экспансивный характер внешней политики, культивирование позитивно-произвольного закона, поощрение морального разложения общества со стороны элиты, стремление масс к жестоким зрелищам, отсутствие возвышенных духовных целей, вседозволенность новых пока ещё демократических императоров – Президентов, сильные легионы Пентагона и постоянные экспедици-

онные войны в дальних странах, идеологию и практику политических убийств, нарастание тотального мировоззренческого мрака на фоне которого в Древнем Риме лишь философия стоицизма, а позже идеалы христианства давали определённую духовную опору.

Но теперь в американском постиндустриальном потребительском обществе уже нет никакой крепкой духовной опоры. Нет ни стоицизма, ни подлинного светлого христианства как религии духовного единения и преображения. Не будем же мы воспринимать всевозможных политических гедонистов вроде Билла Клинтона или Джорджа Буша братьями по духу прославленным римским стоикам Сенеке и Марку Аврелию, а симпатизирующих ЛГБТ сообществу католических священников[38] благообразными и богоугодными последователями Великого Христа?

Таким образом, американская демократия по историческим меркам стремительно вырождается, а американское общество приближается к масштабному кризису. Важный звоночек общего системного сбоя американского государственного механизма – нарастающий *конфликт политических элит*, который выходит за рамки простой демократической конкуренции альтернативных программ развития общества.

После прихода к власти несистемного для политического пространства Америки президента Дональда Трампа конфликт становится всё более ожесточённым и непримиримым. Верхний эшелон американских демократов, стоящие за ними незримые субъекты «глубинного государства» и политический клан неоконов впервые в новой истории пошли на агрессивную дис-

[38] По оценкам американских журналистов среди католического духовенства США насчитывается порядка 30-40 % гомосексуалистов. См.: Элизабет Диас. Нью-Йорк Таймс. 17.02.19. // Интернет-проект ИноСМИ.RU. 25.02.19.

кредитацию, если не травлю легитимно избранного лидера с применением широкого арсенала всевозможных медийных средств и политических технологий. Это свидетельствует о радикальном нежелании части американских элит смириться с результатами демократических выборов вплоть до открытой дестабилизации американского общества. Как мы помним, почётная роль геополитического пугала в этом внутреннем конфликте американского истеблишмента отводилась России, которой приписывали даже манипуляции политическим процессом в Америке.

Однако реальные причины внутреннего конфликта элит, разумеется, далеки от каких-либо воздействий иностранных держав. Они отражают общие тревожные настроения как демократов, так и республиканцев от нарастающей *экономической стагнации*, которая усугубляется *геополитическими провалами* США в начале XXI века. Америка стремительно теряет свою былую гегемонию, что вполне соответствует известному тезису теоретической социологии: «*любая монополия рано или поздно ликвидируется*» (И. Валлерстайн[39]). Историческую миссию ликвидаторов американской монополии, по всей видимости, будут осуществлять Россия и Китай, представляющие собой в настоящее время два краеугольных политических основания активно формирующейся *Большой евразийской цивилизации*.

В таком случае в условиях кризиса, как полагают некоторые аналитики, американская политическая система потенциально может выбрать один из трёх реально возможных стратегических вариантов своего дальнейшего развития: *реформу, крах* или *консервацию*

[39] *Валлерстайн И.* Динамика глобального кризиса: тридцать лет спустя // Эксперт. 02.09.19. www.expert.ru

(Р.В. Ищенко[40]). Так или иначе один из них должен привести к новому балансу состояние системы и состояние ресурсов. Ведь условия кризиса в отвлеченном смысле сформированы возникшими острыми противоречиями между реальными возможностями американского общества (ресурсами) и его горячим желанием поддерживать свой высокий политический, идеологический и экономический статус (статус-кво системы).

Первый вариант предполагает комплексное *болезненное реформирование* Американского государства, которое должно понизить свои геополитические амбиции и привести в соответствие уровень жизни населения с уровнем реального экономического продукта. Принимая во внимание огромный внешний долг Америки, высокую инфляцию, надутые котировки акций и острую мировую конкуренцию этот сценарий в глазах политического истеблишмента выглядит крайне рискованным и нежелательным.

Второй вариант предполагает *неуправляемое крушение* американской системы, которая вопреки политической воле номинальных элит и «глубинного государства» сваливается в экономический штопор или в политическую деструкцию единого федерального пространства. Это, как минимум, Великая депрессия 2.0. Но, по всей видимости, более острая, затяжная и разрушительная как для самих США, так и для всей мировой экономики. Обвал доллара, акций, долгового рынка, снижение нефтяных котировок и промышленного производства, резкий рост безработицы и социального напряжения в обществе есть неизбежные аспекты этого варианта развития событий.

Третий вариант предполагает *сохранение системы* в существующем виде (консервацию) с помощью

[40] *Ищенко Р.В.* Спасение США: окно возможностей // РИА Новости. 06.11.15. www.ria.ru

жёсткого контроля всех угрожающих тенденций в политической, социально-экономической и культурной сферах жизни общества. Нечто подобное на фоне глобальных трансформаций и внутренних проблем пыталась осуществить советская партийная элита в поздний период развития СССР. Эта попытка, как известно, не увенчалась успехом и привела к полному крушению советской системы.

Однако вопреки такому негативному опыту, который имели на самом деле и другие государства при осуществлении стратегии консервации, американские элиты, по всей видимости, выбирают именно этот вариант развития событий. Российские политические эксперты давно подметили, что настроения в пользу «*закрытости и изоляционизма всегда составляли немаловажную часть американской политической культуры*»[41].

В таком случае острый конфликт американских политических элит для внешнего мира парадоксально может и не иметь существенного значения. Республиканцы и демократы, по всей видимости, следуют одному и тому же идейному мейнстриму системной консервации накопившихся проблем. Даже явные и острые внешнеполитические разногласия условного республиканца Трампа и условного демократа Байдена не отменяют, например, общего американского *экономического протекционизма* и традиционного курса на *глобальное геополитическое лидерство*. Только осуществляется этот стратегический курс разными тактическими средствами.

Что же означает выбор стратегии консервации для самой Америки и для всего внешнего мира? Во-первых,

---

[41] *Лукьянов Ф.А., Миллер А.И.* Отстранённость вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности // Россия в глобальной политике. 2016. №6.

это детерминирует нарастание жесткого контроля над политическим и массовым сознанием в Америке любыми доступными средствами. Здесь на первый план выходят: идеологический диктат, технологии медийных манипуляций и усиление роли специальных служб по надзору за информационными потоками под предлогом борьбы с терроризмом. Эти процессы уже активно развиваются после подрыва башен Всемирного торгового центра в 2001 году.

Во-вторых, это усиливает политику национального изоляционизма и экономического протекционизма, стимулирует попытки стягивания финансовых ресурсов и промышленных мощностей из других стран (Европа и Азия) в США, выводит режим запрета (санкций) на распространение американских высоких технологий на новый уровень. Главные объекты санкционной политики – это главные цивилизационные антиподы Америки: то есть Россия и Китай.

В-третьих, необходимо отметить дальнейшее применение геополитической стратегии «*управляемого хаоса*» в различных регионах планеты для создания новых зон политической и экономической нестабильности. Деньги любят тишину. Предполагается, что режим финансовой тишины будет только в Америке. Западные и южные границы России, Ближний Восток, Центральная и Юго-Восточная Азия – основные потенциальные регионы политической нестабильности и локальных военных конфликтов. В некоторых из них процесс распространения хаоса уже успешно осуществляется[42].

В-четвертых, стратегия консервации предполагает подавление основных стратегических конкурентов Америки: России, Китая и Европы. Так, в частности, Европа - это не только важный военный союзник

[42] *Бельский В.Ю., Бороздин А.Н., Гусев Н.Н.* Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях. – М., 2017.

(НАТО) и политический вассал США, но и серьёзный экономический конкурент. В новых условиях, по убеждениям американской элиты, такое соперничество в бизнесе со стороны Старого Света совершенно недопустимо. Проблема, как мы видим, уже активно решается.

Втянув безвольные европейские страны в опасную авантюру по осуществлению *Украинского антироссийского проекта* США убили даже не двух, но трёх зайцев сразу: создали очаг военного хаоса на восточных рубежах Евразии, во многих смыслах ослабили Россию, подорвали экономический потенциал Европы. Европа теперь отрезана от дешёвых российских природных ресурсов, американский бизнес успешно зарабатывает на европейских проблемах, а европейский бизнес начинает уплывать в Америку под сладкие обещания экономических преференций.

Как говорится, эту важную партию американские геополитические гроссмейстеры разыграли почти виртуозно. Однако игра ещё совсем не закончена. По крайней мере в отношении другого стратегического оппонента Америки – России, которая в отличие от Европы представляет собой не просто неудобного экономического конкурента, но важнейшего геополитического и метаисторического противника всей Западной (Атлантической) цивилизации.

Талантливые последователи Маккиндера, Киссинджера и Бжезинского в своей большой геополитической игре не смогли просчитать одно важное диалектическое обстоятельство: российской политической элите и массовому сознанию по исторической традиции не хватало некоторого внешнего импульса для давно необходимой коррекции стратегического курса развития страны. И вот наконец он явился с неожиданной для многих стороны. Этот импульс начинает кардинально менять всю диспозицию сил как внутри самой России,

так и за её пределами. Почему в Америке недооценили это обстоятельство? Далеко не секрет, что старая американская научная школа так называемой «советологии» давно пришла в упадок. Поэтому новые политические гроссмейстеры из Вашингтона, как выясняется, не совсем понимают аксиоматические истины о странных особенностях мятущейся русской души. Не стоит забывать, что русские долго запрягают, потом быстро едут, да ещё резко поворачивают.

Полагаю, что для нас высокая цена украинского кризиса стоит этого резкого *исторического поворота*: начала возрождения российского национального самосознания, раскрытия враждебной сущности Западного мира и обращения в сторону построения принципиально новой, независимой, социально гармоничной и духовно созидательной *Евразийской цивилизации* грядущей эпохи.

Иными словами, американский политический бомонд собственными руками подвёл жирную черту под прозападным курсом развития России после крушения Советского Союза и невольно подтолкнул её к долгожданному мировоззренческому катарсису, политическому пробуждению, экономическому возрождению и нарастающему технологическому суверенитету.

Прямое вооружённое столкновение Америки с крупными евразийскими державами (Россией или Китаем) представляет собой совсем другой уровень военного конфликта, по возможной интенсивности и масштабу на несколько порядков превышающий уровни всех иных локальных войн, которые разжигали США. Принципиально новым в таком конфликте является относительный паритет военных потенциалов участников вероятного противостояния. Кардинальное отличие от других конфликтов – стратегический ядерный арсенал этих евразийских держав и принципиальная готовность

нанести сокрушительный удар по странам НАТО и военным базам враждебных государств.

Если степень решительности Китая некоторыми наблюдателями ставится под сомнение, то возможная реакция России не ангажированными западными политическими и военными экспертами, как правило, оценивается вполне однозначно. В этой связи необходимо отметить, что Россия в военно-техническом смысле пока является единственным государством в мире, способным тотально и гарантированно уничтожить военный и промышленный потенциал США со всеми их европейскими и азиатскими союзниками. Зарубежные военные эксперты, которые в общих чертах представляют себе технические характеристики и общее количество российских МБР, автономных и управляемых подводных аппаратов с ядерными боеголовками вполне понимают основания подобных утверждений.

Таким образом, гипотетическая полномасштабная война с Россией для Американского государства предстаёт событием действительно апокалиптическим. По своим фатальным экзистенциальным последствиям его можно сравнить разве что со взрывом Йеллоустонского супер-вулкана. Российская военная доктрина, как известно, исключает разжигание глобального конфликта с применением оружия массового поражения. Ядерная война – это *всеобщая катастрофа*, которая не может и не должна быть допущена разумным человеком. Развивающееся человечество должно найти оптимальные решения своих противоречий без разрушения цивилизации и угрозы уничтожения всей планетарной экосистемы.

Однако проблема состоит в том, что в Америке есть идеологические концепции и политические силы, которые в принципе допускают полномасштабный военный конфликт или надеются под угрозой такого кон-

фликта продавить для себя наибольшие геополитические и экономические дивиденды в условиях внутреннего и глобального кризиса. Мы имеем в виду американских неоконсерваторов (неоконов) и сообщество протестантских фундаменталистов, которые рассматривают глобальную геополитику в категориях мрачных библейских эсхатологических перспектив. Причём они полагают, что на фоне всеобщей апокалиптической катастрофы им будет даровано особое или исключительное спасение.

В этой связи необходимо отметить, что современный американский политический класс (действующие политики, идеологи, эксперты, теоретики) незаметно распадается на два неформальных альтернативных течения: на умеренных сторонников нового *политического реализма* и ультралиберальных сторонников *традиционного глобального лидерства* Америки вопреки всем нарастающим кризисным явлениям.

В качестве условных символов первого течения в начале XXI века можно отметить известного политолога, одного из патриархов американской геополитики Збигнева Бжезинского и не менее известного политического деятеля, идеолога фракции палеоконсерваторов (палеоконов) в Республиканской партии Америки Патрика Бьюкенена.

Далеко не секрет, что Бжезинский в период советской истории был одним из самых ярких политических ястребов и радикальных идеологов Холодной войны. Как советник президента Джимми Картера по национальной безопасности он явился последовательным сторонником жёсткого курса США по отношению к СССР. Однако в начале XXI века, после неуспешного осуществления американской геополитической стратегии в Евразии, он неожиданно меняет свои убеждения.

В 2012 году Бжезинский был вынужден констатировать, что политическое влияние США стремительно падает, а многополярный мир становится совершенно неизбежным. Более того, он приходит к довольно парадоксальному для американского политического мышления выводу: выживание Запада в многополярном мире теперь напрямую *зависит от интеграции России* в формат Западного мира («*Стратегический взгляд*»[43]).

Этот неординарный вывод у него основан на свежей мировоззренческой рефлексии объективных мировых процессов. Во-первых, глобальное лидерство США или иного отдельного государства в новых условиях уже совершенно невозможно. Во-вторых, возникновение многополярного мира подводит финальную черту под пятисотлетней эпохой широкого доминирования Атлантической цивилизации (Европа и Америка) на всех континентах земного шара.

Патрик Бьюкенен обращает внимание на другой - моральный аспект общего кризиса европейской и американской цивилизации. «*Америка швырнула за борт этический компас*», который указывал ей путь в течение двухсот лет, и теперь «*плывёт наугад*» - писал он в своей известной книге «*Смерть Запада*» (2002)[44].

Глубинные причины кризиса он связывает с отходом Америки от христианской религии и религиозных ценностей, распад общества на национальные, религиозные и иные группы, которые находятся в постоянном конфликте друг с другом, нарастание демографических проблем (снижение рождаемости). Подобно Бжезинскому Бьюкенен переосмысливает значение России. Но уже не в геополитическом, а в аксиологическом кон-

---

[43] *Бжезинский З.* Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2013.

[44] *Бьюкенен П.* Смерть Запада / Пер. с англ. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003.

тексте глобального кризиса. Именно Россия, полагает американский идеолог, является самым христианским государством во всём мире, так как продолжает сохранять *традиционные ценности* от разрушительного влияния Запада. И здесь он безусловно прав: российское цивилизационное пространство вопреки моральному разложению Америки и Европы до сих пор содержит устойчивый и созидательный «*культурный код*», объединяющий лучшие религиозные и светские духовные традиции.

Американские палеоконсерваторы, одним из ярких лидеров которых является Бьюкенен, представляют собой идейную оппозицию доминирующим в начале XXI века американским неоконам. Каковы же их основные политические идеалы и предпочтения? Возвращение общества к истокам религиозной морали, ограничение глобальной экспансии Америки и усиление изоляционизма, сокращение миграционных потоков и ставка на внутренние интересы США.

В настоящий период палеоконы находятся на периферии политического процесса Америки и уступают лидерство неоконам в реальной политике и идеологическом воздействии на массовое сознание. Однако запрос на транслируемые палеоконами ценности в американском обществе явно существует и, возможно, даже будет нарастать. В этой связи внезапное появление на политическом олимпе неформатной для вашингтонского бомонда фигуры бизнесмена и политика Дональда Трампа вовсе не случайно, так как основные тезисы его политической программы оказались довольно созвучны идеям палеоконов.

Другое отмеченное выше неформальное политическое течение в США объединяет сторонников мирового лидерства Америки, глобального либерального рынка под управлением американских транснациональ-

ных корпораций, идеологов экспансивного и даже милитаристского продвижения американских ценностей и интересов по всему земному шару. Основу их политического менталитета составляет *идеология исключительности Америки,* которая приобретает философские, политические, экономические и даже религиозные обоснования. Самыми радикальными субъектами этих воззрений сейчас выступают *американские неоконсерваторы*, идейно дрейфовавшие в течение XX века от радикального левого троцкизма с его мировой революцией, до радикального правого либерализма с его глобальной гегемонией США в постиндустриальном демократическом обществе «*конца традиционной истории*».

Как известно, почти за всеми лидерами Америки первого и второго политического эшелона, выдвинутыми Демократической партией США на рубеже столетий (Клинтон, Обама, Байден и др.) так или иначе стояли глобалистские финансовые и промышленные элиты, а также политическое сообщество неоконов. Они не приняли вполне разумные предложения по коррекции американского стратегического курса развития со стороны таких идеологов, как Бжезинский и Бьюкенен и продолжали нагнетать разрушительную американскую гегемонию по всему миру до крайне высокого геополитического напряжения, которое мы ощущаем в течение всей первой четверти XXI века.

Так, в частности, все фазы Украинского кризиса: первая в 2014 году (государственный переворот), вторая в период с 2014 по 2021 год (геноцид русского этноса, милитаризация украинского неонацизма) и третья в 2022 году и позже (локальный военный конфликт, балансирующий на грани Третьей мировой войны) были инициированы и спровоцированы последователями американских неоконов и ставленниками влиятельных

представителей так называемого «глубинного государства» Америки.

Стратегическая линия неоконов в конечном счёте разрушила надежды американских политических реалистов на включение России (а позже и Китая) в орбиту Западной цивилизации. В конечном счёте вся геополитическая игра Вашингтона в начале XXI века пошла совсем не так, как это предполагалось основными американскими идеологическими доктринами.

Во-первых, почти полностью провалились планы США по контролю трансконтинентальных евразийских транспортных коридоров и стратегических ресурсов, что сделало бы Америку влиятельным наместником или даже господином *Евразийского Хартленда*. Во-вторых, вместо дальновидного сближения интересов Запада и России, глобалистские элиты оттолкнули Россию от Европы и Америки в сторону самостоятельного курса развития и сближения с другими евразийскими державами.

Всё вместе это привело к нарастанию новой мировой геополитической поляризации: с одной стороны - *Западная цивилизация* (Америка, Европа, Британия и др.); с другой стороны - формирующаяся *Евразийская цивилизация* (Россия, Китай, Иран, Турция, Индия и др.). Между ними - страны Африки, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Арабские монархии, многие из которых так или иначе симпатизировали некоторым евразийским державам или даже стремились в их политические и экономические форматы.

Таким образом, для развития Евразийского цивилизационного пространства в настоящий исторический период складывается довольно благоприятная ситуация, которую, по нашему убеждению, не сможет подорвать даже жёсткая санкционная политика Запада и попытки разжигания локальных военных конфликтов.

В этом контексте российские и китайские политические лидеры, а также культурные элиты этих двух стран должны ясно осознавать необходимость *независимого курса развития* своих держав от Атлантического центра силы. Россия и Китай, как основные политические и культурные опоры формирующегося общего Евразийского пространства, не должны интегрироваться в структуру Западного мира, как бы того ни хотели новые американские политические реалисты вроде Бжезинского. Это будет бесперспективно и губительно для наших стран в политическом, экономическом и ценностном смыслах. Наша ближайшая цель – укрепление *Евразийского полюса силы* для установления геополитического баланса с Западным (Атлантическим) сообществом и формирования социальных и экономических условий развития широкого *Евразийского содружества* государств и народов.

В таком случае крайне важно обратить внимание на экономические и аксиологические аспекты противоречивого взаимодействия Западной и Евразийской цивилизаций. Прежде всего, стоит отметить, что до сих пор в российском академическом сообществе и массовом сознании недостаточна отрефлексирована проблема эффективности и перспективности в новых условиях западной *либерально-экономической модели* развития общества как таковой.

Не погружаясь в глубокие теоретические дискуссии о преимуществах или недостатках рыночного капитализма, можно констатировать вполне объективный исторический факт: рыночный капитализм циклически погружается в состояние стагнации, депрессии или даже явного кризиса, глубина которого в новых условиях только нарастает. Самая мощная либеральная экономика во всём мире (США) в достаточно комфортных условиях своего развития парадоксально теряет темпы

роста, погружается в бездонную долговую яму, с трудом удерживает инфляцию, уступает своим конкурентам, не может обеспечить высокий уровень жизни всему населению Америки.

Мировое сообщество с немалым удивляем начинает осознавать, что бескризисная неолиберальная модель экономики оказалась не более чем навязанным мифом (А.К. Пушков). Политические лидеры России и Китая данное обстоятельство начали дипломатично отмечать ещё на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2009 году: высокомерная самоуверенность коллективного Запада в абсолютной непогрешимости и неуязвимости западной экономической модели на самом деле не выдерживает проверку практикой[45].

Теперь, спустя немногим более десяти лет, уже трудно найти авторитетного западного экономиста или известного инвестора, который бы с тревогой не ожидал скорой *экономической катастрофы* американского либерального рынка. К подобным выводам приходят и многие российские эксперты. Так, в частности, в ежегодном докладе Международного дискуссионного клуба «Валдай» (2021) констатируется «*глубокий кризис рыночной капиталистической экономики и мирового порядка*»[46]. Как говорится, проблема имеет место быть.

На этом фоне странно выглядит позиция группы российских либеральных экономистов, упорно не замечавших тревожные тенденции как американской, так и всей глобальной экономики. Разумеется, среди отечественных экспертов в сфере экономической политики

---

[45] *Пушков А.К.* Глобальные шахматы. Русская партия. – М.: Эксмо, 2018. С.74.

[46] Эпоха пандемии: год второй. Возвращение будущего // Ежегодный доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / *Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И.* – М., 2021. С. 21.

присутствует и другая точка зрения (С.Ю. Глазьев, М.Г. Делягин, М.Л. Хазин) которая, однако, пока не находит последовательной политической поддержки со стороны руководства РФ.

Причем всё чаще среди представителей экспертного сообщества появляются сомнения в общих перспективах всей существующей западной социально-экономической модели. По крайней мере, в том виде, в каком она представлена в настоящий исторический момент. «*Западная модель теряет свою привлекательность*». И если в России у неё ещё есть немало поклонников, то в мире их становится всё меньше (В.А. Никонов[47]). Относительно недавно казалось, что всё в мире движется к единой модели, суть которой составляли демократия с либеральной экономикой и социальной системой. Теперь оказалось, что это вовсе не так. Влиятельные страны, которые олицетворяли эту модель, начали терпеть глобальное поражение и вовсе не исключено, что «*сама модель проиграет*» (С.А. Караганов[48]).

Однако применительно к российским условиям это есть важная, но вовсе не единственная проблема. Оказалось, что курс на тесную экономическую интеграцию России с либеральной Европой и попытки встроиться в международное разделение труда (которое в значительной мере контролируется Америкой) в конечном счёте закончились для российского бизнеса стратегическим провалом и немалыми финансовыми потерями. Такие же проблемы возникли и у тех российских компаний, которые пытались осваивать некоторые

---

[47] *Никонов В.А.* Код цивилизации. Что ждёт Россию в мире будущего? - М.: Издательство «Э», 2015.

[48] *Караганов С.А.* // Сергей Караганов о приоритетах внешнеполитической стратегии развития России // Новостное интернет-издание Лента.ру. 30.05.16. www.lenta.ru

сферы американского рынка. В период охлаждения отношений РФ и Западного мира, неожиданно выяснилось, что либеральные правовые нормы и классические идеалы незыблемости частной собственности для современной Америки и Европы уже не имеют существенного значения. С такой дикостью никто не сталкивался даже в разгар Холодной войны в XX веке.

Здоровые общие экономические интересы как в Европе, так и в Америке доминирующими вашингтонскими и брюссельскими политическими элитами были принесены в жертву большой геополитике. Её главной целью оказалось уже даже не банальное «*сдерживание России*», но жесткая стратегия «*всестороннего подавления России*», которую из категории «младших партнёров» довольно быстро перевели в категорию «стратегических противников» Западной цивилизации.

На очереди теперь находится Китай, к которому тоже накопилось немало различных претензий от ограничений свободы и демократии до нежелательных технологических достижений. Поэтому китайские товарищи не должны впадать в иллюзии, что после подавления России и покорных заверений Пекина о партнёрстве и благонадёжности в Америке согласятся с его дальнейшим экономическим процветанием и политическим укреплением.

Сейчас уже никто не сомневается, что Китай для Запада есть намного более серьёзный экономический конкурент чем Россия. Идеологическая доктрина геополитической гегемонии США и нарастающий там экономический кризис не оставляют Китаю никаких шансов на спокойное развитие и гармоничное международное сотрудничество в сфере бизнеса и технологий. Ситуация усугубляется американской стратегией консервации, которую мы отметили выше. Она, в частности, предполагает концентрацию промышленности и

финансовых потоков в Америке, а также тотальное подавление мировой конкуренции в критически важных для США отраслях. Поэтому Китай (как полагают в Вашингтоне) должен быть так или иначе низложен или поставлен на подобающее ему место. В этом вопросе подавляющее большинство республиканской и демократической элиты США, по всей видимости, имеет довольно высокий консенсус.

Здесь опять уместно вспомнить историю. В 50-70-е годы XX века маоистский Китай в силу целого ряда внутренних политических причин отошёл от широкого сотрудничества с идеологически близким ему СССР. Это была довольно серьёзная ошибка, допущенная китайской партийной элитой тех времён, которая оказалась в мировоззренческом и геополитическом смыслах дезориентированной в определении своих истинных союзников. Локальные военные конфликты с евразийскими соседями – Советским Союзом, Индией и Вьетнамом не принесли Китаю ни международного авторитета, ни экономического развития, ни геополитического укрепления среди враждебных государств западного (Америка и Европа) и восточного (Япония) мира. Хочется надеяться, что новые китайские политики извлекли необходимые уроки из того непростого периода своей истории и занимают более дальновидную и прагматичную позицию по развитию широкого евразийского сотрудничества.

Мы вовсе не исключаем, что если Китай в силу каких-то причин останется против Западного мира один на один, без опоры на известное решительное евразийское государство и других евразийских партнёров, то его так или иначе приведут в состояние социальной нестабильности, экономического кризиса или даже политического взрыва. Не стоит забывать, как Великая империя Цин в середине XIX века по итогам двух Опиум-

ных войн была унизительно поставлена на колени британскими, французскими и американскими экспедиционными силами и не смогла отстоять свой суверенитет ни в политических, ни в торговых аспектах. Немного позже, в начале XX века, вся эта драматическая история завершилась полным крушением китайской империи, долгим социальным хаосом и господством японских интервентов.

Даже если значительно упростить проблему взаимодействия Китая и Америки до отдельного экономического аспекта (исключая всю геополитику), то и здесь без тесной экономической интеграции в рамках *общего евразийского рынка* у Китая оказывается мало шансов на стабильное развитие своей промышленности, технологий и финансовой сферы. Тесная экономическая связь американского и китайского бизнеса даёт Китаю не только хорошие экономические дивиденды, но и делает его уязвимым перед любыми санкциями США и ожидаемым там масштабным экономическим кризисом. Он неизбежно крайне болезненно ударит по китайским предприятиям, рабочим местам и курсу юаня.

Однако это только часть проблемы. Следует принять во внимание и кардинальную трансформацию глобальной политики США, которые фактически отказались от осуществления концепции «*золотого миллиарда*», негласно продвигавшейся во второй половине XX века. Теперь у Америки нет никаких равноправных союзников. Есть только экономические сателлиты и политические вассалы. Интересы Америки превыше всего. Весь мир с точки зрения такой идеологической доктрины становится политической резервацией и экономической квази-колонией для транснационального капитала США.

Причём бизнес-интересы американских финансовых и промышленных магнатов уже давно являются

одной из важнейших причин локальных военных конфликтов. Так, в частности, Ближний Восток – это контроль нефтяного региона; Панама – это контроль Панамского канала; Евразия – это контроль транспортных коридоров и различных ресурсов.

Трудно теперь не заметить, что идеологический принцип «*интересы Америки превыше всего*» подрывает положение даже её близких союзников. Не нужно думать, что в США подзабыли, например, демарш президента Франции Де Голля в 1965 году по обмену американского бумажного доллара на твёрдое золото. Равно как не следует полагать, что в Вашингтоне и Нью-Йорке весь политический и финансовый бомонд восторгался от стабильного развития немецкого бизнеса на дешёвых российских энергетических ресурсах. Пришло время поставить Европу на место.

Теперь мы видим, чего на самом деле стоит пресловутое Евро-Атлантическое партнёрство: в результате осуществления *Украинского проекта* американские неоконы цинично и без всякого сожаления подорвали экономическую независимость Европы. Подорвали во всех смыслах этого понятия. Вплоть до реального подрыва магистрального газопровода «Северный поток» в 2022 году. Таким образом, в новой геополитической реальности под угрозой надвигающегося глобального экономического кризиса Европейский Союз для Америки уже является не близким партнёром, но неудобным конкурентом.

Он должен быть подавлен или предельно ограничен в своих возможностях, что вполне соответствует как американским, так и британским интересам. В целом эти интересы были вполне успешно реализованы: разорваны экономические и политические связи Европы с Россией, навязаны дорогие ресурсы и товары для Европы из США, налаживается перевод прибыльного

бизнеса из Европы в Америку. Таким образом, на наших глазах осуществляется масштабная деиндустриализация Старого Света и углубляется его экономическая стагнация. В этом контексте надежды некоторых представителей (прозападной) китайской политической и экономической элиты на долговременные, равноправные, партнёрские отношения с американским либеральным бизнесом выглядят как минимум необоснованно.

Другой важнейший аспект взаимодействия Америки и Евразии имеет аксиологическое (ценностное) измерение. Суть проблемы состоит в том, что прямая трансляция в евразийское культурное пространство современных американских (западных) ценностей неизбежно подорвёт социальную стабильность, здоровую моральную основу и демографический потенциал любого евразийского государства, будь то Россия, Китай, Индия и так далее. Этот вопрос, по крайней мере в России, в настоящее время уже получил определённое философское и культурологическое осмысление, которое нашло радикальную политическую поддержку на самом высоком уровне власти[49].

Столкновение Западной и Евразийской цивилизаций необходимо осмысливать не только в геополитических или экономических аспектах, но и в аксиологических, а также этических категориях. Не случайно прогрессивно настроенные американские и европейские интеллектуалы всё чаще усматривают в России оплот истинной духовной культуры и общечеловеческих ценностей. Сейчас эти вопросы приобретают уже не отвлечённое философское или религиозное значение, но ста-

[49] Указ Президента РФ № 809 от 09.11.22: «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

новятся *важнейшим экзистенциальным условием* выживания общества в условиях глобальных социальных трансформаций и масштабного мировоззренческого кризиса современного человечества.

Моральная инверсия и вырождение традиционных общечеловеческих ценностей на Западе приобретают совершенно ужасные и угрожающие формы, которые не могли предположить даже такие радикальные европейские критики западной культуры, как Фридрих Ницше и Освальд Шпенглер. Либеральная демократия потеряла твёрдые духовные основания, которые позволяли американскому и европейскому обществу динамично развиваться в недалёком прошлом. Проблема упирается не только в радикальную секуляризацию религиозных институтов или критическую девальвацию этической сущности формально сохраняющихся религиозных конфессий. Проблема здесь намного глубже.

Американская ультралиберальная контркультура начала отрицать базовые общечеловеческие духовные устои и культурные достижения, которые позволяли цивилизации выживать в самые разрушительные периоды мировой истории. Здесь можно выделить три главных философских аспекта.

Первый аспект – это *деконструкция духовных смыслов* существования человеческой личности, которая в обществе информационного постмодерна и киберпанка превращается в опустошённое, маргинальное, потребительское существо. Психическое пространство его внутреннего мира всё сильнее наполняется безграничным гедонизмом, жаждой материальных благ, всевозможными развлечениями, пустыми играми, бессмысленной коммуникацией и самопрезентацией через различные социальные сети.

Второй аспект – это *деконструкция естественных гендерных ролей* и половых статусов человеческого ви-

да разумной жизни, которая принимает вид массовой психической девиации, поощряемой политическими элитами и закрепляемой позитивистскими правовыми нормами. Произвольная смена сексуально-гендерного статуса человека приводит к разрушению нормального института семьи, порождает глубокую психосоциальную дезориентацию личности, подрывает демографическое воспроизводство общества.

Третий аспект – это *деконструкция высших смыслов* существования всей *человеческой цивилизации* и целей развития современного общества, которые многие столетия интуитивно раскрывались в лучших религиозных и философских традициях мысли. Западное контркультурное пространство утеряло понимание эволюционных перспектив развития земного человечества, метаисторических горизонтов его культурного восхождения и социально-политических ориентиров его совершенствования.

Иными словами, американское политическое сознание пребывает в аксиологическом формате мрачного и отсталого Средневековья, которое напрочь исключает объединение человечества в единое планетарное сообщество, духовную эволюцию земного разума и его великую миссию по гуманистическому преображению космоса. Высшая политическая цель Американского государства предельно проста и понятна: это *мировая гегемония* и *всеобщий контроль*. Цель гегемонии: создание геополитических условий для неограниченного финансового обогащения властных элит и представителей «глубинного государства». Конечный экзистенциальный смысл такого обогащения: возможность неограниченного потребления и получение высшего наслаждения от физической жизни во всех его возможных видах, недоступных иным слоям населения в силу

их низкого экономического статуса и политического влияния.

Таким образом, на аксиологических доминантах современной американской контркультуры (*нажива, наслаждение, развлечение*) принципиально невозможно построить будущее более совершенное и гармоничное общество. Более того, такие доминанты не позволяют удержать даже достигнутый человечеством уровень культуры и цивилизации, так как ведут современное общество к моральному, социальному и демографическому вырождению. Какие вообще исторические перспективы может иметь страна, которая разрешает легальное распространение тёмных сатанинских культов[50], даже не скрывающих свой безумный инфернальный вызов духовной сущности всякой светлой религии?

Принимая во внимание отмеченные обстоятельства, будет уместно отметить, что в религиозных и теософских кругах существует распространённое убеждение в фатальной неизбежности *метафизического воздания* коллективному Западу за низвержение духовной Истины и многочисленные страдания, которые он принёс народам всего мира. Кто знает, вполне возможно, что ни сила оружия, ни политические интриги, ни финансовое могущество не смогут защитить бездуховную Евро-Атлантическую цивилизацию от надвигающегося социального упадка и геофизической катастрофы.

Однако мрачные кармические перспективы Америки усматривали не только европейские теософы, последователи нового евразийского духовного гнозиса (Живой Этики) или тибетские буддисты. Даже амери-

[50] Так называемая американская «Церковь Сатаны», основанная в Сан Франциско в 1966 году, открыто провозглашает себя в качестве «сознательного носителя зла» и «антипода христианства». Официально зарегистрирована и разрешена в США.

канские мистики предвещали, что подземный огонь, великие воды и тяжёлые лишения будут неотступно преследовать Америку в новую историческую эпоху (Э. Кейси, Д. Вилкерсон, Д. Бринкли и многие др.). Глобальные разрушительные процессы уже запущены и не во власти человека их остановить.

Можно по-разному относиться к таким мистическим убеждениям. Внимательно прислушиваться или отвергать как необоснованные наукой фантазии. Однако в любом случае мы должны признать один бесспорный, хотя и довольно странный психоаналитический факт: американская творческое сообщество отмеченные тревожные тенденции уже давно бессознательно почувствовало и ярко отразило в сюжетах многочисленных голливудских *апокалиптических блокбастеров.*

Можно уверенно предполагать, что это смутное интуитивное *предчувствие фатальных катастроф* в массовом сознании Америки дальше будет только нарастать. По всей видимости, оно является вовсе не произвольным плодом воспалённого под воздействием кокаина творческого воображения, но глубоким субъективным отражением пока скрытых геофизических и ноосферных процессов, которые однажды подведут огненную метаисторическую черту под тёмной эпохой доминирования негуманной и эгоцентричной Западной цивилизации.

В таком случае, метаисторически и этически новая Евразийская цивилизация может утвердиться лишь тогда, когда она решительно отвергнет бездуховные псевдо-ценности и контркультурные доминанты, которые на наших глазах ведут к разложению и неизбежному историческому фиаско некогда могущественный Западный мир. Это обстоятельство давно требует серьёзного философского осмысления и ясного понимания на

уровне академического сообщества, политической элиты и массового сознания.

Опасность вирусного распространения западных бездуховных псевдо-ценностей была и до сих пор остаётся актуальной как для России, так и для любой иной евразийской державы. Под большой угрозой находится, например, китайское общество и постсоветское культурное пространство. За тридцать лет радикальных либеральных реформ Россия достаточно явно ощутила дурман сомнительных идей и социальных девиаций, которые, надо откровенно признать, существенно подорвали здоровый культурный код нашего общества.

Новый *Евразийский полюс силы* должен наконец нивелировать опасное напряжение, порождаемое *Атлантическим полюсом* Западной цивилизации. В политическом и ценностном смысле он не может позволить подмять все иные страны и народы под Западную цивилизационную модель, лишённую гуманистического образа человека будущего, сакральной идеи совершенствования духа и этического принципа Общего Блага.

Западная модель онтологически закрывает человечеству светлое будущее и ведёт его к новой тоталитарной сегрегации. Реальные контуры такого мрачного будущего под полосатым флагом Американского лидерства выглядят примерно так: одинокий Остров технологически развитой, но совершенно *аморальной цивилизации потребления* для избранных на фоне глобальной экономической разрухи и политического бесправия иных стран и народов.

На текущем этапе правящие элиты США продолжают следовать своей традиционной идеологической парадигме непреходящей и непогрешимой исключительности, которая предопределяет ставку на глобальную геополитическую и экономическую гегемонию во всём мире вопреки меняющейся социальной реально-

сти. Хотя, как было отмечено выше, ресурсов, времени и иных возможностей для реального сохранения мирового лидерства у Вашингтона остаётся всё меньше. В этой связи нам трудно не согласиться с известными политическими аналитиками, которые отмечают, что главным средством обеспечения гегемонии Америки теперь становятся усилия по тотальному подавлению процессов формирования альтернативных центров силы, способных бросить геополитический вызов американскому доминированию (В.А. Никонов[51]).

Поэтому устойчивый во всех смыслах *Евразийский полюс силы* совершенно необходим для формирования и защиты геополитических контуров альтернативной *цивилизации нового типа*, которая сможет выйти из-под контроля Западного мира и обеспечить свой политический, духовный и технологический суверенитет. Она должна опираться на такие фундаментальные идеи и ценности как: гармоничное и равноправное сотрудничество народов, содружество религий, равенство наций, образ духовно восходящего и совершенствующегося человека, отказ от неограниченного потребительства в пользу разумной достаточности, экологическое природопользование, создание условий для объединения человечества в единое планетарное сообщество, широкомасштабное освоение ближнего и дальнего космоса.

Мы видим, что на современном этапе Евразийская цивилизация пока формируется в силовом поле двух социально-культурных пространств – российского и китайского. Постепенно это поле может и должно быть расширено до включения Индии, Центральной Азии, Ирана, Турции, Ближнего и Дальнего Востока и даже Аравийского полуострова. Во многих странах уже

[51] *Никонов В.А.* Код цивилизации. Что ждёт Россию в мире будущего? М.: Издательство «Э», 2015.

нарастает понимание реальных перспектив общего *евразийского сотрудничества* в решении экономических и социальных вопросов на основе баланса национальных интересов.

Неслучайно сейчас возникает и повышенный интерес к таким альтернативным форматам свободного международного взаимодействия как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и БРИКС. Неконструктивная политика Вашингтона и общие экономические проблемы Запада только усиливают подобные настроения и недоверие старым, изживающим себя политическим форматам, сконструированным под монополярные интересы Западной цивилизации.

В таком случае мы получаем всего две реальные стратегические альтернативы сосуществования Америки (Западной цивилизации) и Евразии (Евразийской цивилизации). Первая из них предполагает глобальное доминирование Американского мира и подчинённое положение всех стран Евразийского географического пространства. Это означает если и не полную потерю, то критическую девальвацию политического суверенитета России, Китая, Индии, Ирана, Турции, а также других менее влиятельных азиатских стран, которые на самом деле уже сейчас не отличаются полной и устойчивой политической субъектностью.

Это означает также и экономическую зависимость Евразии от американских транснациональных корпораций, политики протекционизма, диктата надутого доллара, постоянных технологических ограничений и мощного финансового насоса, работающего исключительно в сторону Вашингтона. В конечном счёте совершенно неизбежно евразийское социокультурное пространство окажется под тотальным контролем лукавой либеральной идеологии и американских ценностей, сомнительную сущность которых мы отметили ранее.

Вторая стратегическая альтернатива предполагает укрепление реальной политической субъектности государств Евразийского пространства, их тесное социально-экономическое взаимодействие, независимую и технологически самодостаточную экономику, собственные финансовые институты и новую единую валюту, а также ориентацию на более прогрессивные (антизападные) культурные основания, предполагающие опору на исторические духовные традиции и развивающиеся гуманистические идеалы.

Очевидно, что дальнейшее развитие Евразии по линии этой альтернативы приведёт мировое сообщество к возникновению настоящего *многополярного мира*, в котором экзистенциальные и аксиологические интенции Западной цивилизации уже не будут иметь всеобщего и обязательного значения. Можно предполагать, что такая архитектура международных отношений позволит не только найти точку равновесия между Западом и Востоком, но и откроет горизонты формирования созидательной культуры и гармоничной цивилизации нового тысячелетия. Идеологическая и геополитическая роль *Евразийской России* в этих процессах, по всей видимости, приобретает решающее значение.

5

РУССКАЯ ИДЕЯ И ЕВРАЗИЙСКИЕ ИДЕАЛЫ

Крайне важную роль в формировании российского культурного самосознания в течение последних двух столетий сыграл философский концепт «*русская идея*». Несмотря на то, что смысловой периметр его до конца ещё не определён, значение этого понятия в российской философии, общественной жизни и даже геополитике приобретает весьма существенное значение. Многие мыслители и деятели культуры интуитивно почувствовали невероятный духовный потенциал этого философского концепта, который пока остаётся рационально не отрефлексированным и практически не осуществлённым в реальной исторической жизни[52].

В отечественной историко-философской традиции принято полагать, что само понятие «*русской идеи*» в широкий оборот вводят писатель Фёдор Достоевский (1861 год) и религиозный мыслитель Владимир Соловьёв (1888 год). Значительно позже в Европе была опубликована книга религиозного философа Николая Бердяева «Русская идея» (1946), которая тогда сыграла существенную роль в распространении этого понятия в философских кругах.

Разумеется, к этому понятию и стоящей за ним проблематике в XIX и XX веках так или иначе обращались многие известные русские мыслители. Советский и российский историк философской мысли А.В. Гулыга в своей известной книге («*Русская идея и её творцы*») вполне справедливо отмечал, что предшественниками «*русской идеи*» явились Карамзин и Хомяков, главными

[52] *Аблеев С.Р.* Русская идея и евразийские идеалы // Философские исследования и современность: Сборник научных трудов. Выпуск 11. – М., 2022. С. 149 – 163.

носителями были Достоевский, Соловьёв и Фёдоров, а последователями выступили многие русские философы XX века: Розанов, Бердяев, Булгаков, Франк, Лосский, Карсавин, Ильин, Вышеславцев, Флоренский и Лосев[53].

Так какой же смысл вкладывали русские мыслители в философский концепт «*русская идея*»? Мы полагаем, что он находится, прежде всего, на пересечении этической и культурно-исторической проблематики, освещая некую особую миссию русского этноса и Российского государства в мировой истории.

Например, Фёдор Достоевский в своих дневниках вполне определенно отмечал, что русская национальная идея есть в конце концов лишь «*всемирное общечеловеческое объединение*»[54]. Владимир Соловьев в парижской лекции 1888 года подчеркнул универсальное этическое содержание «*русской идеи*» и отметил, что она не имеет в своей сути ничего исключительного и представляет собой лишь «*новый аспект самой христианской идеи*»[55]. Позже высокую нравственную сущность «*русской идеи*» весьма ярко выразит и Иван Ильин, в понимании которого «*русского идея*» предстаёт «*идеей сердца*». Она утверждает, писал он, что *«главное в жизни есть любовь и что именно любовью строится совместная жизнь на земле…*»[56].

Однако помимо этических доминант, в религиозном дискурсе «*русской идеи*» явно звучит и эсхатологическая мысль о «*всеобщем спасении»*, которая могла быть осмыслена в духовных традициях, может быть, только русской культуры и только русской истории,

---

[53] *Гулыга А.В.* Русская идея и её творцы. – М., 1995. С.12.

[54] *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. / Дневник писателя. 1877. – М., 1972-1990. Т. 25. С. 20.

[55] *Соловьев В.В.* Сочинения: В 2 т. – М., 1989. Т.2. С. 246.

[56] *Ильин И.А.* Собрание сочинений: В 10 т. – М., 1993. Т.2. Кн.1. С. 420.

наполненной бесконечными потрясениями и катастрофами. В этом смысле Арсений Гулыга в своё время весьма метко подметил, что «*русская идея*» всеобщего спасения закономерно появилась из катастрофического прошлого нашей страны[57]. Она имела своей целью в исторической перспективе объединить человечество в высшую общность и даже преобразовать его в некий духовный фактор космического развития.

Надо отметить, что подобные аспекты «*русской идеи*» недвусмысленно подчёркивал, например, религиозный экзистенциалист Николай Бердяев, у которого космические перспективы человечества приобретают чуть ли не основное смысловое содержание рассматриваемого здесь философского концепта. Вполне очевидно, что здесь он невольно сближается с Николаем Рерихом и другими известными русскими мыслителями-космистами.

Некоторые прозападно настроенные авторы в настоящее время, как и в прошлые столетия, усматривают в «*русской идее*» лишь воплощение геополитических амбиций Российского государства. По их убеждению, она является как бы идеологическим прикрытием мировой экспансии русского этноса и русского мира, что представляет угрозу если не всему человечеству, то во всяком случае доминирующей Западной цивилизации. Однако такое представление извращает и фальсифицирует широкое духовное содержание и высокий гуманистический смысл «*русской идеи*».

На наш взгляд, философская сущность и смысловые аспекты так называемой «*русской идеи*» даже глубже, чем это было отмечено выше у некоторых философов. Русские мыслители XIX-XX веков, к сожалению, не смогли полностью раскрыть все грани многомерной герменевтики этой туманной философской ме-

[57] *Гулыга А*.В. Русская идея и её творцы. – М., 1995. С.13.

тафоры. Однако их великая заслуга состоит в том, что они почувствовали высокий духовный смысл этой идеи и особую - даже не историческую, но *метаисторическую миссию России*.

На Западе до сих пор пытаются нивелировать всеобщее цивилизационное значение «*русской идеи*», подменяя его выдуманным обоснованием имперской сущности Русского государства. Но это искажённое понимание не имеет никакого отношения к подлинной или эзотерической сути «*русской идеи*», воплощающей в себе вовсе не частное национальное или узкое политическое, но кросскультурное и общечеловеческое содержание.

Мы полагаем, что «*русская идея*» имеет значение этическое, метаисторическое, геополитическое и даже эволюционно-космическое. Она представляет собой *многомерный эйдос* или *духовный идеал* не только отвлечённого морального или аксиологического содержания, но идеал, приобретающий в современной и будущей истории пока ещё неявный практический (геополитический и социокультурный) контекст.

В русской идее нет ожидания меркантильного обогащения (как в Америке), нет дурмана пресыщенного гедонизма (как в Европе), нет пережитков религиозного фанатизма (как в прошлом у евреев и арабов). Русская идея лишь артикулирует и устанавливает в культурном пространстве особый *метаисторический вектор* развития России ради спасения, освобождения, объединения и процветания всего земного человечества. Как проникновенно в начале XX века по этому поводу написал религиозный философ Василий Розанов: «*народ, живущий в смирении и терпении, не может не тянуться к мечте о всеобщем братстве*»[58].

[58] *Розанов В.В*. Среди художников. – М., 1994. С. 347.

В таком случае, философия «*русской идеи*» становится попыткой рационального отражения и творческого осмысления метаисторической миссии русского духа, который должен заложить фундамент единого человечества и основы всеобщего братства, открыть горизонты духовного (ноосферного) бытия и поражающие воображение космические перспективы земного разума. Вот почему «*русская идея*» представляет собой сложное триединство сакральных смыслов – этического, геополитического и эволюционно-космического. Это есть интуитивное творческое прозрение и пока ещё бессознательное эволюционное устремление к одухотворённому человечеству нового типа, которое религиозные мыслители, новые теософы и философы-космисты называли «*богочеловечеством*», «*сверхчеловечеством*», «*Шестой расой*» или «*ноосферной цивилизацией*» будущего.

Русская религиозная мысль сформировала понимание высоких этических доминант «*русской идеи*». А русский и евразийский космизм открыл её эволюционное значение как в планетарном, так и внеземном контекстах развития жизни и разума. Не случайно эти два важнейших аспекта «*русской идеи*» были объёмно отражены в антропокосмической философии Живой Этики, русские и индийские соавторы которой в своих работах недвусмысленно подчеркивали глобальную метаисторическую и культурную роль России в эволюционном восхождении и духовном просветлении земного человечества[59].

Трудно не заметить, что фундаментальные философские понятия русской религиозной мысли («*Всеединство*» и «*Соборность*») по своему глубинному моральному содержанию оказались идейно созвучны базовой аксиологической и этической категории Живой

[59] *Рерих Е.И.* Письма: В 9 т. – М., 2009.

Этики («*Общее Благо*»). Именно Соборность или Общее Благо есть то надёжное этическое основание, на котором возможно построить единую одухотворенную цивилизацию, объединенное земное человечество, интегральное планетарное общество, органично объединяющее в своём социальном сосуществовании разные нации, религии и культуры.

Историческая миссия России – осмыслить, обосновать и заложить идейные магниты новой одухотворённой цивилизации будущего. Утвердить прогрессивные и созидательные ценности. Дать новые надёжные жизненные ориентиры. Открыть дальние космические перспективы вопреки пустому потребительскому существованию. Сформировать гармоничные и гуманные отношения между народами. Социалистический проект XX века – лишь первая, в чём-то достаточно успешная, а в чём-то и не совсем удачная попытка решения отмеченных задач.

Способен ли на такие невероятные усилия и невиданные ранее достижения русский дух? На этот вопрос нет и не может быть однозначного ответа. Кто знает сокрытое будущее? Мы можем сейчас только верить и надеяться, что «*Святая Русь*» всё же окажется сильнее «*звериной Руси*». Ведь *ангельская святость* и *зверская низость*, как однажды подметил Николай Бердяев, есть вечные колебания русского народа.

Таким образом, вопреки убеждениям религиозных провиденциалистов, исход метаистории на самом деле вовсе не предрешён. Чтобы спасти и освободить человечество от экзистенциальной тьмы и надвигающегося самоуничтожения, Россия должна сначала суметь спасти и освободить саму себя. Здесь обнаруживается глубокий диссонанс между должным и реально существующим. Поражение русского духа вполне может означать мрачную эсхатологическую перспективу – траги-

ческий «*конец времен*», то есть историческую гибель всего земного человечества.

Ведь мы же не настолько наивны, чтобы поверить, что так называемая «*американская мечта*» откроет нам сокровенную формулу решения всех проблем и однажды приведёт всё человечество в светлое будущее? Тридцатилетнее абсолютное доминирование США в конце XX - начале XXI века, как оказалось, не принесло ни всеобщего экономического процветания, ни международного политического благоденствия, ни духовного возрождения человечества, омраченного страстями и пороками прошлых эпох.

В свете задач этой небольшой работы необходимо немного подробнее обратить внимание на метаисторический аспект «русской идеи». Вопреки убеждениям известного американского философа Фрэнсиса Фукуямы, человеческая история не только не заканчивается победой западной рыночной демократии («*Конец истории*»), но она даже ещё эмпирически не раскрыта и теоретически не осмыслена во всех своих тенденциях, детерминациях и глубинных интенциях. Проще говоря, современной науке, вероятно, не стоит самоуверенно утверждать, что она досконально понимает латентные причины и последствия как вполне явных, так и ноуменальных исторических событий[60].

Тут уместно вспомнить русского философа и богослова Сергея Булгакова, который одним из первых определённо заявил, что помимо явной истории существует и другая - метаистория, понимаемая как «*ноуменальная сторона того универсального процесса, который одной из своих сторон открывается для нас как*

[60] *Галанина Н.В.* Проблематика поиска законов истории в современной науке // Философские исследования и современность: Выпуск 8. – М., 2019. С. 62-65.

история»[61]. Позже подобные убеждения отразятся в работах и других известных русских мыслителей: у Николая Рериха («*Алтай – Гималаи*», «*Сердце Азии*» и др.) и Даниила Андреева («*Роза Мира*»). И если Андреев попытался представить метаисторические процессы в русле мифологического и мистического дискурса, то Рерих воспринимал их вполне рационально и реалистично, намекая на неизвестные науке ноосферные силы и факторы за внешним фасадом очевидного культурно-исторического развития человечества.

В современной отечественной философии весьма интересная и глубокая по своему содержанию тема метаистории, к сожалению, находится на обочине основного академического фарватера. Исключение составляют лишь отдельные работы некоторых исследователей (А.В. Иванов, И.В. Фотиева, Ю.М. Шишин, Е.В. Зорина, Л.М. Гиндилис, Н.А. Тоотс и др.), которые не пытаются нивелировать философское содержание рассматриваемой проблемы. Так, например, в монографии «*Скрижали метаистории*» её авторы отмечали, что на самом деле существуют две альтернативные, но связанные между собой истории. В одной, «*профанной истории*», мы видим по словам Гоббса, «*войну всех против всех*» и стадные инстинкты. В другой («*метаистории*») «*происходит непрерывное восхождение по лестнице познания и воплощения высших ценностей, куётся всемирное духовное братство и развивается истинно человеческая личность*»[62].

Зачем мы обращаем внимание на эту проблему? Дело в том, что раскрыть герменевтику смыслов «*русской идеи*» вне метаисторического контекста оказыва-

---

[61] *Булгаков С.Н.* Два града. – М., 1911. Т.2. С. 103.

[62] *Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин Ю.М.* Скрижали метаистории: Творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. – Барнаул: 2006. С. 41.

ется крайне затруднительно. Её невозможно понять в традиционном категориальном каркасе «базисов» и «надстроек», «общественного бытия» и «общественного сознания», «биржевых индексов» и «инфляционной динамики», «репрезентативных данных социологии» или «эмпирических фактов» доступной истории. Вся позитивистская методологическая база и понятийный аппарат политологии, социологии, экономики и других общественных наук оказываются бессильны и несостоятельны перед философскими интуициями о великих задачах русского духа и российского супер-этноса, имеющих общечеловеческое значение.

Метаисторический контекст русской идеи предполагает не просто более объёмное понимание исторического процесса и его телеологическое измерение (существование определённых скрытых целей), но и конкретное геополитическое воплощение ожидаемого футурологического сценария развития событий. В этой связи мы полагаем, что наиболее сильно философии «*русской идеи*» коррелирует геополитическая и культурная *идеология евразийства*. Спектр евразийских взглядов, разумеется, был и остаётся весьма широк и в работах своих представителей он имел немало различных смысловых акцентов. Тем не менее, если рассматривать российское евразийство обобщённо - как культурно-историческое и идейное движение, то, по всей видимости, именно оно более чем иные движения отражает идеалы и замыслы апологетов «*русской идеи*» об особой миссии России и её самостоятельном историческом пути.

Эту миссию невозможно осуществить в социокультурном фарватере Западной (Атлантической) цивилизации, которая вовсе не предполагает моральную ориентацию на Общее Благо, то есть интересы иных стран и народов. Более того, вполне уже очевидно, что

Западная цивилизация вступила в период своего глубокого кризиса и об этом убедительно писали многие думающие авторы как в прошлом веке, так и в начале XXI столетия[63].

Так, например, если теорию исторических циклов немецкого культуролога Освальда Шпенглера («*Закат Европы*») в начале XX века ещё можно было рассматривать как некоторую экзотическую гипотезу, то уже в конце XX века широкомасштабную деградацию Западной цивилизации ощутили даже радикальные философские диссиденты, вроде Александра Зиновьева («*Глобальный человейник*»). И вот теперь уже не только философы, но и политологи стали соглашаться с этой точкой зрения.

Старый Свет, отмечает известный российский политолог Сергей Караганов, «*находится в состоянии сильного экзистенциального кризиса, пути выхода из которого неочевидны*»[64]. По мнению другого известного политического эксперта - Алексея Пушкова, на наших глазах однополярный мир стремительно умирает и «*завершение доминирования Запада становится главной чертой первой половины XXI века*»[65].

Современные российские авторы, по нашему убеждению, вполне справедливо подчёркивают, что говорить о пути к новому планетарному единству возможно только при диалоге культур и цивилизаций (А.Л. Золкин, В.Ю. Бельский, В.А. Лепёхин и др.). Однако Евро-Атлантическая локальная цивилизация продолжает стремиться вовсе не к широкому кроскультурному диалогу, но к тотальному доминированию в поли-

---

[63] *Золкин А.Л.* Цивилизационный суверенитет, культурная идентичность и этическая позиция. – М., Ижевск, 2021. С.68.

[64] *Караганов С.А.* // www.Лента.Ру. 22.12.15.

[65] *Пушков А.К.* «Ледяная война» против России и новый миропорядок // Российская газета. www.rg.ru. 08.11.22.

тическом, экономическом и даже аксиологическом аспектах над всеми иными культурами и цивилизациями.

У Запада всегда был и будет свой *глобальный проект*, писал известный российский социолог В.А. Лепёхин, и суть его состоит в обеспечении «*мирового господства и подавления на этом пути всех своих конкурентов, в то время как глобальный проект российской цивилизации может быть лишь ответом на вызовы и притязания глобального рынка*»[66]. Проблема же заключается в том, что некогда успешный *глобальный проект Запада* начинает буксовать, как минимум, экономически и политически. Хотя в действительности всё обстоит намного хуже. Сейчас уже трудно не согласиться с выводами апологетов нового евразийства, которые в ответ на либеральные иллюзии российских западников XXI века отмечают, что в «нулевые» годы нынешнего века многовековое восхождение Запада «*сменилось системным кризисом, плавно переходящим сегодня в экономический спад, социальную деградацию и моральное разложение*» (В.Ю. Бельский[67]).

Иными словами, Западная цивилизация не желает отказываться от неоколониальной политики, не терпит никакой многополярности и наращивает постмодернистскую деконструкцию этических ценностей и базовых социокультурных норм вплоть до подрыва гендерной идентичности и разрушения института семьи[68]. Вот почему сейчас вопрос стоит намного острее и более ра-

---

[66] *Лепёхин В.А.* Пришло время раскрыть главную тайну Запада // РИА Новости. www.ria.ru. 12.09.17.

[67] *Бельский В.Ю.* «Сверхобщество» Александра Зиновьева и грядущая постглобализация // Свободная мысль. 2019. №5. С.97-102.

[68] *Аблеев С.Р., Золкин А.Л., Кузьминская С.И., Марченя П.П.* Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии. Изд. 2-ое. – М., 2018. С. 35-53.

дикально, чем можно было бы предположить. Речь уже идёт о поиске полноценной даже не культурной, но «*метафизической альтернативы*» западному тотальному универсализму и моральной деградации. Ведь потеря Западом своего морального лидерства, констатируют российские философы, теперь уже вполне налицо (А.Л. Золкин[69]).

Метафора «*метафизической альтернативы*» возникает в умах современных мыслителей, конечно, не просто так. Она отражает напряжённые поиски другого направления развития земной цивилизации и метаисторические размышления русских философов прошлого и настоящего, которые ощутили грандиозную созидательную силу и великие задачи русской духовной культуры.

Поэтому вовсе не случайно Александр Дугин, один из современных идеологов евразийского движения, ставит вопрос о необходимости так называемого «*Третьего пути*», понимаемого как социально-экономическая альтернатива традиционному капитализму и советскому социализму в евразийском геополитическом пространстве. Однако, на наш взгляд, экономический аспект не исчерпывает всей глубины и сложности проблемы, хотя и является, безусловно, крайне важным. В этом контексте не стоит забывать, что на самом деле «*евразийство является не просто политическим мировоззрением, но своеобразной философией культуры*» (А.Г. Дугин: Доклады Изборского клуба: «*О геополитике евразийской интеграции*»).

Ведь сущность рассматриваемой проблемы на самом деле упирается не только в эффективные экономические механизмы, но и затрагивает более глубинные

[69] *Золкин А.Л.* Цивилизационный суверенитет, культурная идентичность и этическая позиция. – М., Ижевск, 2021. С.68.

слои человеческого существования[70]. Иначе говоря, она выходит на уровень базовых ценностей, высших смыслов разумного бытия и экзистенциальных основ выживания развивающегося человеческого духа в природном и социальном мирах. Эту проблему ещё в XIX веке остро почувствовал Николай Данилевский, вполне определённо указавший на непреодолимый антагонизм России и Европы[71]. Оказывается, что эти две локальные цивилизации имеют не просто некоторые культурные отличия, которые можно преодолеть или каким-то образом нивелировать. Всё намного сложнее. Они являются диаметрально противоположными по своим базовым ценностям и жизненным укладам. Данилевский ещё тогда предупреждал, что Европейская цивилизация содержит вполне реальную угрозу для России. Теперь мы определённо видим, что такие опасения имели весьма глубокие основания и были основаны на тонком понимании имманентной сущности западного меркантильного, экспансивного и эгоцентричного менталитета.

В этом смысле либеральный прозападный курс развития России в конце XX – начале XXI столетий по своей сути оказался историческим забвением, геополитическим низвержением и аксиологическим крушением философских идеалов «*русской идеи*». Этот курс надо расценивать как тотальный навигационный сбой мировоззренческих ориентиров, как потерю своего исторического пути, как подрыв духовного кода российского супер-этноса и как малодушный отказ российских либеральных элит от великой метаисторической миссии по формированию основ одухотворенной цивилизации нового типа.

---

[70] *Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин Ю.М.* Человек восходящий: философский и научный синтез «Живой Этики». – Барнаул: 2012. С. 12-21.

[71] *Данилевский Н.Я*. Россия и Европа. – М., 1991. С. 103.

Теперь на исходе первой четверти XXI века некоторые влиятельные представители российских политических и культурных кругов неожиданно осознали, что так называемые «*европейские ценности*» и новые западные «*экзистенциальные стандарты*» ведут российское общество к деградации и вырождению. А на самом деле, моральное и биологическое вырождение стало угрожать не только российскому супер-этносу, но и всему человечеству.

Помимо идеологии финансового обогащения и политической гегемонии, помимо низвержения моральных ценностей и деконструкции человеческой личности под влиянием западного постмодерна мир столкнулся с невиданными ранее психофизическими девиациями, одну из которых можно назвать *феноменом гендерно-сексуальной дезориентации.* Оказывается, что в течение жизни человек может спонтанно менять свою гендерную ориентацию и биологический пол, но при этом в конечном счёте не осознавать и не принимать своего реального (ни нового, ни старого) полового статуса. Иными словами, он становится не способен ответить самому себе или своему психологу на простой вопрос: является ли он в конечном счёте мужчиной или женщиной?

В первой четверти XXI века отмеченное весьма странное и тревожное явление стало настолько широко распространённым в Америке и Европе[72], что получило своё специальное лингвистическое отражение в английском прилагательном *gender-fluid*. И вот теперь респектабельные западные СМИ уже вполне обыденно констатируют, что в Европе и Америке всё больше молодых людей в возрасте от 15 до 20 лет не ассоциируют

[72] *Аблеев С.Р., Кузьминская С.И.* Гендерная инверсия в языке и культуре // Вестник Московского университета МВД России. 2018. №2. С. 223-226.

себя с каким-то определенным полом, предпочитая принимать решения о своей половой принадлежности спонтанно, в зависимости от текущего жизненного настроения (*The Guardian*[73]).

Безусловно, это есть совершенно особая тема, которая требует своего обстоятельного исследования и осмысления. Мы мимоходом отмечаем подобные негативные явления лишь в качестве показательного примера угрожающей девальвации тех истинно прогрессивных ценностей, которые некогда позволили Европе и Америке стать уверенными лидерами экономического и социального прогресса.

Потому сейчас в российском обществе совершенно закономерно нарастает запрос на переосмысление доминирующих ценностей, жизненных приоритетов и направлений дальнейшего развития страны. Неожиданно метаисторическая философия «*русской идеи*» и *евразийские геополитические идеалы* на наших глазах приобретают новое, вполне созвучное духу исторического момента, мировоззренческое звучание.

В этой связи, вспоминая дискуссии русских классиков, нам следует найти наконец органичное соотношение или золотую меру между собственной культурной самобытностью России (о которой ещё на рубеже XVIII-XIX веков заявил историк Николай Карамзин) и лучшими культурными достижениями иных стран и народов (на чём настаивали русские западники). Очевидно, что ни растворение в западной цивилизации, ни самоизоляция в собственной культурной самобытности (вовсе не лишенной иногда некоторой архаичности) не дадут ожидаемого успешного разрешения существующих проблем.

---

[73] The Guardian // www.theguardian.com/.../gender-fluid-generation-young-people-male-female-t

Теперь, спустя почти два столетия, мы отчетливо понимаем, что в своих оценках европейских достижений ошибались не только западники, но и славянофилы в определённых аспектах идеализировали русскую культуру и российское государство. Они подчеркивали в первую очередь важность моральных, а не правовых принципов организации общественной жизни[74]. Поэтому русский религиозный и политический консерватизм в этом смысле был не лишен изрядного этического идеализма, если даже не утопизма.

Здесь идеология русских славянофилов в чём-то напоминает высокий моральный идеализм Конфуция, который явно опережал развитие массового и политического сознания в Древнем Китае. И тут мы сталкиваемся с интересным культурно-историческим парадоксом: конфуцианство формально являлось основой государственной идеологии средневекового Китая, однако реально императорский Китай на практике в управлении государством в значительной мере использовал идеи школы легистов, диаметрально противоположной конфуцианству по своим моральным доминантам, и делавшей ставку на формальный закон, нормативное принуждение и строгое наказание.

Подобное противоречие оказалось характерно и для императорской России. Консерваторы восхищались силой этических принципов русской общинной жизни и духовными устоями русского Православия. Но реальное государство порой было деспотическим, негуманным и антинародным. Народ же был беден, закрепощён, тёмен, лишен социальных прав и свобод и даже политического голоса в защиту своих интересов. Здесь и нужно искать скрытые семена русской смуты и рево-

[74] *Медушевская Н.Ф.* Славянофилы о государстве, общественном устройстве и праве // Философские исследования и современность: Выпуск 6. – М., 2017. С. 174-177.

люций. «*Правда*» (этический концепт) находилась в остром конфликте с «*Законом*» (правовой концепт).

Этот конфликт возник вовсе не в революционном 1917 году (П.П. Марченя[75]). Он был заложен в самые основы российской государственности сотни лет назад и лишь вырвался наружу, а лучше сказать – взорвался в 1917 году. А позже ещё раз взорвался в начале 90-х годов XX века, когда власть коммунистических вождей окончательно утеряла политическую легитимность и поддержку советского народа. Хочется верить, что на этот раз плотный туман державного благолепия не закроет современной политической элите горизонты социальной реальности, и она наконец ощутит тревожное нарастание пассионарного напряжения российского общества.

Мы отметили эту проблему для того, чтобы подчеркнуть: идеология новой *Евразийской цивилизации* не может повторять досадных ошибок прошлого. Она должна принимать во внимание и учитывать исторический опыт развития России и иных государств, в котором все монархические и тоталитарные традиции, национальное чванство и религиозная исключительность, чудовищное экономическое расслоение общества, бессилие закона перед власть имущими, невежество и бесправие народа должны остаться далеко в прошлом.

Рассматривая проблемы и условия формирования единого *евразийского пространства*, мы предполагаем не только политический и экономический противовес Западной (Атлантической) цивилизации, который позволит установить необходимый геополитический баланс между основными центрами сил современного мира. Всё это имеет немаловажное, но, тем не менее,

---

[75] *Марченя П.П.* Правовой нигилизм в России: мифы и реалии // Вестник Московского университета МВД России. 2016. №2. С. 29.

вторичное значение. Главное же значение нарождающейся *Евразийской цивилизации* состоит в том, что она призвана идейно утвердить и на практике осуществить альтернативную эволюционную стратегию развития всего человечества.

Такая стратегия не может опираться на традиционное потребительство, культ финансовой наживы, необузданный гедонизм и духовное разложение личности, семьи и общества[76]. Необходимо уже не только в отвлечённом философском, но и в предельно практическом смысле осознать, что многие доминирующие сейчас в Западном мире ценности ведут человеческую цивилизацию если не к всеобщей катастрофе, то во всяком случае к моральной деградации.

В этом смысловом контексте тревожные эсхатологические настроения некоторых последователей философии «*русской идеи*» надо рассматривать уже не в русле религиозного или мистического дискурса, но как социально-политическую, биосоциальную и психофизическую реальность. Невозможно построить более совершенное и гармоничное общество нового типа на тотальной деконструкции разумного человека, который низвергает все духовные истины, моральные устои и исторически выстраданные ценностные основания социальной жизни ради денежной выгоды и извращенного сладострастия.

Некоторые российские философы некоторое время назад вполне обоснованно отметили ещё один крайне важный аспект рассматриваемой проблемы. Кризис Старого и Нового Света начался не только с пересмотра традиционных моральных устоев в результате секуляризации и крушения метафизики, но и под влия-

[76] *Щёлоков К.С.* Гедонизм как идеология постмодернистского общества // Философские исследования и современность: Выпуск 10. – М., 2021. С. 195-201.

нием масштабного позитивистского переосмысления *сущности человека*[77], которого на Западе низвели до пустого физиологического индивида, существующего вне пространства высших смыслов, сакральных ценностей и глубинных онтологических оснований космического или духовного порядка.

Поэтому и выход из этого кризиса предполагает иное – более объёмное осмысление *сущности человека*, смысла его существования и космических перспектив эволюции разумной жизни вообще. Иными словами, мы стоим на пороге новой мировоззренческой революции, которая, хотелось бы верить, даст не только более глубокое понимание природы и человека, но и откроет новые исторические или даже метаисторические горизонты в развитии всей земной цивилизации.

[77] *Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин Ю.М.* Антропологический кризис и пути выхода из него // Человек восходящий: философский и научный синтез «Живой Этики». – Барнаул: 2012. С.7-40.

6

УКРАИНСКИЙ ПРОЕКТ КАК ФАТАЛЬНАЯ ОШИБКА ЗАПАДА

После неожиданного крушения СССР в 90-е годы XX столетия у коллективного Запада возникли два альтернативных варианта или стратегии дальнейшего развития отношений с Россией как государством и Русским миром как определённым культурным содружеством стран и народов. Первый вариант – это широкое равноправное сотрудничество, построение единой (как минимум европейской) системы безопасности, формирование общего экономического пространства от Атлантического до Тихого океана. Это была во всех отношениях наилучшая стратегия с точки зрения разумной политической прагматики и реальных социально-экономических перспектив.

Российские либеральные элиты 90-х годов очень рассчитывали на такой благоприятный вариант развития отношений с Европой и Америкой. Более того, они почти не сомневались в его реализации в самом ближайшем будущем. Фактически взаимодействие с коллективным Западом с начала 90-х годов до 2007 года выстраивалось в контексте ожидания такого взаимовыгодного экономического сотрудничества и политического взаимопонимания. Российские реформаторы полагали, что все «идеологические барьеры» и «железные занавесы» наконец падут и Россию добродушно примут как равноправного партнёра в мировое сообщество демократически и технологически развитых государств. Кроме того, она найдёт своё достойное место в мировой системе разделения труда на основе принципов честной конкуренции и развивающейся глобализации.

Однако Запад выбрал совсем другую геополитическую стратегию построения отношений с Российской

Федерацией – так называемую «*политику сдерживания России*», которая сначала осуществлялась негласно, тонко и завуалировано. А после 2008 года – уже публично, демонстративно, а порой весьма цинично и грубо. Такая политика в конечном счёте предписывала России статус определённой социально-экономической резервации, зависимой квази-колонии, политически управляемой кукольной демократии без реального суверенитета и собственных интересов[78].

По этому варианту Россия должна была: смиренно поставлять в Европу и Америку дешёвые природные ресурсы, не стремиться к развитию наукоёмких технологий и высокотехнологичных производств, покупать западные товары, следовать западным ценностям, позволять окружать себя военной инфраструктурой НАТО, не претендовать на восстановление единого политического, экономического и культурного пространства, в которое входили республики бывшего СССР.

Необходимо с глубоким сожалением констатировать, что данная стратегия Запада вполне успешно осуществлялась на протяжении всего постсоветского периода развития нашей страны. И, в частности, широко обсуждаемое постоянное расширение блока НАТО на Восток в сторону российских границ есть лишь малая и вовсе не единственная часть этого грандиозного, многоаспектного, завуалированного благообразной политической риторикой Плана обуздания и сдерживания «*российского Медведя*».

Около двадцати лет после деструкции СССР всё шло довольно гладко и тихо, так как российская политическая система не рефлексировала эту проблему и почти не реагировала на лукавую стратегию Западного

[78] *Аблеев С.Р.* Украинский проект как геополитическая и экономическая ошибка Запада // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С.271.

мира. Переломным рубежом, как известно, явилась Мюнхенская конференция по безопасности 2007 года, где Президентом РФ были недвусмысленно обозначены негативные стороны однополярного мира и сформулированы обоснованные опасения России за свою безопасность. В.В. Путин в своём докладе впервые прямо назвал вещи своими именами: однополярный мир фактически предполагает только *один центр власти*, *один центр силы* и *один центр принятия решений*. Сложившаяся ситуация содержит весьма реальные политические и даже военные угрозы не только для России, но и для всего человечества.

Тогда российским лидером в Мюнхене был радикально поставлен концептуальный вопрос о неприемлемости западной модели мироустройства, основанной на так называемых международных «*правилах*». В чём же состоит суть этой проблемы? «*Коллективный запад исходит из того, что он диктует правила, а остальные страны должны их принимать*»[79]. Причем все подобные западные правила направлены на сохранение доминирующего положения США и Евросоюза, а также на закрепление подчинённого и зависимого положения всего остального человечества в России, Большой Евразии, в Африке и в Южной Америке.

Таким образом, как только Россия начала активно сопротивляться нарастающему укреплению монополярного мира и продвижению стратегии Запада по сдерживанию РФ (Грузинский конфликт 2008 года, признание независимости Абхазии и Южной Осетии в 2008 году, твёрдая позиция по Украинскому государственному перевороту 2014 года, защита населения Крыма с последующим признанием итогов референдума о его вхождении в состав РФ, военная и дипломати-

[79] *Пушков А.К.* «Ледяная война» против России и новый миропорядок // Российская газета. www.rg.ru. 08.11.22.

ческая поддержка Сирии против агрессии исламских боевиков и США, последовательное дипломатическое и экономическое содействие ДНР и ЛНР после 2014 года) – тут же последовала резкая реакция коллективного Запада во главе с США.

После всех этих событий в глазах политической элиты Америки и Европы Российское государство становится уже не полу-партнёром или «младшим братом», но явным *враждебным противником*, которого необходимо поставить на место политическими, экономическими, идеологическими, информационными, а если потребуется и военными средствами. Изменение ситуации было незамедлительно отражено в скорректированных политических и военных доктринах западных государств.

Вот так в общих чертах выглядит реальный геополитический фон, на котором надо рассматривать так называемый «*Украинский проект*» Запада. Вне общего геополитического контекста оценить истинную сущность этого проекта невозможно. К сожалению, либеральная публика в нашей стране до сих пор не видит и не понимает этот контекст. Истина состоит в том, что в долгосрочном стратегическом Плане противодействия России новая Украина своими западными кураторами всегда воспринималась как *проходная фигура*, *разменная монета* или даже *козырная карта* (в зависимости от точки зрения) в большой геополитической игре за доминирование в Евразии и на всём планетарном пространстве в новом тысячелетии. В этом контексте следует обратить особое внимание на евразийский аспект геополитических амбиций Вашингтона, которые вовсе не заканчиваются на границах Украины.

Некоторые современные европейские авторы не без оснований отмечают[80], что американская внешняя политика в конце XX и начале XXI столетий развивается в концептуальном фарватере до сих пор популярной на Западе теории британского геополитика Хэлфорда Маккиндера[81]. Как известно, уже в начале XX века он предписывал стратегическое значение географическому пространству так называемого *Хартленда* – центральной части Евразийского континента, к которой, кстати, относил не только Центральную Азию и Сибирь, но и Восточную Европу. В одной из своих концептуальных работ Маккиндер предельно чётко сформулировал своё представление о линиях детерминации мирового господства: «*Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом; кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом; кто контролирует Мировой остров, тот командует миром*»[82].

Весьма существенную роль в Восточной Европе, безусловно, играет Украина, которая в этой схеме в силу своего географического и социально-политического положения приобретает решающее значение. Как полагал Маккиндер, она должна быть отделена от России подобно другим пограничными (лимитрофным) государствам и не иметь фактической самостоятельности. Иными словами, всем этим государствам предписывался *марионеточный статус*. Они должны были выступать политическим барьером или буферной зоной между Россией и Европой, особенно между Россией и Гер-

---

[80] *Виелмини Ф.* Роль теории Маккиндера в нынешнем стратегическом развёртывании США в Евразии: проблемы и перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 4 (40).

[81] См. *Маккиндер Х. Дж.* Географическая ось истории // Полис. Политические исследования. 1995. № 4.

[82] *Маккиндер Х. Дж.* Демократические идеалы и реальность // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С.134.

манией, союзнические отношения между которыми для британской элиты были недопустимы[83].

Таким образом, по оценкам британских и американских аналитиков, если Россия потеряет влияние на Украину и другие бывшие советские республики, то её евразийский имперский потенциал будет сильно подорван. Она не сможет контролировать даже Центральную Евразию. Разделение России и Украины в таком случае приобретает уже не частное европейское, но общее геополитическое значение в глобальной игре Запада за мировое господство в XXI столетии.

Судьба украинского народа в этой игре политический истеблишмент США и Европы совершенно не интересовала. Так было в начале XX века после падения Российской Империи. И ничего не изменилось в начале XXI века. Неужели в Вашингтоне и Брюсселе не понимали, что в результате государственного переворота 2014 года они сместили законно избранного Президента страны, нарушили хрупкий консенсус политических элит и привели к власти в Киеве бандеровских ультранационалистов и украинских неонацистов? Вне всяких сомнений, это было понятно изначально.

Более того, именно в этом и состоял замысел наконец то осуществлённой манипулятивной политтехнологии «*оранжевой революции*» и «*майданной демократии*», в которые Государственный департамент и спецслужбы США в течение двадцати лет вложили весьма немалые финансовые средства и организационные усилия. Украина изначально рассматривалась как специальное *геополитическое орудие* или даже как *сокрушительный таран* против России. Новая Украина формировалась под влиянием бредовых идеологиче-

[83] *Курылёв К.П.* Украина в западных геополитических концепциях // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2013. № 4. С.22.

ских мифов и конструировалась как «*Анти-Россия*» – в сущности агрессивная *политическая химера*, способная втянуть реальную Россию в деструктивные процессы социально-политической, экономической и этнической турбулентности.

Именно в этом видели её настоящее историческое предназначение вашингтонские политтехнологи, вопреки наивным фантазиям некоторых недалёких украинских лидеров о каком-то «*самостийном значении*» новой Украинской державы для Европы и даже для всего мира. Далеко не секрет, что о прикладной или утилитарной роли оголтелого украинского национализма в геополитических стратегиях Запада не раз вполне открыто рассуждали европейские и американские идеологи как в XIX-XX столетиях, так и в начале XXI века.

Вот, например, уместно вспомнить весьма недвусмысленное широко известное откровение патриарха американской геополитики Збигнева Бжезинского из его популярной на Западе книги «Великая шахматная доска…» (1997): *«Украина, новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само её существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестаёт быть евразийской империей»*[84].

Так вот в чём оказывается состоит суть вопроса. Настоящая цель большой геополитической игры США на постсоветском пространстве в конечном счёте есть ослабление и поражение России, возрождающийся державный потенциал которой всё больше пугает американскую политическую элиту. Поэтому пришедшим к власти на Украине радикальным националистам на самом деле отводилась весьма простая и незавидная

[84] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска: господство Америки и её геостратегические императивы / Пер. с англ. – М., 2021. С.54.

роль «*бешеных псов*» западной либеральной демократии, которые должны были идеологически мотивированно рвать культурную плоть Русского мира и его «*поганых москалей*».

Подобная стратегия уже применялась европейскими лидерами накануне Второй мировой войны, когда в качестве подобных «*бешеных псов*» против СССР попытались использовать отформатированные нацистской идеологией дивизии гитлеровской Германии. Тогда в Европе многие тоже наивно полагали, что немецкие нацисты обратят свою агрессию исключительно на Восток, и она почти не затронет пространство Старого Света. Однако всё пошло по другому сценарию. И эта хитрая дипломатическая игра в конечном счёте закончилась тотальным поражением Европы и геополитическим усилением двух главных победителей Второй мировой войны – СССР и США.

Такова вся геополитическая и экзистенциальная сущность Украинского проекта Запада, если развеять плотный идеологический туман и убрать псевдодемократические ширмы, которыми американские и европейские лидеры пытаются скрыть от массового сознания подлинные ландшафты политической реальности и скрытые цели своих замыслов. В этой связи надо признать, что некоторые светлые умы в Европе вполне понимали, что осуществляемая стратегия Запада по отношению к России (расширение НАТО и антироссийское форматирование Украины) есть серьёзное, если не фатальное заблуждение.

Например, об этом открыто говорили отдельные немецкие депутаты в Бундестаге, известные венгерские политики и даже такой авторитетный американский дипломат и политолог как Джордж Кеннан. Несмотря на то, что во второй половине XX века он выступил в качестве одного из ведущих архитекторов Холодной

войны и идеологов «политики сдерживания» России, именно Кеннан вполне недвусмысленно и крайне дальновидно заявил на исходе XX столетия: расширение блока НАТО на Восток есть «*стратегическая ошибка эпического масштаба*».

Почему же это произошло? Здесь можно указать несколько причин. Однако одна из важнейших состояла в том, что в начале XXI века США погрузились в кризис стратегических целей своего развития на фоне недопонимания логики мирового исторического процесса. *После победы в «Холодной войне»*, однажды справедливо заметил Патрик Бьюкенен - влиятельный американский политический деятель и публицист, *США оказались неспособны сформулировать новую цель и до сих пор пребывают в растерянности относительно миссии своего государства в мире*[85].

Конечно, все эти и некоторые другие политики были безусловно правы: Вашингтону и Брюсселю вовсе не следовало беспечно игнорировать интересы России, усиливать территориальную экспансию НАТО и создавать совершенно ненужное высокое политическое напряжение между Западом и Россией. Ведь никакой реальной военной угрозы для Европы, тем более для Америки со стороны Русского мира не существовало. Однако голос таких политиков, к сожалению, почти никто не слышал и не принимал во внимание.

Таким образом, предпринятая в феврале 2022 года Специальная военная операция России на Украине явилась прямым следствием неконструктивной, недружественной, агрессивной политики США и Европы в отношении РФ. Могла ли Россия отказаться от военного решения украинской проблемы? Многие на Западе, и некоторые представители культурной и бизнес элиты в

[85] *Бьюкенен П.* // America Without a Cause // The American Conservative. 23.10.2015 // Америка без цели // РИА Новости. 25.10.15.

России говорили, что могла и должна была именно так и сделать. Однако этот вопрос поставлен неправильно.

На самом деле вопрос и суть проблемы формулируется иначе: могла ли Россия безучастно смотреть на регулярные убийства русского населения Донбасса, допустить втягивание Украины (некогда своих территорий) во враждебные военные блоки, согласиться с разработкой бактериологических средств массового поражения на своих границах, не возражать против появления ядерного оружия на критическом расстоянии от стратегических рубежей и в конечном счёте подорвать свою безопасность?

Необходимо также принять во внимание, что политическое руководство России отчаянно пыталось в течение нескольких месяцев (до февраля 2022 года) решить эту обостряющуюся проблему дипломатическими средствами. Однако все усилия оказались тщетны. Никто в Вашингтоне и Брюсселе не собирался принимать в расчёт тревогу России о собственной безопасности и решать этот непростой вопрос на паритетных началах. Диалог коллективного Запада с Россией выглядел как переговоры Метрополии с одной из своих Колоний. Это явилось ещё одной стратегической ошибкой западной элиты, которая до сих пор мало понимает сложную сущность русского духа и его пассионарный потенциал.

Поэтому вся обозначенная проблематика должна рассматриваться совершенно в другой системе координат. Не только среди политической элиты, но и в широких кругах российского общества под давлением коллективного Запада наметился резкий рост национального самосознания и на передний план стали выходить весьма непростые и острые вопросы.

Мы соглашаемся с нарастающим геноцидом русского населения в Донбассе и во всей Украине или нет?

Мы воспринимаем Россию как резервацию для людей второго сорта или как Великую Державу, способную отстаивать свои интересы и ставить грандиозные цели по собственному развитию? Наше государство является суверенным или представляет собой политический кукольный театр, заказные спектакли в котором разыгрывают влиятельные кукловоды из-за Океана? Очевидные ответы на подобные вопросы предопределили довольно существенную поддержку в российском обществе крайне непростого решения Президента РФ по купированию внешних угроз с украинского направления.

Историческая трагедия самой Украины состоит, прежде всего, в том, что она так и не достигла политической зрелости, не смогла осознать все преимущества нейтрального статуса своей государственности и выбрать в качестве стратегии своего дальнейшего развития прагматичную формулу *геополитического Моста* между Российской Евразией и Европой.

Это вполне могли и должны были понять политические и культурные элиты постсоветской Украины. Ведь речь вовсе не шла о включении Украинского государства в состав Российской Федерации. Москва фактически уже давно согласилась с «*самостийным*» политическим существованием своего соседа (на самом деле своих отделённых территорий). Речь теперь шла только об адекватном геополитическом принципе взаимодействия двух стран и народов, который позволил бы снять все возникшие в прошлом напряжения и установить долгожданное равновесие интересов.

Принцип или формула *геополитического Моста* как раз и предполагала такое равновесие. Это есть сбалансированное экономическое взаимодействие с Европой и Россией. Это есть внеблоковый (нейтральный) военный статус Украинского государства. Это есть реально независимая («*незалежная*») от Запада суверен-

ная демократия. Наконец, это есть культурное содружество и духовная синергия, закрепляющая равные права исторически родственных украинского и русского этносов на территории Украины, в том числе и два государственных языка.

Можно даже не сомневаться, что при последовательном осуществлении такого геополитического и социокультурного курса Украина могла бы стать одной из самых развитых и влиятельных стран Европы. Ведь в наследство от СССР она получила огромные географические территории (которые ей ранее никогда не принадлежали), высоко развитую промышленность, богатые природные ресурсы, выход к Чёрному морю, сильную науку и систему образования, существенный демографический потенциал.

Однако курс на нейтральный статус оказался невозможен. И эта негативная ситуация явилась вовсе не игрой слепого случая, но была детерминирована вполне объективными причинами. Во-первых, украинское общество так и не смогло излечиться от исторической язвы радикального национализма, которая обострилась на рубеже XX и XXI столетий. Во-вторых, украинские элиты не смогли избежать наивных прозападных иллюзий, которые, надо признать, были сильны практически во всех бывших советских республиках.

В-третьих, геополитическая стратегия США по идеологическому подрыву братских отношений России и Украины и формированию из последней универсального орудия против Москвы, к сожалению, оказалась вполне успешной. В-четвёртых, невозможно не отметить и определённые просчёты внешней политики России, которая долгое время предоставляла Украине необоснованные экономические преференции на фоне неурегулированных межгосударственных проблем и явно

националистического и вместе с тем прозападного курса своего соседа.

Дополнительную существенную сложность создавали ошибки в государственном и культурном строительстве советских лидеров, которые своими волюнтаристскими решениями в угоду текущей политической ситуации неоправданно и недальновидно передавали исторически российские земли в состав административных границ Украинской советской социалистической республики (Донбасс, Крым и др.), а также осуществляли политику насильственной украинизации широких слоёв русского населения, проживавшего на территории УССР[86].

Тогда многим казалось, что новое территориальное деление не имеет существенного значения, ведь все республики находились в составе единого Советского Союза. Однако после деструкции СССР статус этих территорий приобрёл уже не формально административный, но реально геополитический характер. Таким образом эти спорные земли явились средоточием острых межнациональных и политических проблем, которые при ином развитии событий (нахождении их в составе РФ) с высокой долей вероятности удалось бы избежать. И это оказались не просто абстрактные проблемы. Это трагически потерянные человеческие жизни, драматически искалеченные судьбы, разрушенные города и разорённые предприятия, гуманитарная катастрофа. Такова оказалась высокая историческая цена ошибок советских политических лидеров.

Сейчас в России и в других странах политические элиты и народные массы должны наконец осознать реальные причины современного обострения социально-

[86] *Гринин Л.Е.* Исторические и геополитические причины социально-политического кризиса на Украине // История и современность. 2015. № 2. С. 3-44.

экономических проблем и военных конфликтов. Они напрямую связаны с неконструктивной политикой США и их союзников в Британии и континентальной Европе. Это политика *монополярного мира* и *экономического доминирования* исключительно Нового и Старого Света, то есть так называемого *Атлантического партнёрства*.

Хотя и здесь между Америкой и Европой нет никакого равенства. Наивные и безвольные европейские бюргеры теперь фактически соглашаются со своим подчинённым положением относительно политической и экономической гегемонии Вашингтона. Но это, как говорится, не наша проблема. Если в Берлине, Париже и Риме согласны на роль экономических аутсайдеров и политических вассалов Белого Дома, то это есть собственный исторический выбор европейских народов. Тем хуже для стареющей Европы, которую теперь не только политически третирует «*американский Дядя Сэм*», но и экономически терзают голодные «*азиатские Тигры*».

Итак, главные причины возникающих на мировой арене обострений состоят в попытках Запада сохранить своё уходящее глобальное доминирование всеми возможными, даже совершенно недопустимыми средствами. Китай в Западном мире воспринимается как главная экономическая угроза. Но Россия в глазах политической элиты Америки и Европы порой расценивается как угроза более серьёзная. Ведь она является единственной страной в мире, которая способна в военном смысле гарантированно сокрушить любое западное государство по отдельности или в полном составе всего коллективного Запада. И если некоторые самонадеянные американские и европейские лидеры это не совсем по-

нимают[87], то кадровые генералы Пентагона, по всей видимости, рассматривают этот вопрос без всяких иллюзий и розовых очков.

Однако на самом деле проблема России упирается не только в военную мощь и некоторую экономическую конкуренцию американским и европейским корпорациям в отдельных сферах бизнеса (энергетика, продукция оборонного назначения, металлургия, химическая промышленность, продукты питания и др.). *Русский мир* – это, прежде всего, геополитический, аксиологический и метаисторический противник *Западного мира*. Полагаю, что вовсе немногие идеологи на Западе рационально рефлексируют эту проблему во всей её полноте. Однако на неосмысленном или бессознательном уровне она представляет собой устойчивый архетип массового сознания в Америке и Европе, который, безусловно, имеет под собой вполне реальные основания.

На самом деле Россия – это не просто огромное географическое пространство с богатейшими природными ресурсами. Россия - это, прежде всего, *культурное пространство высокой пассионарности*, которое должно явиться синергетическим аттрактором (точкой начала направленной самоорганизации) принципиально новой *Евразийской цивилизации*. Её формирование в политическом, экономическом и даже ценностном смыслах неизбежно завершит эпоху глобального доминирования Западного мира. И уже вскоре он вынужден будет либо встраиваться в многополярное социокультурное пространство нового мира (причем вовсе не на

[87] Например, крайне легкомысленными и провокационными заявлениями относительно ядерной войны в 2022 году отличились представители европейского женского политического бомонда: британский премьер-министр Лиз Трасс и германский министр иностранных дел Анналена Бербок.

своих условиях), либо сойти с исторической арены в экзистенциальное небытие.

Главным экономическом конкурентом США сейчас становится Китай. В Америке это хорошо понимают и пытаются как-то затормозить развитие КНР. Но Китай без России не сможет заложить основы *Большой евразийской цивилизации* нового типа и бросить открытый вызов Западному миру. И дело здесь вовсе не в экономических достижениях Китая и военном потенциале России. Китай как правило был чрезмерно меркантилен и не слишком решителен в отношениях с иными влиятельными государствами и их альянсами. Эта стратегия в истории давала ему как определённые выгоды и преимущества, так и определённую слабость и даже поражения. Например, в период Опиумных войн XIX века, когда Китайская империя не смогла дать достойный отпор ловким европейским торговцам и колонизаторам. Такова сложная диалектика архетипов национального духа и противоречивое соотношение принципов Ян и Инь в традиционном китайском менталитете.

Поэтому открытый вызов Западному миру из всех современных государств и народов может бросить только Россия и российский супер-этнос. Реакция государства Российского на украинскую провокацию Запада после 2014 года, тем более после начала Специальной военной операции в 2022 году является недвусмысленным подтверждением приведённого выше суждения. В Америке и Европе, разумеется, теперь всё это довольно ясно осознают. Поэтому «*политика сдерживания*» России в начале XXI столетия приобретает всё более изощрённые и агрессивные формы. Вплоть до прямых поставок тяжелого вооружения безответственным политическим режимам, готовым пожертвовать своим народом и государством ради чужих геополитических амбиций и экономических интересов.

Однако есть некоторые моменты, которые сейчас на Западе не совсем понимают или недооценивают. Причина данного обстоятельства, на наш взгляд, состоит в существенной деградации американского экспертного сообщества в вопросах общей геополитики и россиеведения. Новые недоученные аналитики не хотят прислушиваться даже к таким мэтрам американской геополитики как Генри Киссинджер, который несмотря на свой преклонный возраст способен к более объективным оценкам и взвешенным суждениям.

Так, в частности, старые американские политики и дипломаты строго следовали принципу избирательного геополитического противостояния: США могли находиться в напряженных отношениях с Советским Союзом или с Китаем. Но ни в коем случае они не должны были допускать одновременного противостояния этим двум влиятельным державам. Теперь же новые вашингтонские лидеры нарушили все отработанные ранее геополитические схемы и дипломатические каноны и погружаются в нарастающий конфликт одновременно с Россией и КНР, объединённые экономический и военный потенциалы которых перекрывают реальные ресурсы не только США, но и всего коллективного Запада.

Полагаю, что опытные политики старой школы вроде Киссинджера не без тревоги осознают, чем в скором времени обернётся для Вашингтона такая недальновидная стратегия новых обитателей американского политического Олимпа. Не случайно патриарх геополитики в свой столетний юбилей весной 2023 года крайне негативно оценил международную стратегию США как при президенте Трампе, так и при президенте Байдене.

Так вот вернёмся к тем аспектам, которые сейчас на Западе недопонимают в отношении России и её роли на мировой арене. Гипотетически допустим, что страте-

гия сдерживания России, экономические санкции против неё и очередная попытка «цветной революции» наконец возымели успех. Российская Федерация не выдерживает внешнего давления и погружается в состояние глубокой политической турбулентности, масштабного экономического кризиса, межнациональных конфликтов и территориальной деструкции. На основе реальных исторических примеров и существующих социально-политических тенденций не так сложно построить линии развития последующих для кого-то неожиданных, а для кого-то весьма вероятных или даже неизбежных событий.

Во-первых, мировое сообщество столкнётся с невозможностью надёжного контроля российского (крупнейшего в мире) стратегического ядерного потенциала, который по состоянию на 2022 год насчитывал примерно около шести тысяч боеголовок[88]. Кто из европейских или иных лидеров сможет гарантировать, что в результате ослабления центральной политической власти в Российской Федерации или даже разделении её на самостоятельные государства некий безответственный политический лидер не продаст десяток боеголовок заинтересованным партнёрам с Ближнего Востока или из Латинской Америки? Вполне очевидно, что в таком случае риск распространения и применения ядерного оружия экстремистскими группировками или неустойчивыми политическими режимами гиперболически возрастает.

Во-вторых, при деструкции единого Российского государства никто не сможет исключить внутренние вооруженные конфликты, которые могут быть инспирированы и радикализированы внешними заинтересо-

[88] Оценка ядерного потенциала приводится по открытым данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI).

ванными силами. Такие конфликты как черная политическая дыра могут втянуть в себя многие страны Европы и Средней Азии. Для Европы, Турции, Ирана, Закавказья, Китая (Синьцзян-Уйгурский автономный район) и других евразийских государств – это очень плохой сценарий.

Сейчас по причине провокационной политики Вашингтона и Брюсселя он уже частично осуществляется на Украине и вскоре Старый Свет вполне явно ощутит его последствия. Хотелось бы верить, что они ограничатся только глубокими экономическим, политическим и миграционным кризисами и не приведут к распространению пожара полномасштабной войны по всей Европе. Не следует забывать, что в Старом Свете воевали часто и много. Более того, две мировые войны разгорелись именно в Европе, которая за три тысячи лет так и не научилась решать свои проблемы и противоречия без обильного кровопролития. А старых тлеющих проблем осталось ещё весьма немало.

В-третьих, крайнее ослабление России означает, что уже никто политическими, религиозными и силовыми средствами не будет сдерживать экстремистские и террористические группировки на Кавказе, в Центральной Азии, Афганистане, Сирии, Ираке и в некоторых других странах и регионах. Весьма скоро это приведёт к резкому усилению *радикального ислама*, последователи которого, мягко говоря, не слишком признают и уважают ценности западного либерального мира.

В таком случае старая немощная Европа останется одна на пути этого сокрушительного потока нарастающего религиозного радикализма. Нам трудно поверить, что европейские женоподобные мужчины в кружевном белье и размалеванные косметикой трансгендеры (ЛГБТ сообщество) смогут остановить решительных воинов ислама или дать им убедительный мировоззрен-

ческий и идеологический отпор. Поэтому весьма скоро они сметут безвольную, духовно дезориентированную и морально опустошенную политическую бюрократию Европейского Союза, как около двух тысяч лет назад брутальные варвары с севера снесли гниющую императорскую власть некогда блистательного и могущественного Рима.

В-четвертых, политическое и экономическое падение России автоматически усиливает дальнейшее стремительное нарастание мощи Китая, который начнёт беспрепятственно доминировать в Средней Азии, в Сибири, на Дальнем Востоке, а может и на европейской части российского географического пространства. Даже если этот процесс рассматривать только в усечённой экономической плоскости (реально проблема намного шире), то для Европы и США - это будет крайне тревожная перспектива. Ведь в таком случае Китай сможет получить огромные территориальные и природные ресурсы России на очень выгодных, практически демпинговых условиях.

На самом деле Запад в таком случае фактически столкнётся уже даже не с одним, но с двумя китайскими державами: Китайской Народной Республикой и новым Российским квази-Китаем (прокси-государством, тесно связанным с КНР), которые совместными усилиями раздавят европейский и американский бизнес не только в Евразии, но и во многих других регионах земного шара.

В-пятых, стратегия политических и экономических санкций Запада против России неизбежно приведёт (а это уже происходит) к потере рынков сбыта европейской и американской продукции на территории России и сопредельных государств. Если допустить массовое обнищание населения и высокую политическую нестабильность, то вести бизнес в таких условиях

становится невозможно. Кроме того, необходимо принять во внимание и ответные санкции со стороны Российской Федерации, которая для многих западных компаний является не только важным рынком сбыта готовой продукции, но и важнейшим источником энергоресурсов и стратегического сырья. Мы уже наблюдаем серьезные обратные экономические последствия легкомысленной санкционной политики Запада в странах Европы и Северной Америки.

В-шестых, гипотетическое крушение России приведёт к деконструкции важнейшего механизма геополитического равновесия во всём мире. Если представители западных элит полагают, что Америка и Европа явятся политическими бенефициарами этого процесса, то они глубоко ошибаются. В результате разрушения глобального геополитического равновесия Западный мир получит сокрушительное воздействие социально-экономической стихии, многие процессы которой он не контролирует и не сможет сдержать:

- миллионные потоки беженцев и мигрантов;
- неограниченный рост цен на газ и нефть;
- массовый голод и дефицит продовольствия;
- локальные вооружённые конфликты;
- политическую нестабильность в своих странах;
- нарастающую террористическую активность.

Говоря о террористической активности, не следует, в частности, недооценивать значение религиозного фундаментализма и экстремизма, о которых брюссельские и вашингтонские бюрократы в период пандемии и антироссийской кампании начали забывать. Например, в исламском мире до сих пор есть немало радикальных лидеров, которые горячо поддерживают идею «*джихада против неверных*». Хотя дело тут вовсе не в религиозных особенностях ислама, но в агрессивной политике Западного мира, который навязывает свои пустые по-

требительские принципы жизни, извращённые моральные нормы, разрушительную гегемонию и новый технологический колониализм по всему земному шару.

Оказывается, что новая Россия вполне способна договариваться и находить взаимопонимание с исламским политическим и религиозным сообществом. Ведь Российская Федерация представляет собой один из влиятельных мировых центров не только христианской, но и исламской духовной культуры. А вот Европа и Америка не понимают и не принимают интересы исламского мира. Причины такого положения вещей состоят в мировоззренческих доминантах и аксиологических принципах западной цивилизации.

Далеко не секрет, что многие в исламских странах откровенно презирают бездуховные «*европейские ценности*» и финансово мотивированную «*американскую демократию*». В таком случае не следует удивляться, что американцам однажды могут припомнить развязанные войны на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Юго-Восточной Азии. Да и псевдолиберальное осквернение исламских святынь в Европе многие мусульмане тоже ещё не забыли. Не придется ли однажды датчанам, норвежцам и французам опять драматично ответить за постыдные если не хамские карикатуры на Пророка Мухаммеда (2005, 2006, 2007, 2011, 2012, 2020 годы), а шведам за варварское публичное сожжение Корана (2023 год)?

Иными словами, у мирового исламского сообщества есть свой неоплаченный долговой счёт к бездуховной Западной цивилизации, которая беспечно провоцирует радикально настроенные религиозные силы на сокрушительный ответ. Не стоит даже сомневаться, что в случае крайнего обострения тлеющего конфликта интересов на фоне массовой миграции из исламских стран европейским гей-либералам однажды придётся отстаи-

вать не просто право на свои бездуховные ценности, но право на саму физическую жизнь.

Если европейцы и американцы желают ускорить и усилить подобные негативные события – им надо и дальше топить Россию, чтобы не осталось последнего защитного барьера и механизма политического сдерживания различных радикальных сил в Евразийском пространстве. Если же они хотят сократить подобные угрозы – необходимо всеми мерами поддерживать политическую стабильность и экономический потенциал России, которая на европейском направлении пока является единственным реальным заслоном перед нарастающим терроризмом и экстремизмом из азиатских стран.

В-седьмых, крушение современной России будет означать подрыв идейных и социокультурных оснований формирующейся *Евразийской цивилизации* нового типа. В результате стагнирующая и загнивающая *Атлантическая цивилизация* утащит за собой в историческое небытие всё земное человечество. Это не только наша частная точка зрения. И появилась она вовсе не сейчас. Ещё в начале XX века некоторые проницательные мыслители осознали, что Запад безнадёжно утерял истинные ориентиры духовного прогресса и культурного развития человека и вступает в историческую фазу тотального упадка[89].

Примечательно, что теперь с подобными негативными оценками положения и роли Западной цивилизации в современном мире соглашается даже Папа Римский Франциск. Запад пошёл по *ложному пути*, - откровенно отметил он в 2022 году в своём интервью влиятельной итальянской газете. Это касается, в част-

[89] Например, об этом писали Николай Рерих и Освальд Шпенглер.

ности, вопросов социальной справедливости. Западный мир – это «*самое большое кладбище человечества*»[90].

Стоит добавить, что главным философским концептом современного Западного мира становится уже не *справедливость*, не *свобода*, не *совершенствование духа*, но безграничная постмодернистская *деконструкция*. На уровне абстрактного теоретического дискурса для некоторых интеллектуалов это звучит вполне привлекательно и даже оригинально. Но на практике, то есть в реальной жизни, этот мировоззренческий акцент означает лишь тотальное разрушение духовных идеалов, твёрдой морали, традиционной семьи, религиозных оснований культуры, аксиологического фундамента человеческой личности.

Как метко подмечают некоторые современные российские критики западной контркультуры, постмодерн – это вовсе ещё не само зло. Это только социокультурный способ предуготовить или расчистить ему дорогу. «*Зло придёт после того, как Постмодерн сломит волю к борьбе, уничтожит различения*» (С.Е. Кургинян[91]).

Действительно, на наших глазах идеология постмодерна подрывает ценностные, социальные и этические устои постклассического общества. В этом в конечном счёте и состоит вся философская сущность деконструкции. Она разрушает даже такие базовые этические категории, как «Добро» и «Зло», даже такие естественные гендерные роли как «мужчина» и «женщина». Это выглядит как тотальное торжество безграничного релятивизма (крайней субъективной относительности), против которой в античном мире философски восстал

---

[90] *Папа Франциск*. Интервью в Ватикане // «Corriera della Sera». 16.09.22.

[91] *Кургинян С.Е*. Суть времени: В 4-х томах. – М., 2012. – Т.4. С.275.

ещё Сократ. *Постмодерн* и подкючающийся к нему *киперпанк* стирают смысловые границы между свободой и ответственностью, целью и средством, духовным сознанием и физиологической плотью, человеком и машиной. В результате потоки мутного экзистенциального Зла по идейным руслам этих мировоззренческих каналов наполняют массовое сознание одурманенной цивилизации.

Более того, мы определённо видим, как совокупность высоких нравственных и культурных ценностей как надёжная система экзистенциальных координат даёт навигационный сбой и мировоззренчески вырождается. Смысл жизни человека растворяется в безумном потребительстве и неограниченном чувственном гедонизме. Жизнь разумной личности погружается в *информационный хаос* высокотехнологической, но совершенно пустой по сути и смыслу постиндустриальной цивилизации. В результате нарастающие волны хаоса с берегов Америки и Европы дестабилизируют и сотрясают мировое сообщество до самого основания.

Мы должны признать, что Западная цивилизация утеряла право на моральное лидерство в развитии человечества. Новые западные ценности оказались аморальны, бездуховны и разрушительны для личности и общества. Поэтому социально-политическое крушение России и низвержение её многогранной духовной культуры (как религиозной, так и светской) - это есть трагическое исключение самой возможности альтернативного пути развития человечества.

В таком случае мифический «*конец истории*» американского философа Фукуямы становится настоящим эсхатологическим «*концом времён*» для Атлантической (Западной) цивилизации, которая вполне успешно прокладывает себе путь в зияющую историче-

скую пропасть и открывает всему человечеству инфернальный портал во мрак метаисторического небытия.

Таким образом, осуществляемая западными элитами стратегия взаимодействия с Россией вообще и так называемый «*Украинский проект*», в частности, в достаточно близкой исторической перспективе значительно осложнят политическое, экономическое и социокультурное положение США, Европы и их союзников. Более того, уже сейчас многие серьёзные европейские и американские эксперты прогнозируют крайне тяжелые последствия геополитики коллективного Запада на евразийском направлении.

Однако нарастающую в настоящее время экономическую рецессию в Европе, углубляющиеся финансовые проблемы и политический раскол в Америке в данном случае надо рассматривать не как конечный итог геополитической ошибки западных элит, но лишь как начало глобальной трансформации Западного мира, в результате которой он неизбежно потеряет свой высокий экономический потенциал, безусловную политическую гегемонию и моральный авторитет.

7

НАЦИОНАЛИЗМ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Основной вектор развития будущей геополитической истории человечества направлен в сторону формирования общего экономического, культурного и социального пространства. В конечном счёте, человечество должно преодолеть национальную и политическую разобщенность и от локальных цивилизаций и отдельных государств прийти к единой планетарной цивилизации, интегральному обществу и объединённой политической системе. Сейчас в силу ряда причин, к сожалению, это ещё невозможно. Однако это совершенно необходимо для выживания человечества, которое по причине своего разобщения рискует не найти действенные решения нарастающих глобальных проблем и дать решительные ответы на исторические вызовы. Поэтому уже давно необходимо философски осмыслить идейные принципы построения единого одухотворенного общества на планете Земля, а со временем и на иных планетах Солнечной системы после их колонизации.

Полагаю, что в этическом смысле главным из них является *принцип Общего Блага*. Так называемая глобализация (интеграция) не должна происходить в пользу одних стран и приводить к стагнации другие страны и народы. Она не может направляться транснациональными корпорациями, преследующими свои меркантильные выгоды и игнорирующими общечеловеческие интересы. В нормальном случае процесс глобализации должен осуществляться не как новая стратегия большого международного бизнеса влиятельных финансово-промышленных групп и идеологов «золотого миллиарда», но как средство решения проблем всего человече-

ства, дающее высокий экономический эффект для всех участников интеграционного проекта.

К сожалению, в начале XXI столетия процессы глобализации пошли не в должном направлении и далеко не в интересах всего человечества. В таком случае обратная, диаметрально противоположная реакция различных государств и народов явилась совершенно закономерным следствием допущенных ошибок. Мы получили нарастающее политическое противостояние, фрагментацию мировой экономики на региональные блоки, государственный экономический протекционизм, всевозможные санкции, барьеры, заградительные пошлины и торговые войны, возвращение идеологии изоляционизма и национального противостояния.

Политический изоляционизм возрождает средневековые «феодальные княжества», цементирует дефицит политического пространства, стимулирует ксенофобию и межгосударственные войны. *Экономический протекционизм* рвёт ткань формирующегося общего рынка, нарушает логистические связи, препятствует международному разделению труда и глобальному технологическому сотрудничеству. *Национализм* пресекает широкие культурные и социальные контакты между этносами, неправомерно возвышает одни из них и унижает другие, повышает градус ксенофобии, экстремизма и межнациональной вражды.

Таким образом, на современном этапе истории можно отметить два основных препятствия на пути формирования единого планетарного сообщества стран и народов. Первое из них – это *ошибочная стратегия глобализации*, в результате которой сама идея тесного сближения различных национальных сообществ и интеграции государств была скомпрометирована и девальвирована западными бизнес-элитами и непубличными лидерами так называемого американского «глубинного

государства». Второе препятствие – это деструктивная *идеология национализма*, имеющая немало различных аспектов и разновидностей от религиозного и субкультурного национализма до политического и экономического национализма.

Здесь необходимо уточнить, что в отличие от русских философов И.А. Ильина и Н.С. Трубецкого[92] мы вкладываем в понятие «*национализм*» сильный или слабый (в зависимости от контекста) негативный смысл и четко отделяем его от смысловой сути явления, которое можно обозначить как «*национальный патриотизм*» или просто «*патриотизм*». Патриотизм и национализм – это совершенно разные социокультурные явления. Их терминологическое (номинативное) сближение вносит немалую путаницу даже в острые умы философов, тем более в массовое сознание. Подробнее различные сложные типологии и противоречивые трактовки национализма можно посмотреть, например, в работах современных российских исследователей М.Х. Фарукшина[93], К.В. Аршина[94], В.С. Бузина[95].

В конце XX – начале XXI столетий волна возрождённого национализма неожиданно захлестнула многие страны. Она явилась следствием серьёзных просчётов, которые были допущены элитами, проводившими масштабные социально-политические проекты глобализации и интеграции народов. Это касается не только, например, Европейского Союза, но и постсоветского

---

[92] *Трубецкой Н.С.* Общеевразийский национализм // Евразийская хроника. – Париж, 1927. Выпуск. 9.

[93] *Фарукшин М.Х.* Лики национализма // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2012. Том 154. Кн. 1. С.261.

[94] *Аршин К.В.* Национализм // Философская антропология. 2018. Т.4. №1. С.154-174.

[95] *Бузин В.С.* О нации и национализме // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Выпуск 1. С. 311–324.

политического пространства. После крушения СССР во многих бывших советских республиках к власти пришли политические силы, которые на местах так или иначе разыграли карту идеологии этнического, политического или религиозного национализма в её умеренной или крайне радикальной формах.

Политическая дезинтеграция Советского Союза в значительной мере происходила под флагами национализма бывших советских республик и освобождения их от «имперского протектората» московских коммунистических вождей. Однако на самом деле политическое и экономическое разделение единой страны принесло немалые выгоды только узким группам национальных элит, которые за счёт обретения независимости от Москвы на некоторое время получили бесконтрольный доступ к политическим, финансовым, природным и промышленным ресурсам на местах.

Вместе с тем, результаты развала общего государства оказались совершенно не выгодны народным массам этих новых самостоятельных стран, которые вскоре были вынуждены искать работу в России или дальнем зарубежье. В конечном счёте, находившиеся у власти кланы и семьи неплохо обогатились. Все остальные, за малым исключением, обеднели или оказались в крайне затруднительном положении.

Подобная ситуация сложилась почти во всех бывших советских республиках, граждане которых в большинстве своём стали жить намного хуже, чем в едином Советском Союзе. Популистский лозунг о том, что они в советские времена «*кормили Россию*», которая «*жила за их счёт*», оказался надутым мыльным пузырём. Вскоре всем стало понятно, что российские энергетически ресурсы, металлы, удобрения, технические средства имеют свою немалую рыночную цену, а

условные мандарины и помидоры на российский рынок конкуренты везут со всего земного шара.

Продавать собственную аграрную продукцию в зарубежные страны бывшим советским республикам оказалось очень непросто. Экономическое разочарование народов Закавказья, Средней Азии и Прибалтики новой социально-политической реальностью, к которой они пришли под знамёнами возрождённого национализма, было весьма болезненным и даже обидным.

Так что же представляет собой национализм по своей экзистенциальной и психологической сути? Это идеология национального возрождения или идеология национальной деградации? В подавляющем большинстве случаев ни о каком прогрессивном возрождении говорить не приходится. Буйный рост национализма, как правило, свидетельствует совершенно о другом: о культурно-исторической отсталости или неизжитых социально-психологических аффектах конкретной нации. Причём ярко выраженный агрессивный или экспансивный национализм есть явный признак культурной ущербности личности и низкого уровня развития духовного сознания нации.

Развитая, исторически успешная нация, которая имеет существенные достижения в различных сферах культуры и практической жизни, не боится иллюзорной потери своей национальной идентичности от тесного совместного сосуществования с другими народами. История свидетельствует, что, как правило, такие неизжитые страхи одолевают именно те этнические образования, которым либо нечего предъявить на суд мировой истории, либо они отвергают значительную часть своего и близкого по духу культурного наследия под влиянием той или иной деструктивной идеологии.

Собственную недееспособность в научном, экономическом или технологическом смыслах, а также

культурную инфантильность они пытаются восполнить провозглашением формального преимущества по национальной крови и антигуманным унижением других народов лишь на том основании, что они верят в другого бога, имеют другой уклад жизни или другой этнокультурный тип. В своё время ещё Николай Бердяев вполне справедливо подчёркивал отмеченное обстоятельство: националисты проповедуют либо замкнутость, изоляцию, закрытость от других народов и их культур, либо экспансию за счёт других народов, их завоевание и подчинение[96].

Государство национального типа даже в Средние века не отличалось крепкой политической устойчивостью. А в современном мире - тем более. Сейчас мононациональные государственные образования (которых в чистом виде почти не осталось) существуют лишь до тех пор, пока им это позволяют другие, то есть сильные мира сего. Такие сильные государства построены совершенно иначе – по квази-имперскому типу с большей или меньшей степенью федерализации различных территорий и этнических групп. Например, США, Китай или Россия.

В таких государствах вовсе не предполагается доминирование одного этноса над другими. Хотя бы потому, что выделение титульного этноса из всего национального многообразия народов большой страны породит межнациональные конфликты и, в конечном счёте, разрушит общее политическое пространство. Это объективное обстоятельство белая американская элита смогла осознать ещё в прошлом веке. Потому во второй половине XX столетия был положен конец расовой сегрегации чернокожего населения США.

Американский истеблишмент признал права чернокожих вовсе не из соображений высокого морального

[96] *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. – М., 1994. С.347-348.

гуманизма или братской любви к бывших рабам, но в силу вполне здравой политической прагматики. Это трудное решение способствовало сохранению гражданского мира и политической стабильности государства. Теперь данная несложная истина доступна даже студенту-политологу и всякому адекватному начинающему политику. Однако она остаётся когнитивно запредельной для недальновидных политических лидеров националистически ориентированных государств.

Любая социальная система, в которой не выдерживается принцип равенства наций или религий, неизбежно обречена на высокую политическую нестабильность. Так, например, ничего вреднее и глупее запрета русского языка на Украине после государственного переворота 2014 года придумать было невозможно[97]. По своей политической ограниченности новые украинские националисты неосторожно взломали чёрный ящик Пандоры, из которого наружу вырвались силы, неподвластные ни доминирующим политическим партиям, ни службе безопасности, ни национальным карательным батальонам.

Поэтому неожиданная и стремительная потеря части территорий (Крым и Донбасс) с немалым населением явилась лишь закономерным следствием этого крайне неосторожного и непродуманного поступка. В конечном счёте именно оголтелый *украинский ультранационализм* привёл некогда цветущую республику с огромными ресурсами и возможностями к глубокому

[97] *Кузьминская С.И.* Языковой экстремизм как форма радикального национализма // Проблемы патриотического воспитания сотрудников правоохранительных органов и противодействия идеологии неонацизма и экстремизма: Всероссийская научно-практическая конференция (23 марта 2023 г.): Сборник научных трудов / [сост. В. В. Плотников]. – М., 2023.

социально-экономическому кризису и грандиозному политическому краху.

В этом контексте мы не перестаём удивляться безмерной мировоззренческой наивности некоторых политических персонажей, которые в силу недостаточного образования и ограниченного жизненного опыта, но при великих амбициях полагают, что можно легко попирать объективные закономерности социальных процессов. Оказывается, что любая локальная цивилизация или социокультурная система сохраняет состояние стабильности лишь при условии *динамического баланса* интересов различных общественных групп (наций, последователей религий, политических элит, бизнес-групп, классов и так далее).

Проще говоря, нормальное, жизнеспособное, развивающееся Общество предполагает определённый *общественный консенсус* по основным вопросам личной, политической, культурной, религиозной и экономической жизни. Нарушение такого неформального или нормативно закреплённого в законах консенсуса возможно лишь до известного предела, за которым спонтанно включаются стихийные процессы нарастающей нестабильности, турбулентности, конфликтности и в конечном счёте политического распада системы. Наверное, нет необходимости вспоминать и пересказывать образованному читателю известные исторические примеры распада весьма неслабых империй (Римской, Византийской, Османской, Китайской, Российской и др.) в результате подрыва сложного баланса различных общественных интересов и иных фатальных ошибок.

В переводе с позитивистского социологического дискурса на язык этики и философской аксиологии такой общественный консенсус или баланс интересов можно соотнести с определённым (большим или меньшим) осуществлением *принципа Общего Блага*. Поэто-

му некоторым современным политическим лидерам, склонным к заигрыванию с националистической идеологией хочется ещё раз ненавязчиво напомнить: устраните прочное основание Общего Блага – и всю вашу локальную или глобальную политическую архитектуру в скором времени неизбежно смоет исторической волной как песчаный замок.

В современных условиях никакая отдельная нация или небольшое государство не способны добиться процветания без тесного взаимодействия или прямой интеграции с другими странами. Более того, такая страна не может рассчитывать и на реальный государственный суверенитет. Она его имеет в том относительном объеме, в каком ей это разрешают крупные геополитические игроки или влиятельные альянсы. В этом смысле ни Украина, ни Латвия, ни Литва, ни Эстония, ни Молдавия, ни Болгария, да и многие другие европейские и азиатские государства в настоящее время никакой реальной политической независимостью не обладают.

Настоящий политический суверенитет теперь становится явлением редким, весьма ценным и крайне дорогим во всех смыслах этого слова. Не каждое государство способно его сейчас отстоять. Многие некогда самостоятельные страны променяли его на «стеклянные бусы» заокеанской демократии или торговое покровительство американского политического и финансового бомонда. Стоило ли, например, вполне «самостийным» украинским лидерам в постсоветский период рвать прочные культурные и экономические связи с Москвой для того, чтобы в конечном счёте получить позорный политический ошейник из Вашингтона и покорно ожидать экономические подачки от западных финансовых структур?

Стоило ли наиболее влиятельной в политическом смысле и самой экономически мощной европейской

державе (ФРГ) отказываться от крайне успешного бизнеса, доверительного партнёрства, разумной безопасности и добрососедских отношений с Россией ради сомнительной «*Евро-Атлантической солидарности*», которая превратила некогда великую Германию в политического карлика и экономического неудачника загнивающей Европы?

Если для ряда наблюдателей украинский пример потери суверенитета не является показательным, то свежий немецкий кейс, возможно, заставит серьёзно задуматься как экспертов, так и лидеров менее влиятельных чем Германия, но более замкнутых и националистически ориентированных государств, принимающих недальновидные геополитические и неадекватные идеологические решения.

В отличие от ангажированных европейских политических деятелей, многие российские философы и политологи отмеченную проблему рефлексируют вполне ясно и объективно. Большинство современных государств на самом деле «*не способны в одиночку обеспечить ни своей безопасности, ни своего процветания перед лицом возможного конфликта*» (А.Л. Золкин[98]). В действительности они являются так называемыми лимитрофами – незначительными, буферными странами, политически и экономически зависимыми от влиятельной внешней инстанции. В таком случае всё это означает, что такие страны «*не могут быть центрами по-настоящему самостоятельной и суверенной воли в глобальных вопросах миропорядка*»[99].

Таким образом, рассматривая проблему национализма в контексте грядущей глобализации и интеграции человечества, необходимо сформулировать и под-

[98] *Золкин А.Л.* Цивилизационный суверенитет, культурная идентичность и этическая позиция. – М., 2021. С. 74.
[99] Там же. С.74.

черкнуть несколько важных соображений общего характера.

Первое соображение: нарастающее объединение (интеграция) человечества неизбежно предполагает перенос центра тяжести политической субъектности (суверенитета) от локальных малых и средних государств к континентальным традиционным *супер-государствам* квази-имперского типа или *политическим агломерациям, содружествам* и *протекторатам* как государственным образованиям относительно нового типа.

Второе соображение: в условиях нарастания политического веса супер-государств и углубляющейся экономической глобализации малые и средние государства всё больше будут испытывать проблемы с дефицитом государственного суверенитета, а как следствие и трудности с возможностями проводить независимую экономическую политику. Приведённая в качестве показательного примера Германия как раз иллюстрирует отмеченное обстоятельство. Однако в подобной ситуации находится, разумеется, не только ФРГ, но и почти все другие государства современной Европы как по отдельности, так и в составе всего Европейского Союза.

Третье соображение: государства националистического типа, склонные к культурному, религиозному и политическому изоляционизму, в исторической перспективе окажутся неспособными обеспечивать свою политическую субъектность и стратегическую независимость. Они будут радикально диссонировать процессам глобальной интеграции культур, экономических систем и политических институтов.

В конечном счёте такие страны окажутся слабыми, неуспешными и исторически недолговечными. Показательные примеры – это лимитрофные националистические государства на постсоветском пространстве (Украина, Литва, Латвия, Эстония), деградация кото-

рых по самым разным аспектам общественной жизни углубляется на наших глазах.

Вероятно, раньше всех скрытую логику глобальной метаистории тонко почувствовали в начале XX века российские евразийцы первого поколения. Тут надо отметить, прежде всего, философа-правоведа и идеолога евразийского движения Н.Н. Алексеева. Он совершенно справедливо писал, что историческая эпоха суверенных национальных государств завершается.

Такие страны рано или поздно будут вынуждены примкнуть к более крупным политическим объединениям, которые могут представлять собой нечто вроде *федеративных империй*. Они будут географически распространяться на целые части света или континенты, что позволит им обрести высокую экономическую и демографическую самодостаточность (автаркию). Сто лет назад, по мнению Алексеева, на статус «*федеративной империи*» или «*государства – части света*» могли претендовать всего три политических объединения - Китай, США, Россия-Евразия. В будущем он допускал появление четвертого политического объединения подобного типа – Пан-Европы[100].

Что же мы имеем теперь через столетие? Китай и США в полной мере соответствуют этому историческому прогнозу, несмотря на то, что первый находится на восходящей дуге, а вторые на нисходящей дуге своего политического и социально-экономического развития. После распада Советского Союза Россия почти тридцать лет двигалась в ошибочном направлении – в сторону Западного цивилизационного пространства, ценности и идеалы которого находятся в глубоком диссонансе с её духовными императивами и метаисторическими задачами. Движение в этом направлении во мно-

[100] *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. – М., 1998. С. 413-414.

гих аспектах (демографическом, культурном, идеологическом, экономическом, технологическом) ослабило Россию и поставило в опасную зависимость от Атлантического (Западного) центра силы.

Теперь, наконец, начинается долгожданное мировоззренческое переосмысление и идеологическая коррекция ошибочного курса. Если Россия и имеет великое будущее – то только как независимая *Евразийская Россия*, объединяющая, развивающая, покровительствующая и защищающая многочисленные народы и самобытные культуры бескрайнего евразийского пространства. В этом смысле русские мыслители-провидцы XX века от Николая Рериха до Николая Алексеева и Льва Гумилева было совершенно правы, когда подчеркивали грядущее культурное и геополитическое значение «*Российской Азии*» или «*России-Евразии*» в исторической судьбе не только Русского мира, но и всего человечества.

Четвертое политическое объединение в формате «федеративной империи», как и предполагал Алексеев, на рубеже XX и XXI столетий действительно сформировалось. *Европейских Союз* вполне правомерно рассматривать как федеративную Пан-Европу. Сохранится ли он в существующем виде и каково будет его влияние на мировую геополитику и экономику – это отдельный вопрос. Сейчас мы наблюдаем его политическую и экономическую деградацию под влиянием украинского кризиса, лукавой геополитической стратегии Вашингтона и крайне высокой зависимости европейских лидеров от их американских сюзеренов. Однако этот частный момент вовсе не отменяет общую тенденцию к нарастанию политической интеграции и экономической глобализации в новом тысячелетии. Проблема состоит в том, насколько успешно и стремительно будут осу-

ществляться такие общественные процессы и какие силы будут им препятствовать.

Таким образом, в контексте давно назревшего формирования *единого человеческого общества* политическая изоляция, идеология национализма и мононациональные государства представляют собой пути в тёмные исторические тупики. Мировоззрение национализма - это тяжёлая историческая регрессия, почти всегда сопровождающаяся погружением в пучину страданий несчастного народа, лишенного возможности широкого социального взаимодействия, подлинного духовного развития и межкультурного диалога с иными странами и народами. В идеологическом и культурном смыслах национализм есть движение человеческого духа в далёкое архаичное прошлое, когда мировосприятие находилось в тисках родоплеменных и узко этнических категорий и принципов жизни.

Причём ни в теоретическом, ни в практическом смыслах не следует путать *национальность* как естественное и вполне нормальное социокультурное явление, и *национализм* как его радикально окрашенное идеологическое извращение. Трудно не согласиться по этому поводу с замечанием Николая Бердяева: «*национальность есть культурно-исторический факт*», в то время как *национализм* есть иррациональное «*превращение натурального факта в идола*»[101].

Вместе с тем, необходимо отметить, что идеология радикального национализма, неправомерно возвышающая одну нацию над другими, это не просто некоторый безобидный этнокультурный идол или абстрактный социально-политический миф. Это есть тяжёлая *мировоззренческая девиация* или крайне опасный *психоментальный вирус* недостаточно развитого в социо-

[101] *Бердяев Н.А.* Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Философия свободного духа. – М., 1994. С.347.

культурном смысле массового и культурно ограниченного личного сознания. За короткий промежуток исторического времени такой «вирус» может поразить основных субъектов общественной жизни, которые становятся его устойчивыми носителями во всех системах социального организма: интеллектуалов, элиту, интеллигенцию и народные массы (А.В. Сушко[102]).

Там, где вирус национализма получал неограниченное иными идейными концепциями распространение – всегда появлялась обильная кровь, моральная деградация и культурный упадок. Исторических примеров подобного развития событий вполне достаточно: идеология германского нацизма и гитлеровская псевдоарийская националистическая мифология, ультранационализм украинских бандеровцев и их новых последователей, итальянский национализм фашистского типа, националистически окрашенный экстримизм и радикальный фундаментализм в русле различных религиозных традиций и так далее.

В этой связи необходимо отметить, что современный *украинский неонацизм* вырос не только на почве возродившегося *немецкого нацизма* середины XX века, но и на основе радикального *украинского национализма* начала XX века. Этот оголтелый украинский национализм фактически явился основанием *идеологии протонацизма*, то есть стал первым идеологическим клоном, исторически предшествовавшим второму клону агрессивной человеконенавистнической идеологии - немецкому нацизму последователей Адольфа Гитлера, который появился в социальном пространстве примерно на тридцать или сорок лет позже.

Поэтому нам трудно не согласиться с известным французским журналистом Куртуа Лораном в том, что

---

[102] *Сушко А.В.* «Вирус» национализма // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2016. №2. С.47-50.

украино-галицкие националисты явились в определённом смысле предтечами идеологов нацистских расовых теорий[103]. Ещё на рубеже XIX-XX веков один из лидеров украинских националистов Николай Михновский в своих так называемых десяти заповедях УНП (Украинской народной партии) провозгласил опасный принцип «*Украина – для украинцев*». Другие же народы, проживающие на украинских землях (москали, ляхи, венгры, румыны и евреи), как он полагал, это вовсе не братья, но «*враги нашего народа*».

В таком случае, когда современные президенты-марионетки Порошенко и Зеленский проводили политику этнокультурного геноцида как минимум половины населения своей несчастной страны (искореняли русский язык, выжигали русскую культуру и убивали русских), они не изобретали ничего принципиально нового. Это было целенаправленное осуществление старой идеологии крайнего *украинского нацизма*, которая подогревалась, радикализировалась и ловко использовалась в подрывных целях против России американскими и европейскими политическими сюзеренами кукольных гетманов новой «демократической» и «незалежной» Украины.

Таким образом, следует ещё раз подчеркнуть, что возрождение радикального национализма и неонацизма в современной Европе (Украина, Латвия, Литва, Эстония, Германия и др.) имеет не только культурно-исторические, но и политические причины. Европейские элиты не просто закрывают глаза, но сознательно потакают росту националистических и неонацистских настроений в некоторых лимитрофных государствах на линии цивилизационного разлома между Европой и Российской Евразией. Они опять, как и в прошлые сто-

[103] Запад наконец-то разглядел на Украине обыкновенный нацизм // Интернет-проект ИноСМИ.RU (15.02.22.)

летия, намерены вырастить злобную силу, политически поддержать кого-угодно, даже кровожадных вурдалаков, лишь бы они выступали против интересов России, нападали на Русский мир и создавали ему непреодолимые проблемы. Неужели мы первый раз сталкиваемся с подобной геополитической стратегией Запада?

Так возможно ли излечение общества от вируса национализма? Вероятно, вполне возможно. Но этот процесс в историческом потоке может длиться целую эпоху. В общем отвлеченном смысле национализм излечивается культурным развитием нации, широким образованием и духовным просвещением личности. Применительно к населению конкретного националистически ориентированного государства на избавление от подобных иллюзий и заблуждений, как правило, благотворно влияют экономическая несостоятельность, культурный упадок, политическая немощь и историческое забвение.

Элиты и народные массы духовно отсталых стран, склонных к чрезмерному преувеличению своей национальной значимости и культивированию национального самомнения, по всей видимости, должны пройти определённый путь исторического искупления. Хочется верить, что он со временем позволит осознать ложные ценности и идеологические ошибки выбранного ранее направления движения. В конечном счёте, национализм излечивается не разрушительной войной и насилием, но духовным расширением сознания и культурным просвещением общества.

8

КУЛЬТУРНЫЙ КОД И СУЩНОСТЬ РУССКОГО ДУХА

Мы не раз отмечали в этой книге и других работах, что основу новой *Евразийской цивилизации* могут и должны составить духовные доминанты многоликой российской культуры и близких ей этнических групп. В подобных утверждениях нет никакого великорусского национального шовинизма и намерения неоправданно нивелировать значение иных исторических культур древних народов Евразии (индийцев, китайцев, персов, монголов, тибетцев, евреев, арабов, тюркской группы народов и т.д.).

Единое *Большое евразийское пространство* как в экономическом, так и в социально-политическом смыслах может сформироваться только на основе открытого диалога великих культур и взаимного доверия всех основных этнических сообществ и религиозных общин Евразии. В этом смысле новое интегральное Евразийское культурное пространство должно явиться результатом не тривиального колониального подавления иных стран и культур какой-либо очередной Метрополией, но явлением открытой *духовной синергии* всех лучших устремлений и достижений человеческого духа вне зависимости от его национальной принадлежности.

Уникальное значение российской духовной культуры состоит в том, что она как никакая иная культура открывает возможности широкого сотрудничества различных народов, не скована цепями инерциального исторического традиционализма, направлена к духовному поиску высшей справедливости и всеобщего блага, отражает сокровенные мистические, метафизические и метаисторические поиски разумного духа, пробуждает

богочеловеческие интенции и космические устремления земной цивилизации.

Одним словом, многогранная и диалектичная российская культура способна сформировать свободную мировоззренческую площадку открытого философского, религиозного, научного, социального и даже политического диалога совершенно разных по своим внутренним устоям стран и народов. Это видно на многих исторических примерах и в явлениях современной международной жизни. Подобные диалоги устанавливают сначала узкие линии осторожного взаимодействия, а затем и широкие сферы глубокой интеграции таких непохожих по политическим, религиозным и этническим признакам государств. Такая интеграция уже состоялась в прошлом в географическом пространстве Государства Российского, в недрах которого, как совершенно точно подметил историк Лев Гумилёв, зародился и оформился новый *российский супер-этнос* как высшее звено иерархии наций или синтез нескольких традиционных этнических сообществ.

Специфические черты российского супер-этноса явились результатом длительного и непростого культурно-исторического развития многочисленных народов европейской и азиатской частей Российской Евразии. В этом контексте не только современный *российский,* но и исторически более ранний *русский дух* есть результат напряжённого этнического и культурного синтеза славянских и неславянских племён Древнего и Средневекового мира. «*Русская кровь»* есть сложная генетическая субстанция, в которой органично смешались биологические гены и культурные архетипы ловких лесных охотников, усердных землепашцев и воинственных степных кочевников.

Основу русского этноса составили потомки древних переселенцев из Центральной Азии – *евразийских*

ариев, давших генетическую и культурную основу многочисленным славянским и северным скандинавским народам. В ранний период, по всей видимости, существенную роль среди них сыграли *роксаланы* – кочевые сармато-аланские племена, широко распространившиеся к северу от Черного моря. Последователи нового евразийского философского гнозиса полагали, что роксаланы (россы-аланы) самым непосредственным образом повлияли на формирование и последующее развитие ранних русских (древних протославянских) племен.

Примечательно, что подобную точку зрения в той или иной мере разделяли выдающиеся русские учёные Михаил Ломоносов и Георгий Вернадский. Позже свежую кровь древним и средневековым сарматским русичам добавили новые многочисленные *азиатские номады*, которых в советской научной традиции было принято условно и обобщённо называть монголами или монголо-татарами.

Вот откуда исторически берёт начало непокорный русский воинский дух. Роксаланы и монгольские номады были вовсе не торговцами, но лихими наездниками и отважными воинами. Их воинственное мироощущение постепенно унаследовали генетические потомки – *русские племена* (сармато-славяно-монгольские этнические группы), которые в суровом бою, как правило, были намного успешнее, чем на торговом базаре.

Поэтому, когда хищные политические ястребы из НАТО опять начинают пугать Россию новой войной – мы сдержанно улыбаемся этой безрассудной наивности наших забывчивых братьев с берегов Рейна и Миссисипи. Российские народы воевали более тысячи лет. И почти всегда воевали вполне успешно. История свидетельствует, что русский дух не раз достойно противостоял врагу вопреки тяжёлым экономическим условиям, неблагоприятным политическим обстоятельствам и

численному перевесу захватчиков. В решительные моменты некая незримая метаисторическая сила возжигала огни подвига в сердцах российских воинов, которые невероятным образом побеждали вовсе не слабых противников с Востока и Запада.

В течение долгих столетий немало было желающих поживиться богатствами России и оторвать жирный кусок от её большой земли: свирепые азиатские кочевники, высокомерная польская шляхта, амбициозный шведский король, непобедимый французский император, жестокие турецкие янычары, озверевшие германские нацисты, фанатичные японские самураи и многие другие.

Историческая правда состоит в том, что российские народы умели отважно сражаться, были готовы достойно умирать и героически побеждать. Массовый героизм русского духа – это не просто плакатная фраза советской пропаганды, но вполне реальная *духовная сила*, которую почти никто из иноземных захватчиков не принимал во внимание. Именно эту таинственную силу весьма ярко почувствовали во время своих роковых завоевательных походов талантливый французский полководец и одержимый германский фюрер, прославленную военную мощь которых вместе со всеми победными штандартами и безграничными амбициями потомки сарматов-роксаланов раздавили и закопали в русской земле.

Русский дух всегда был генетически сложен, культурно многолик и диалектически противоречив. Русские были не только отважными воинами, но и бесстрашными первопроходцами и исследователями, талантливыми мастерами и тонкими ценителями искусства, великими духовидцами и духовными подвижниками, выдающимися мыслителями, гениальными учёными и изобретателями. Однако в отличие от европей-

цев русские оказались не очень способными торговцами, не слишком успешными предпринимателями и далеко не всегда эффективными управленцами. По крайней мере, это касается исторической ретроспективы от объединения русских земель до конца XX века. За редкими исключениями политическое управление и экономическое хозяйствование на Руси было административно инерционным, излишни бюрократическим и недостаточно гибким.

В обоснование вышесказанного будет достаточно привести только один весомый аргумент: в крайне обширной по территории и богатой по природным ресурсам стране значительная часть населения почти всегда жила в бедности или даже нищете. Можно ли назвать такое положение народа результатом эффективного управления страной? Эта драматическая ситуация повторялась из столетия в столетие в феодальной, царской, императорской, советской и вот теперь в демократической России.

Катастрофическая убыль населения и массовая эмиграция в 90-е годы XX века – это кричащий укор либеральным политическим элитам страны. В мире есть немало государств, не имеющих и одной сотой доли ресурсов России. Но парадоксальным образом население этих стран порой существовало в большем достатке, чем страдающие народы нашей страны. Хочется верить, что ситуация наконец начинает изменяться к лучшему.

Вместе с тем, было бы несправедливо свести все проблемы социально-политического и экономического развития России к недостаточно эффективному управлению её элиты. Реальное положение вещей обстоит намного сложнее. Многие из таких проблем были связаны с глубинными особенностями массового сознания или устойчивыми чертами национального менталитета

российского супер-этноса. При строгом подходе, разумеется, можно было бы дифференцировать такие специфические черты менталитета конкретных народов, составивших единый российский супер-этнос. Однако в данном случае это не так важно. В нашем исследовании вполне допустимо применить методологию научной аппроксимации и философского абстрагирования от частных аспектов, чтобы выявить и представить наиболее важное, наиболее характерное и существенно детерминирующее поведение больших масс людей.

Мы уже отметили выше некоторые сильные черты российского духа: широкий подход к жизни, иррациональное стремление к высшей справедливости, способность жертвовать и сострадать, беспредельное мужество и самоотверженный героизм, постоянное богоискательство и устремление к высшему бытию, потребность к открытию нового и неизведанного будь то новые земли или космические просторы, глубокий духовный мистицизм в мировосприятии сущности человека, основ природного бытия и высших целей существования разумной жизни.

Понимая и принимая во внимание эти характерные черты, не приходится удивляться скрытому диссонансу русского духа уплощённым идеалам простой обывательской жизни и потребительского общества в Западном мире. Внешне обустроенная, зажиточная, размеренная, но по сути пустая и бессмысленная жизнь даже на бессознательном уровне порождает какой-то психологический дискомфорт, а то и явный мировоззренческий протест в мятущейся русской душе.

Экзистенциальный идеал русской духовной культуры (как религиозной, так и светской) – это вовсе не добропорядочный бюргер, не успешный торговец, не хитрый банкир-ростовщик, не жадный до чужих богатств авантюрист-колонизатор, но презревший блага

земной жизни духовный подвижник, неординарный мыслитель, бесстрашно сражающийся герой, пламенный революционер, увлечённый научный исследователь, глубокий писатель или дерзающий поэт, эстетически утончённый и просветлённый художник.

Однако для полноты картины необходимо отметить и наиболее важные негативные черты российского национального менталитета, которые в течение многих сотен лет мешают российскому супер-этносу успешно решать текущие проблемы и интенсивно развиваться в культурном, социально-политическом и экономическом аспектах. Как весьма справедливо писал известный русский религиозный мыслитель Даниил Андреев: никакое сознательное движение вперед невозможно «без осознания несовершенства той стадии, на которой находишься и без понимания её несовершенства»[104].

О каких же негативных чертах или несовершенствах идет речь? Во-первых, это *недостаточно развитое самосознание*. Во-вторых, это *отсутствие экзистенциального равновесия* и *склонность к различным крайностям*. В-третьих, это *высокая инерция массового сознания* при *дефиците активной жизненной позиции* личного сознания.

Недостаточное развитие культурного самосознания российского этноса представляет собой проблему духовно-психологическую и вместе с тем культурно-историческую. Ещё поэт и драматург Иосиф Бродский в своё время метко заметил, что на фоне своей великодержавности Россия «*страдает сильным комплексом неполноценности*». Среди некоторых представителей академического сообщества существует распространённое мнение, что российский этнос в историческом смысле является достаточно молодым и неоформленным. Безусловно, по сравнению со многими тысячами

[104] *Андреев Д.Л.* Роза Мира. – М., 1993. С.197.

лет этнокультурного развития народов Индии и Китая менее чем пятнадцать столетий обозримой русской (российской) истории выглядят не столь значительно[105]. Хотя на фоне всего лишь трёх сотен лет развития нового американского этноса (который ещё только формируется) период культурного становления народов России выглядит вполне убедительно.

Во всяком случае история, например, британского этноса (Англия, Уэльс, Шотландия, Ирландия) вполне соизмерима с культурной историей российских земель. Однако британское самосознание, в отличие от российского, обнаруживает более высокую историческую зрелость и культурную самодостаточность. Там есть другие проблемы, например, устойчивый национальный сепаратизм шотландцев и ирландцев. Но там нет явного дефицита национального самосознания, что позволяло британцам вполне динамично развиваться, эффективно отвечать на исторические вызовы и даже навязывать свою политическую волю другим странам и народам.

Может показаться, что проблема ограниченного самосознания является философски слишком абстрактной и теоретически надуманной. На самом же деле её социокультурные последствия предстают в качестве вполне конкретных, очевидных и содержательных вопросов. Так, в частности, мучительные поиски своего пути в мировой истории и напряженные попытки

[105] В традиционных гипотезах происхождения русских племен (славянской и норманской) период их исторического генезиса рассматривается примерно с конца первого тысячелетия нашей эры. Мы опираемся на другую историческую концепцию формирования славянских народов, которая по ряду своих положений находится ближе к так называемой иранской (персидской) гипотезе. Она предполагает культурно-исторический генезис сармато-славянских роксаланов (россов-аланов) или росомонов как минимум с середины первого тысячелетия нашей эры.

осмысления так называемой «*русской идеи*» имеют самую тесную связь с отмеченной проблемой.

«Российский дух» в лице лучших представителей культурной элиты и политического истеблишмента России-Евразии должен наконец ответить себе на важнейшие мировоззренческие вопросы: «*в чём состоит его сущность*», «*как надо жить*», «*на что надо опираться*», «*к чему надо стремиться*», «*в чём состоит его высшее метаисторическое предназначение*»? Эти вопросы были давно поставлены думающими богословами, философами, писателями и получили определённое философское осмысление. Но они ещё не решены до конца и их решения не приняли форму устойчивых идей и идеалов, формирующих личное сознание творческих властителей умов и политических лидеров, а также массовое сознание народа.

Именно недоразвитое культурно-историческое самосознание нации (этноса) является причиной неверия в свои собственные силы и возможности во всех аспектах жизни от научной и технологической деятельности до экономических отношений и административного управления. Вот откуда происходит постоянное стремление российских правителей пригласить иностранцев во все государственные инстанции (административные, научные, образовательные), что активно началось при Петре (на самом деле даже раньше) и никак не закончится до сих пор. Ведь иностранцы управляли страной не только во времена династии Романовых, но и совсем недавно, в период формирования демократической России в конце XX века. Теперь мы ясно видим какой катастрофой в идеологическом, ценностном и экономическом смыслах закончилось их управление умами и хозяйством.

В XVIII веке приглашенные иностранцы начали усиливать и навязывать идеологический фантом *евро-*

поцентризма, что ещё больше дезориентировало неокрепшее национальное самосознание. Не так много в российской истории было выдающихся деятелей, которые понимали и признавали силу «русского духа» не только на поле брани, но и в созидательной творческой деятельности и активно противостояли общему европоцентристскому тренду. Как тут не вспомнить беспокойного отца российской науки Михаила Ломоносова, который в отличие от большинства представителей дворянской аристократии был вполне убеждён, «*что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать*»[106].

В контексте рассматриваемого вопроса совершенно необходимо отметить ещё один важный аспект национального самосознания, который можно условно обозначить как *символическая зависимость от Запада*. Эта проблема имеет аксиологическое (ценностное) содержание и отражает существенные деформации объективного мировосприятия российским массовым сознанием. В чём состоит принципиальная разница между реальной и символической зависимостью?

Например, наркомания формируется на основе реальной психофизической зависимости от действия наркотика. Другой пример: немецкая экономика в начале XXI века имела реальную зависимость от поставки относительно дешёвых энергоресурсов из России, что повышало конкурентные свойства её промышленной продукции. В этих примерах причина и следствие имеют объективную физическую детерминацию. Символическая зависимость не имеет постоянной физической детерминации и представляет собой субъективное состояние внутреннего мира личности, деформируемого,

[106] *Ломоносов М.В.* Ода на день восшествия на Всероссийский престол Императрицы Елизаветы Петровны (1747 г.).

как говорят психологи, некоторой психологической акцентуацией.

Таким образом, символическая зависимость личного сознания возникает как виртуальный психический эффект, имеющий ярко выраженную аксиологическую природу. Иными словами, личное сознание субъективно позиционирует себя в определённой системе крайне значимых ценностных координат, в результате чего попадает в ситуацию устойчивой ментальной связи с этой системой.

Самый показательный пример символической зависимости, вероятно, это явление моды. Модная «светская львица» не может надеть просто хорошее пальто и взять просто хорошую сумочку. Она должна иметь модное пальто и модную сумочку, без которых она теряет психологический комфорт, девальвирует себя в собственных и чужих глазах, выглядит неуспешно и непривлекательно, да и вообще нивелирует экзистенциальную ценность собственного физического и социального бытия. Вполне очевидно, что весь подобный проблемный ряд возникает как *фантом субъективного сознания* и не имеет почти никакого объективного содержания. Подобную символическую ценность и порождаемую ими символическую зависимость (которая возникает далеко не у всех) имеют титулы, почетные звания и различные награды условного значения.

Так вот отмеченная символическая зависимость от Запада есть своеобразный фантом субъективного сознания немалой части российского супер-этноса, в мировоззренческой системе координат которого явления и достижения Западной цивилизации невероятно превосходят достижения культуры и цивилизации российской. Это касается стандартов социальной жизни, моральных принципов, особенностей политического управления,

технологических устройств, производства и бизнеса, моды, искусства, индустрии развлечений и так далее.

Причем состояние символической зависимости исключает способность адекватной оценки реальности в данной сфере жизни. Оно незаметно подстраивает реальность под сформированную систему аксиологических координат. Поэтому действительные достижения национальной культуры уже не имеют значения. Как правило, многим из них незаслуженно приписывается пониженный ценностный статус. Как едко заметил в этой связи один из лидеров движения «Русский мир» В.А. Никонов, вечный вопрос русской интеллигенции: *а что скажет Европа*?

Символическая зависимость российского самосознания от Запада возникла давно и проникла в глубины внутреннего мира не только простого народа, но и дворянской аристократии, советской партийной бюрократии, современной либеральной политической и бизнес элиты. Можно согласиться, например, с вполне разумным освоением передовых технических и научных достижений Европы в эпоху Петра. Здесь нет никакой зависимости, но есть прагматичный подход.

Однако совершенно иной оценки требует мало чем обоснованное копирование Петром иностранного флага, принудительное сбривание бороды, насаждение европейского камзола и даже европейских языков вместо русского. За всеми подобными странными и непонятными народу социальными новациями стояло весьма спорное внутреннее убеждение в тотальной отсталости России от передовой Европы, переходившее в комплекс национальной неполноценности, который был навязан даже вполне самобытной и независимой части российского этноса. Именно здесь здравый познавательный и прагматический смысл, побуждающий осваивать новое и лучшее, будь оно явлено на Западе или на

Востоке, трансформируется в состояние недоразвитого культурного самосознания.

К слову говоря, в школьных учебниках не пишут, что даже один из «*основателей русского литературного языка*» - прославленный поэт Александр Пушкин в своём детстве преимущественно говорил на французском языке, а свой родной русский знал крайне слабо. Если бы по воле случая на его жизненном пути не встретился талантливый человек, который смог исправить этот культурный перекос, то весьма вероятно он вряд ли бы состоялся как великий русский поэт.

Можно привести немало разных примеров символической зависимости от Запада, которая до сих пор властвует над душами наших соотечественников. Это не только банальное, но в целом безобидное желание носить модную одежду от итальянских кутюрье, использовать французскую косметику, передвигаться на немецких дорогих автомобилях или писать вывески с названиями российских магазинов в российских городах на английском языке.

Можно припомнить и некоторые довольно экзотические явления символической зависимости. В частности, дизайн российских денежных купюр[107], копирующий узнаваемые графические решения европейской валюты с элементами архитектуры (мосты, арки и др.). Это есть вполне показательное символическое явление, за которым стояла не столько креативная неспособность Центробанка разработать оригинальный дизайн российских банкнот, сколько скрытая от наблюдателей стратегическая неспособность к выработке собственной независимой от Запада финансовой политики.

[107] Дизайн выпущенных в 2017 году новых российских купюр номиналом в 200 и 2000 рублей напоминал графический дизайн валюты Европейского Союза (евро).

Долгое время мы следовали сомнительным финансовым советам и принципам Запада (МВФ, ВТО и др.) и даже собственные деньги постарались сделать в чём-то похожими на европейские, надеясь хоть так ещё немного сблизиться с Европой. Некоторые критики полагают, что в этом угадываются элементы даже какой-то экономической инфантильности и несостоятельности российского финансового регулятора. Закономерным следствием такой инфантильности, а по сути - недальновидной финансовой политики явилось блокирование в 2022 году в США и ЕС астрономической суммы золотовалютных резервов РФ, номинированной в валюте иностранных государств блока НАТО.

Для многих представителей государственного аппарата это событие явилось досадной непредсказуемой случайностью. Однако в нашей системе координат между отмеченными явлениями (символическая зависимость и экономическая недальновидность) просматриваются вполне определённые нити семантической детерминации. Было бы странно в случае обострения геополитической обстановки ожидать от наших западных визави какой-то иной реакции на последовательное отстаивание Россией своих законных интересов.

Надо вспомнить и сомнительную *Болонскую систему образования*, которую прозападные либеральные реформаторы навязали стране вместо фундаментальной гуманистически ориентированной классической (советской и российской) модели образования. В настоящий момент многие европейские политические лидеры считают Россию вражеским государством и политически поддерживают удары украинских неонацистов по российским городам. Причём говорят они об этом уже публично и совершенно открыто. Однако несмотря на это, некоторые наши ответственные чиновники даже после начала Специальной военной операции пытались

следовать Болонскому курсу и по инерции выстраивать с европейцами единое образовательное пространство.

Такая затея выглядит странно не только в контексте нарастающих геополитических противоречий, но и по аксиологическим соображениям. Современные европейские ценности (потребительство, моральный нигилизм, разрушение нормальной семьи, деконструкция нравственных устоев личности, девальвация религиозных принципов, поддержка радикального национализма и неонацизма и т.д.) резко диссонируют духовным ценностям российского общества. Как вообще возможна, да и зачем нужна унификация систем образования в таких условиях?

Как минимум неубедительно выглядит и предписанная Министерством образования российскому академическому сообществу система оценки результатов научной деятельности. Долгое время она отдавала приоритеты публикациям в иностранных (западных) научных изданиях и базах научного цитирования (Scopus, WoS и др.). Иными словами, оценка результатов работы российского преподавателя университета или исследователя академического научного института определялась, в первую очередь, рейтингом публикационной активности в зарубежных журналах[108]. Если это не символическая зависимость от Запада, то тогда что же это такое?

Возникает и ещё один закономерный вопрос: на какое государство работают чиновники, придумавшие и навязавшие российским деятелям науки такую систему оценки? По этой системе выдающиеся советские ученые и изобретатели (Курчатов, Капица, Ландау, Саха-

[108] В 2022 году на фоне обострения отношений России с Европой и США зависимость наукометрического рейтинга российского ученого и преподавателя от иностранных баз научного цитирования была временно заморожена. Но не отменена совсем.

ров, Гинзбург, Тамм, Циолковский, Королёв, Черток, Челомей, Калашников, Туполев, Сухой, Антонов, Камов, Арцимович, Александров, Алфёров и многие другие) сейчас оказались бы на нижних позициях научного рейтинга.

Более того, современные философы, политологи, социологи, культурологи и историки, которые в своих публикациях отстаивают интересы России, защищают её духовные ценности, историческую память и российский культурный код – совершенны неугодны владельцам и редакторам западных научных изданий. Они являются опасными *идеологическим противниками* Запада. Их работы ни в Европе, ни в Америке, ни в Британии никто не опубликует. В таком случае такие авторы по определению не могут иметь высокого научного рейтинга в глазах чиновника из министерства или ректора университета. А ведь от рейтинга теперь напрямую зависит заключение эффективного контракта и уровень оплаты специалиста.

Отметим и лукавую *ювенальную юстицию*, непонятно в каких целях настойчиво внедряемую в России по примеру Запада вместо традиционного семейного воспитания. В одном символическом ряду с отмеченными явлениями стоит и стремление приобрести западные промышленные товары вместо производства своих собственных не только на уровне частного потребителя, но и на уровне правительственных регуляторов промышленной и экономической политики.

Так, в частности, интенсивное возрождение российского гражданского авиастроения началось только после тотального запрета в 2022 году со стороны западных «партнёров» использовать американские и европейские самолёты российскими авиакомпаниями. В течение тридцати лет ответственные чиновники уклонялись от развития независимого российского самоле-

тостроения, несмотря на нарастающие геополитические угрозы и выдающиеся успехи советских инженерно-технических школ в авиационной отрасли промышленности. Безусловно, отмеченная проблема имеет более сложный спектр причин. Однако глубинная символическая зависимость от Западной цивилизации здесь сыграла вовсе не последнюю негативную роль.

Не возможно обойти и так называемую «*офшорную аристократию*» или «*компрадорскую российскую элиту*» - ещё одно позорное явление, порождённое недостатками национального самосознания. Новая политическая и бизнес элита в лице весьма немалого количества своих представителей на рубеже XX-XXI веков стала рассматривать свою страну как экономическую колонию или политическую резервацию. Россия начала восприниматься не более чем географическое место, дающее весьма неплохой доход, который надо успеть забрать, инвестировать и потратить подальше от родных берегов – где-то в Британии, в Швейцарии, в Италии, во Франции или на крайний случай на Кипре. Там приобретали недвижимость, яхты, футбольные клубы, размещали финансовые активы, покупали иностранное гражданство и пристраивали детей для обучения в престижных школах и университетах.

Разумеется, отмеченное явление имело множество причин, среди которых и сложные условия ведения бизнеса в России, и сомнительные источники происхождения капиталов, и тревожное ожидание в некоторых случаях вполне заслуженного уголовного преследования со стороны надзорных органов. Однако главная причина, на наш взгляд, как правило была в другом: они хотели вырваться из объятий своей «отсталой России» и приобщиться к «настоящей жизни» в лоне «развитой Западной цивилизации». В таком случае стоит ли удивляться, что таким «*капитанам российского бизне-*

са», «*авторитетным политическим деятелям*» и «*заслуженным экономистам*» было не очень интересно заниматься развитием российского образования, науки, медицины, экономической инфраструктуры и собственного высокотехнологичного производства.

Преодоление символической зависимости национального самосознания от Запада станет коренным переломом на тернистом пути культурно-исторического развития России. Это событие явится *мировоззренческим катарсисом* и мощнейшим *пассионарным толчком* российского духа, который уже давно должен осознать свою великую метаисторическую силу, культурную независимость и высокий творческий потенциал в науках, искусствах, технологиях и социальном строительстве более совершенного и справедливого общества новой планетарной Эпохи.

Другая существенная негативная черта российского менталитета – это *отсутствие экзистенциального равновесия*, что по своей сути в реальной политической, социальной и культурной жизни проявляется как склонность к различным крайностям. Траектория исторического развития России не похожа на прямолинейный вектор религиозного провиденциализма или гегелевскую диалектическую спираль. Она напоминает сложное поступательное движение *качающегося маятника*, который по основной оси перемещается вперёд, но по перпендикулярной оси попеременно отклоняется в противоположные стороны. Таким образом, на развернутой во времени культурно-исторической шкале такая схема движения условно выглядит как непрерывные зигзаги или волнистая линия.

Крайние положения движения – это не просто какие-либо политические крайности, вроде консерватизма или либерализма. Это есть диалектические полюса общественного сознания российского народа, который

колеблется в своих ценностных, религиозных, геополитических, социально-экономических принципах и ориентирах. Такое движение можно назвать *мировоззренческой флуктуацией российского духа*, который может двигаться от одной крайности к другой до тех пор, пока не обретёт подвижное синергетическое равновесие, высокий диалектический синтез или глубокую экзистенциальную гармонию.

Так, например, если рассматривать проблему в контексте общей философской ориентации российского массового сознания, то она в исторической ретроспективе колебалась от крайнего идеализма до радикального материализма. Многие сотни лет над умами русских богословов и философов властвовали религиозный идеализм и идеалистическая метафизика. Причём это была не только метафизика ортодоксальной христианской мысли, но и метафизика Платона, Гегеля, Канта, а ближе к началу XX века и метафизика классической философии Востока.

После победы большевиков происходит резкий разворот в сторону диалектического материализма и созвучных ему материалистических учений европейских мыслителей, которые господствуют в советском теоретическом и массовом сознании почти столетие. Однако в конце XX века происходит новый резкий разворот, в результате которого возрождаются все разновидности идеализма – от христианского и исламского, до индуистского, буддийского и классического европейского. Существенное место в массовом сознании начинает занимать также теософская метафизика, новый евразийский философский гнозис (Живая Этика) и философия русского космизма. Все эти течения мысли объединяло неординарное стремление к идейному синтезу религиозной метафизики и научного знания.

Поэтому постсоветская эпоха российской истории отличается не только закрепившимся философским плюрализмом, но и наметившимся примирением философских крайностей в напряжённом поиске диалектического синтеза диаметрально противоположных идей и подходов к осмыслению мира и человека.

Оборотной стороной общей философской ориентации массового сознания является религиозный аспект проблемы. Здесь так же явно прослеживаются колебания мировоззренческого маятника российского духа. Глубоко религиозная в течение многих столетий страна вдруг почти мгновенно (по историческим меркам) становится страной атеистической и антирелигиозной. Этот процесс даже нельзя назвать традиционной секуляризацией – в том смысле как она происходила в Европе, начиная с эпохи Ренессанса. В России после победы Советской власти в 1917 году религия не просто стала терять своё влияние на общество. Она была философски низвержена, социально раздавлена и политически уничтожена.

Поэтому данное явление надо называть не культурной секуляризацией, но радикальным религиозным нигилизмом Советской власти. В этом смысле символична и показательна, в частности, судьба богослова и религиозного священника Павла Флоренского, который даже попытался смиренно служить новой атеистической державе. Однако держава не оценила такую предельную лояльность богослова-исследователя и обрекла его на тяжелую смерть в гулаговских лагерях.

Внешним наблюдателям могло показаться, что воинствующий атеизм и религиозный нигилизм в СССР утвердились если и не на вечные времена, то уж во всяком случае на необозримую историческую перспективу. Однако так мог подумать только тот, кто не понимает глубинной сути русского духа. Не прошло и ста

лет и маятник российского мировоззрения качнулся совершенно в противоположную сторону – к возрождению религиозного сознания и почти уничтоженной Церкви. Невероятно быстро религиозное мироощущение вновь становится массовым, а религиозные социальные институты приобретают существенное влияние в постсоветском демократическом обществе.

Вероятно, наиболее яркий символ колебаний российского менталитета в отношении к религии – это многострадальный Храм Христа Спасителя в Москве. До сих пор он остаётся самым масштабным храмовым сооружением современной Русской Православной Церкви. Задуманный императором Александром I в честь победы российского народа в Отечественной войне 1812 года, весьма долго и непросто возводившийся, и освещённый только в 1883 году, этот Храм должен был стоять сотни лет как знак благодарности Высшим духовным Силам за покровительство России и русскому воинству.

Но уже вскоре, в 1931 году, он был беспощадно взорван новой Властью для того, чтобы освободить нужное место для величественного Дворца Советов. Так повсеместно старые Храмы сносились во имя новых почти культовых сооружений безбожной коммунистической квази-религии. Однако спустя чуть более шестидесяти лет Храм Христа Спасителя был снова восстановлен, а точнее – заново построен на том же самом месте на пожертвованные от сотен тысяч российских граждан средства. Народ одумался, покаялся и делом восполнил разрушенное. Будем надеяться, что маятник массового сознания и в этом вопросе обрел равновесие и уже не совершит обратное движение в противоположную сторону.

Ещё одним ярким примером маятникового развития России является направленность её геополитиче-

ского курса и связанная с ним сущность культурных приоритетов. При московских царях Русь развивалась в русле христианской цивилизации как самобытная политическая и культурная общность. Основной геополитический курс, как сказали бы современные теоретики, в целом был равноудалён от Востока и Запада.

Петровские реформы кардинально меняют в политическом и социокультурном смыслах направление движения страны и устанавливают западный курс развития вплоть до начала XX века. Императорская Россия, несмотря на монархию и Православие, во многих аспектах жизни развивалась уже в русле Западной цивилизации: учила европейские языки, носила европейские одежды, приглашала европейских гувернёров, перенимала технические достижения, изучала немецкую философию, боролась с французским вольнодумством и британскими политическими интригами, заключала с европейскими державами союзы и династические браки, ассимилировала идеи индивидуализма, материализма и даже революционного восстания.

Восстание большевиков, идейно вооруженных философией немецких материалистов Маркса и Энгельса, парадоксально подвело черту под западным курсом развития страны. Маятник качнулся в другую сторону. Европейская философия марксизма, переосмысленная Лениным под российские социально-политические условия, открыла совершенно новое, самостоятельное, независимое от Европы и Америки, принципиально иное по своим культурным ориентирам и социальным приоритетам направление развития общества и государства. Таким образом, спустя несколько столетий, российское общество совместно с новыми советскими республиками снова выходит на собственный, равноудалённый от Востока и Запада геополити-

ческий курс, который Россия потеряла в начале XVIII века.

Однако вскоре, после крушения СССР, геополитический маятник разворачивается в противоположную сторону. Либеральные элиты и массовое сознание опять потянулись на Запад в призрачной надежде обрести и впитать все достижения Америки и Европы: либеральную демократию, рыночную экономику, политический плюрализм, личную свободу, почётное кресло в узком кругу вершителей международной политики, новые технологии, достойное место в международном разделении труда, признание своих достижений и приоритетов.

Как мы теперь понимаем, все подобные надежды оказались пустыми иллюзиями. Политический истеблишмент и финансово-промышленная элита Запада никогда не рассматривали Россию как равного себе партнёра. Почти никто не предполагал учитывать её экзистенциальные интересы. Особое мнение отдельных политиков или представителей бизнеса не ломало общего антироссийского тренда, который в зависимости от исторических обстоятельств осуществлялся скрыто или открыто, но сохранялся на протяжении сотен лет вплоть до наших времён.

В итоге осмысления отмеченных обстоятельств и углубления украинского кризиса в период 2014 – 2022 годов, тридцать лет прозападного геополитического и социокультурного курса развития России (с 1991 до 2022 года) заканчиваются новым резким разворотом на Евразийский или Восточный курс. Трудно не согласиться с теми авторами, кто полагает, что подобные крайности мешают нормальному, поступательному, последовательному социокультурному развитию страны.

Российский дух в результате долгих исторических метаний должен, наконец, обрести диалектический

синтез и экзистенциальную гармонию не только в сфере геополитики или экономики, но и на более высоком уровне – в сфере философского миропонимания и фундаментальных ценностей, дающих крепкие основания и истинные ориентиры дальнейшего развития общества и человека.

Третьей негативной чертой российского менталитета является *высокая инерция массового сознания,* сопровождающаяся *недостатком активной жизненной позиции* конкретного среднестатистического представителя российского супер-этноса. Это уже давно было подмечено как на Руси, так и за её пределами: русские долго запрягают, хотя потом быстро едут.

Можно отметить важное позитивное следствие этой особенности национального менталитета – невероятную терпеливость и покладистость российского народа. Немногие народы в мире обладают такими качествами. Но есть и негативные следствия: медлительность в принятии решений, пониженная социальная активность, пассивное восприятие общественных проблем, постоянное ожидание вмешательства неких высоких социальных инстанций (барина, хозяина, начальника, ответственного чиновника, царя, президента) в решение насущных вопросов. В прошлые столетия такая особенность проявлялась как постоянное упование на *естественный ход вещей* («*на авось*»), на *божественный Промысел* или на неподвластную человеческой воле *мистическую Судьбу*.

Российская история показывает нам немало примеров пониженной общественной активности массового сознания. Например, неудачная попытка движения народников поднять российское крестьянство на борьбу с самодержавием и крепостничеством в XIX веке была напрямую обусловлена высокой инерцией общественного сознания. Низкая явка избирателей на демо-

кратические выборы федерального, а особенного регионального уровня в постсоветской России тоже в значительной мере связана с рассматриваемой проблемой.

Такой пассивный настрой общественного и личного сознания исторически преодолевался только в моменты суровых испытаний, критической военной угрозы или доведённых до предела страданий народных масс. Так, в частности, долготерпение народа время от времени взрывалось страшными и беспощадными бунтами против несправедливой власти (Степан Разин и Емельян Пугачёв). Победа над иноземным агрессором не редко начиналась лишь после длительного отступления и только от стен столицы (Москвы), которая была уже захвачена (татары в XIV веке, крымские татары в XVI веке, поляки в XVII веке, французы в XIX веке) или находилась на грани окружения и захвата (германские нацисты в XX веке).

Медленное развитие гражданского общества в современной России тоже тесно связано с рассматриваемой проблемой. Народ, как правило, бессознательно ожидает, что один государственный или муниципальный чиновник будет внимательно и бескорыстно контролировать другого чиновника. В результате чего вся огромная государственная машина будет работать сама по себе в интересах народа. Но такое возможно, как говорится, только в сказке или далёком утопическом идеале. На самом деле она так не работает практически нигде. Ни в одной стране мира. Необходимое условие правильного функционирования правового государства и демократического общества – это заинтересованное участие самого общества в делах своего государства. Иными словами, действенное желание народа усовершенствовать общественную жизнь ради общей пользы.

Именно поэтому всякий государственный чиновник и бюрократ в правильном демократическом госу-

дарстве должен в первую очередь в определённой мере контролироваться народом (институтами гражданского общества и парламентской демократии), а уже потом - другими специально обученными чиновниками, которые призваны по долгу службы обеспечивать реализацию интересов общества и государства (правоохранительные органы, надзорные инстанции, судебная система и т.д.).

Без активного участия заинтересованной в реальном решении проблемы *гражданской личности*, к сожалению, почти ничего в правильном режиме не функционирует. Во всём мире недобросовестный чиновник в таких условиях работает либо неэффективно, либо в своих собственных интересах. В конечном счёте государственная система впадает в состояние социальной дисфункции: решения принимаются долго или не принимаются совсем, проблемы не решаются, вопросы накапливаются, общественное напряжение нарастает.

Такая особенность российского менталитета возникла, разумеется, вовсе не случайно. Это есть тяжелое историческое наследие социально-политической и экономической специфики развития российского общества. Многие сотни лет народные массы были отделены от государственного управления, практически не имели собственности и реальной социальной свободы. Формальная отмена крепостного права в XIX веке не принесла кардинального решения этого вопроса.

Монархическое государство управлялось императорами с опорой на дворянскую аристократию. Практически более 90% населения страны (крестьянство) было лишено возможности участвовать в политической жизни и законно отстаивать свои экономические интересы. Всякое несогласие с вердиктами верховной монархической власти расценивалось как попытка бунта против

царя и Отечества, что порождало весьма острую реакцию государственной машины.

Однако и после свержения монархии и начала построения советского государства проблема не получила реального разрешения. Сельское население было снова привязано к земле, а урбанизированные пролетариат и интеллигенция должны были покорно следовать за генеральной линией коммунистической партии. Даже конструктивное вольнодумство и стремление свободно осмысливать насущные проблемы общественной жизни встречало жесткое сопротивление партии и надзорных органов. Отсюда возникает диссидентство, подпольная литература, философия русского зарубежья и стагнация официальной (разрешённой) мысли.

Иными словами, как монархическое, так и советское государство в лице своих политических лидеров не считало нужным широко привлекать народные массы к открытому гражданскому сотрудничеству для решения социальных и экономических вопросов. Народные массы должны были просто выполнять решения высших государственных инстанций. Так стоит ли теперь нам удивляться высокой инерции народа во многих сферах жизни, когда его на генетическом уровне приучили не доверять государственному чиновнику, не чувствовать своей личной ответственности за общие судьбы и не дерзать воспринимать себя реальной частью большой государственной системы?

Подобную негативную, исторически детерминированную черту массового менталитета невозможно изменить одномоментно по прогрессивному желанию политической или культурной элиты страны. Требуется определённое время и весьма существенные усилия. Однако в целом, на наш взгляд, процесс развивается довольно неплохо и российское гражданское общество набирает силу и опыт сотрудничества с политическими

институтами государства в целях более эффективного решения экономических и социальных вопросов.

Так, например, в период проведения СВО на Украине в 2022 – 2023 годах многие острые проблемы были поставлены именно активными представителями российской общественности (журналистами, блогерами, общественными деятелями, предпринимателями, военными экспертами, ветеранами), которые сумели привлечь дополнительные ресурсы и внимание власти к исправлению ошибок и улучшению ситуации, например, в вопросах снабжения воинских подразделений, мобилизации, информационного освещения событий и патриотического воспитания молодого поколения.

Хочу, чтобы нас в этом непростом вопросе понимали правильно. Вовсе не с кривой ухмылкой, но с болью в сердце и великой надеждой на улучшение мы пишем о проблемных чертах русского национального менталитета. Русский дух не раз проявлял поразительную способность к культурно-историческому совершенствованию и все его лучшие качества тому являлись реальной основой и экзистенциальным условием. В конечном счёте, несмотря на некоторые проблемы и недостатки, духовные доминанты многоликой российской культуры вполне способны явиться крепкой основой Евразийской цивилизации нового типа.

Великие религиозные подвижники и духовидцы, глубокие мыслители, выдающиеся учёные, проницательные писатели, эстетически утончённые художники и музыканты в течение многих столетий своими творческими усилиями утвердили незримые сигнатуры созидательного *культурного кода*, который открывает синергетические коридоры и метаисторические возможности формирования более совершенного общества в евразийском цивилизационном пространстве, а со временем и на всей Земле.

Вполне справедливо и своевременно представители российского экспертного сообщества в аналитическом докладе «*Большая Евразия – 2030*» подчеркнули «*важность разработки идеологии евразийской интеграции*», которая должна опираться не только на экономическую прагматику, но и на общие духовные и культурные исторические корни народов Евразии[109]. В этом контексте важнейшая историческая задача России на современном этапе – это формирование новых принципов и условий интеграции евразийских народов, отличных от рыночного эгоизма и национального экономического протекционизма, которые рвут нити международного сотрудничества во всех сферах от бизнеса до политики.

Главная ценность Евразийской России на самом деле состоит вовсе не в необъятной территории и обширных ресурсах (что само по себе совсем неплохо), но в крепких моральных устоях, эволюционно значимых аксиологических принципах, созидательном культурном коде и невероятной способности противостоять всевозможным историческим вызовам и угрозам.

Так, например, ещё митрополит киевский Иларион в XI веке провел яркую смысловую черту между ветхозаветным Законом и христианской Благодатью. Не случайно «*Правда*» как явление высшей духовной Благодати в народном сознании на Руси всегда ценилась неизмеримо выше формального (позитивистского) закона, который по воле власть имущих можно развернуть в любую сторону и против любого человека.

Философский концепт Правды в силу его предельной глубины невозможно семантически безупречно перевести на другие языки без потери герменевтически

[109] «Большая Евразия – 2030: аналитика развития, безопасности и сотрудничества» (Доклад для обсуждения). – М.: Ассоциация «Аналитика», 2017. С.78.

неуловимых оттенков смысла. Правда в российском менталитете отражает не только высокий когнитивный аспект (*Правда как Истина*), но и яркий этический аспект (*Правда как Справедливость*) и даже аксиологический аспект (*Правда как высшая Ценность*).

Вот почему широко известная философская сентенция молодого князя Александра Невского «*Не в силе Бог, но в Правде*» есть воззвание даже не к истине, но к высшей справедливости и её сакральной ценности, которые в конечном счёте духовно и физически сокрушают любую агрессивную силу, будь то иноземные захватчики или иные лихие люди.

Эту важную мысль спустя почти тысячу лет в криминальной драме режиссера Алексея Балабанова повторит популярный в народе российский киногерой конца XX века Данила Багров: «*сила в Правде*». На Западе никак не поймут почему эта туманная фраза так созвучит метафизическому настрою русского духа. Этическая метафизика Правды весьма глубока и теперь уже малодоступна европейскому позитивистскому интеллекту после инверсии и деконструкции глубинных смыслов классической западной философии.

Другой важнейшей доминантой российского духа является концепт *Соборность*, над которым много размышляли русские религиозные философы XIX века. Однако подлинный смысл понятия Соборности, на наш взгляд, намного шире, чем его трактовали, например, славянофилы Юрий Самарин и Алексей Хомяков. Этот смысл в своем высшем идеале отражает не только духовное единение последователей Православной церкви, но *духовной принцип гармоничной совместной жизни* всего народа на основе братской любви к другому человеку, на чём настаивал и что завещал человечеству Иисус Христос.

Диалектическим развитием глубоких смыслов концепта Соборности является фундаментальный этический *принцип Общего Блага*, который был артикулирован и введён в широкий культурный оборот последователями философии Живой Этики - нового евразийского духовного гнозиса. Современное человечество, к великому сожалению, ещё мало понимает грандиозное эволюционное значение этого принципа. Оно ещё пытается опереться на старые идеологические доктрины национализма, неоколониализма, экономического протекционизма, религиозного фундаментализма, расовой сегрегации и «золотого миллиарда». Оно всё ещё формирует военные блоки, политические альянсы, торговые союзы одних народов против других.

Иными словами, политические лидеры со средневековым мышлением пытаются построить привилегированное существование для избранных за счёт других стран и народов. В этом и состоит вся тайная и такая очевидная суть политической стратегии США, Евросоюза и их сателлитов. Но все эти начинания не соответствуют метаисторической логике развития земного человечества, которое должно либо преодолеть свои противоречия, либо погибнуть как инертная форма разумной жизни, совершенно неспособная к дальнейшей эволюции духа.

Принцип Общего Блага не просто отражает некую трансцендентную для среднего человеческого интеллекта *высокую этическую идею*, но устанавливает вполне понятные *моральные ориентиры* в политике и экономике, религиозной и общественной жизни. Гармоничное общество предполагает динамический баланс интересов этнических, религиозных и экономических групп. Но возникает он лишь в системе моральных координат Общего Блага или совместного (соборного) сосуществования народов, которое поддерживается

всей административной и правовой мощью государственной машины.

Кроме России нам не известно ни одной страны в Америке, Европе и Азии, в культуре которой достаточно определённо содержались бы идеи Общего Блага и соборного сосуществования различных народов со всеми их религиозными и этническими отличиями. Хорошо известная *жертвенность российского духа* есть лишь некоторое отражение бессознательного космического мироощущения, в котором как далёкая, почти невидимая звезда мерцает высокий этический принцип Общего Блага.

Нет особой необходимости подробно перечислять здесь многочисленные примеры жертвенности российского духа, не раз бескорыстно спасавшего другие страны и народы от кровожадных агрессоров, от стихийных бедствий, от голода и от болезней. Многие ещё помнят. Другие лживо и завистливо пытаются вывернуть наизнанку мировую историю, приписывая себе великие подвиги (вроде разгрома гитлеровского нацизма) и на все лады очерняя Государство Российское и многострадальный российский народ.

Новое более совершенное общество невозможно без *братства народов* и *содружества религий*, которые возникают на основе реального социального воплощения этики Общего Блага и принципа Соборности. Так же как многие отечественные философы и писатели мы далеки от розовой идеализации российского духа, которому предстоит пройти ещё длительный путь до полного отражения в политическом и массовом сознании трансцендентной сущности Общего Блага. Тем не менее, успехи и достижения российской культурной и социально-политической истории на этом пути весьма велики.

В нашей истории не было кровавых религиозных конфликтов последователей различных религий как, например, в Индии, на Ближнем Востоке или в Европе. Военные конфликты, в которых участвовало Государство Российское на своей или сопредельной территории не имели религиозной основы. Российская культурная модель многие сотни лет назад смогла органично совместить духовные ценности христианства, ислама, буддизма и других религий.

Были такие попытки и в других странах. Например, в Индии выдающийся духовный подвижник Рамакришна в XIX веке попытался обосновать братство религий и альтернативность путей к Богу. Но кто его услышал среди ортодоксов и фундаменталистов? Даже в XX веке индуисты и мусульмане беспощадно резали друг друга как во времена мрачного средневековья. Даже великий индийский гуманист и убеждённый сторонник философии ненасилия Мохандас (Махатма) Ганди был убит своим соотечественником - индуистским фанатиком и экстремистом за политические усилия по сглаживанию противоречий и примирению сторонников индуизма и ислама в сложный период раздела Индии на два независимых государства (Индия и Пакистан).

Поэтому немалый культурный опыт России в гармоничном сосуществовании различных религий стоит дороже чистого золота. У нас в стране многие даже не задумываются об этом – ни на уровне массового сознания, ни в сфере академической философской и культурологической рефлексии.

Другой аспект рассматриваемого вопроса – это социальный опыт гармоничного сосуществования различных по своему этническому составу народов. И здесь Россия тоже смогла избежать оголтелого национализма и больших этнических конфликтов. Российская

империя, а позже Советский Союз объединяли даже не десятки, но более сотни больших и малых этнических групп. Да в монархической России в национальных вопросах иногда принимали неоднозначные решения, например, по территориальному размещению еврейских диаспор. Да в советский период тоже не обошлось без некоторых ошибок в вопросах национально-политического строительства. Но эти отдельные проблемы не отменяют в целом позитивную модель решения национального вопроса в рамках большого государства имперского или квази-имперского типа.

Так, в частности, не стоит забывать, что обострение отношений Москвы с национальными республиками в поздний период советской истории произошло по экономическим и политическим причинам. Оно не имело прямой этнической основы, хотя местные национальные элиты во многих случаях и пытались использовать *идеологию национализма* в своих политических целях. Национальный вопрос педалировался вовсе не Москвой, но политическими кланами и общественными движениями на местах.

В течение всего периода советской истории Москва прилагала последовательные усилия к продвижению *идеологии интернационализма* и *братства народов*. Центр вкладывал огромные ресурсы в экономическое и культурное развитие национальных республик. Как это хорошо известно не ангажированным историкам, некоторые из советских республик до вхождения в состав СССР фактически находились на уровне феодальных отношений и весьма отсталого аграрного типа экономики.

Самый яркий пример плодотворного комплексного развития национальных регионов – это Украина. Во всех смыслах она была жемчужиной Советского Союза и отличалась крайне высоким уровнем развитием про-

мышленности, сельского хозяйства, науки, образования, энергетической, транспортной и курортной инфраструктуры. На рубеже XX-XXI столетий неизжитые аффекты украинского национализма сыграли роковую роль вопреки всем усилиям российской политической элиты и народных масс по поддержанию добрососедских отношений и привилегированного торгового сотрудничества с бывшей республикой.

Полагаю, что крайне затруднительно или даже совершенно невозможно построить Евразийское сообщество свободных государств и народов без опоры на опыт и достижения Российской империи, Советского союза и современной демократической России в сфере социально-культурного взаимодействия многочисленных этнических групп. Эти достижения нужно внимательно изучать, совершенствовать и разумно применять как проверенную временем социально-культурную основу многонационального общества.

В противном случае, если политическая элита России хочет взорвать своё общество – можно использовать, например, французский опыт ассимиляции мигрантов из бывших африканских колоний. Гарантированно получим этнические анклавы с высоким экстремистским потенциалом и потерю контроля над социальной интеграцией новых сограждан. Если наши ультрарадикальные общественные силы хотят устроить столетнюю войну на своих границах – можно использовать опыт Израиля по его напряжённому сосуществованию с Палестинским национальным и религиозным сообществом. Более семидесяти лет идеологи и лидеры еврейского государства проявляют упорное отрицание политической мудрости и этно-религиозного реализма в разрешении арабо-израильского конфликта.

Если желаем заложить в основы своего общества национальную мину замедленного действия – можно

взять за основу радикальный опыт Китая по поспешной социокультурной ассимиляции Синьцзян-Уйгурского региона. Если нам мало межнациональных и геополитических проблем – можно включить в состав России Западную Украину, которая сотни лет находится на линии цивилизационного разлома и является источником политических, социальных, культурных и этнических противоречий. Если желаем получить неконтролируемый поток маргинальных мигрантов и эффективно повысить криминогенный потенциал своих регионов – стоит присмотреться к недальновидному опыту США по отсутствию надёжного контроля за мексиканской границей и латиноамериканским наркотрафиком.

Полагаю, что причины нашего сарказма вполне понятны. Оказывается, что практика межэтнического взаимодействия и национального строительства далеко не везде является успешной. Во многих странах мира политические элиты совершают серьёзные ошибки, результаты которых рано или немного позже приведут общество к неконтролируемой дестабилизации.

Поэтому не только в вопросах религиозных и национальных отношений, но и вообще в сфере государственного строительства лидеры новой Евразийской России, а также политические элиты других Евразийских держав должны принимать во внимание идеалы *гуманизма* и *милосердия*, которые на самом деле являются не просто абстрактными этическими принципами, но и необходимыми идейными ингредиентами стабильной социально-политической системы.

Будущая новая *Евразийская цивилизация* третьего тысячелетия не может быть негуманной, не может допустить подавления одних народов в интересах других или доминирования титульных религий в ущерб другим. Если она не будет опираться на высшие духовные ценности, утверждаемые великими религиозными Учи-

телями и выдающимися Мыслителями, она неизбежно потерпит историческое фиаско. Более того, она окажется ничуть не лучше современной морально прогнившей, эволюционно дезориентированной и социально разрушающейся Западной цивилизации, несмотря на какие-то технологические успехи.

Многие российские философы вполне справедливо отмечают тёмную сущность современной Западной цивилизации, которая наращивает инфернальную идеологию и практику всесторонней «*деконструкции*», «*расчеловечивания*» или «*дегуманизации*» разумного человека. Она приводит к духовной деградации, моральному разложению, мировоззренческому кризису, эстетической инверсии, психическому коллапсу и как следствие физическому угасанию конкретного человека и всего человеческого общества.

«*Судьба Запада решена, там нет будущего*». Так совершенно определённо и в каком-то смысле даже пророчески семьдесят лет назад вынесла свой философский вердикт Западному миру выдающийся российский духовный мыслитель-гуманист и общественный деятель Е.И. Рерих. «*Не ищите его ни в одной Европейской стране, но наблюдайте идущий развал*»[110].

Спустя несколько десятков лет мы видим, что ситуация, действительно, стала намного хуже и социокультурный «развал» Западной цивилизации принял совершенно катастрофические формы. Расчеловечивание разумного человека в контексте популярной в Америке и Европе теории психоанализа есть девиантный процесс, по своей сути обратный *культурной сублимации* низшего бессознательного, который в целом успешно осуществлялся в течение всей долгой и непростой истории человечества. Однако на Западе сейчас уже мало кто понимает, что научные отцы теории и

[110] *Е.И. Рерих*. Письма: В 9 т. – М.: МЦР, 2009. Т.IX. С.488.

практики психоанализа Зигмунд Фрейд и Карл Юнг ещё в первой половине XX века предупреждали беспечных и недалёких обывателей об опасности необузданных низших инстинктов и психических архетипов.

Теперь они окончательно вырвались из-под контроля морального сознания, которое в западном мире практически полностью утеряло необходимую религиозную или метафизическую опору. Поэтому результатом тотального расчеловечивания сущности человека является культурное крушение сознательного Эго и выход на поверхность диких животных инстинктов и бессознательных стихий из психических глубин.

Все виды человеконенавистнической идеологии, псевдоморальные доктрины вседозволенности, сексуальные и гендерные извращения, наркомания, бескрайний физиологический гедонизм, сатанинские и демонические культы тёмных сил есть лишь некоторые аспекты подавления духовной воли и светлого разумного сознания психическими аффектами низшего бессознательного и инфернальных слоев виртуальной психической реальности пространства («*планетарного психокосмоса*» или так называемого «*астрального мира*»).

Каждая светлая религия, каждое духовно ориентированное философское учение, каждая культурно созидательная этическая доктрина так или иначе устремляли человеческое сознание к горизонтам *духовного совершенствования* и обосновывали *приоритет духа* над силами материи. Это надо понимать как в общем метафизическом и метаисторическом контекстах, так и в контексте культурного развития конкретного разумного человеческого существа. Примечательно, что в российской философской традиции подобные идеи нашли весьма яркое отражение и стимулировали постановку великой эволюционной и цивилизационной задачи

«*воспитания человека облагороженного образа*» (Д.Л. Андреев[111]).

В этом контексте новую идеологию тотальной деконструкции или духовной дегуманизации человека следует воспринимать как опасную *мировоззренческую лихорадку* или тлетворную *идейную чуму* эпохи постмодерна, которая поразила слабый социальный организм Западной цивилизации и на наших глазах повергает её в коматозное состояние. Причём все попытки современных американских и европейских теоретиков найти какие-то новые перспективные решения так называемой *антропологической проблемы* вновь терпят полное философское фиаско[112].

Например, набирающая популярность научно-техническая *идеология трансгуманизма*, активно разрабатываемая сторонниками технотронной стратегии развития человеческого общества, является ничем иным как очередной разновидностью рассматриваемой доктрины деконструкции человека. Только теперь мы уже получаем деконструкцию научно-технического типа, то есть провозглашение «*во имя прогресса*» технологического симбиоза человека и машины вместо идеалов всестороннего совершенствования человеческой сущности.

По убеждению таких идеологов, новый *человек-киборг* должен в конечном счёте победить природного *Homo Sapiens* и его более совершенные будущие эволюционные версии («богочеловека», «одухотворенного

---

[111] *Андреев Д.Л.* Роза Мира. – М., 1993. С.11, 171.

[112] Философская суть антропологической проблемы в конечном счёте состоит в понимании сущности человека, смысла его космического бытия и целей эволюции разумной жизни. Доминирующие линии развития западной философии конца XX – начала XXI веков (позитивизм, постмодерн, трансгуманизм) весьма далеки от решения этой проблемы.

сверхчеловека», «ноосферного человека») и закопать их всех в историческую могилу как разновидности слабого, ущербного, ограниченного вида разумной жизни.

Именно здесь проходит главный философский барьер между нарастающими антигуманными интенциями *Западной цивилизации* и гуманистическими идеалами новой *Евразийской цивилизации*, которая должна поверить в великие возможности восходящего человеческого духа и создать социально-культурные условия для их реального осуществления.

В этом смысле совершенно актуально звучат мысли некоторых политических экспертов, полагающих, что лидерство в новом мире будут обеспечивать не столько экономические возможности и традиционная военная сила, сколько высокие моральные ценности, эффективные государственные стратегии и «*способность предложить человечеству новую мечту*» (В.А. Никонов[113]).

Евразийская цивилизация с опорой на этические принципы лучших религиозных учений, классическую восточную и русскую философскую мысль, идеи нового евразийский духовного гнозиса призвана утвердить антропологический образ *совершенствующегося человека*, который не скован цепями низших животных инстинктов, пустого потребительского менталитета и разрушительного социального эгоизма. Метаисторические цели земной цивилизации на самом деле не ограничены спекулятивными биржевыми индексами, котировками акций и размерам торгового профицита. Они вообще находятся за пределами экономических категорий и интересов, которые сдавили общественное сознание как слесарные тиски.

---

[113] *Никонов В.А.* Код цивилизации. Что ждёт Россию в мире будущего? – М.: Русское слово, 2020.

Метаисторические цели бытия выводят человеческий дух за пределы тесного планетарного существования в бескрайние вселенские просторы, где высокоразвитый земной разум должен стать новой духовной силой созидательного преображения Космоса. Здесь идея великого духовного преображения человека, отраженная в классической индийской, китайской, арабской, тибетской философии резонирует высоким философским идеалам русских мыслителей-космистов, которые обосновывали *незавершенность человека* как духовного и физического существа, неизбежность его дальнейшей эволюции и необходимость выхода земной разумной жизни на космические просторы Вселенной.

На Западе мало кто понимал эти идеи. Некоторые глубокие европейские мыслители в своё время не были услышаны, а теперь они и вовсе забыты. Хотя, например, Карл Ясперс вполне определённо указывал, что «*человек не есть существо законченное или способное быть завершенным*»[114]. Подобно своим современникам Николаю Бердяеву и Николаю Рериху он почувствовал «*демонический характер техники*» ещё до появления первого компьютера и информационных нейросетей с элементами искусственного интеллекта.

Предвосхищая формирование идеологии технотронного трансгуманизма, такие мыслители предупреждали нас, что техника, оторвавшись от смысла человеческой жизни однажды «*превращается в средство неистового безумия нелюдей*». Поэтому весьма откровенно и своевременно звучит прозрение немецкого философа, признававшего, что «*в Азии есть то, чего нам недостает и что имеет для нас серьёзное значение*». А

[114] *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / Пер с нем. – М.: Республика, 1994. С.257.

именно: мы совсем не находимся, писал он, на пути *совершенствования человеческой природы*[115].

Если новая Евразийская цивилизация не положит в свою основу идеи *совершенствования человеческой природы* и *духовной эволюции сознания*, принципы свободного *содружества народов* во имя Общего Блага и *космические интенции разумного духа* – она снова войдёт в замкнутый исторический лабиринт примитивного материального существования и меркантильного эгоизма, в котором в своё время потерялись и драматически погибли многие известные и неизвестные цивилизации далёкого прошлого.

Таким образом, надо ещё раз отметить, что главная метаисторическая задача Евразийской России состоит вовсе не в банальном развитии экономики и традиционной защите своего политического пространства (о чем постоянно говорят с высоких трибун), но в формировании культурных условий для альтернативного, *эволюционно прогрессивного пути* развития формирующегося Евразийского Сообщества и всей земной цивилизации. Поэтому, как справедливо полагали некоторые выдающиеся мыслители, *Сокровенная Россия* – это вовсе не государство и не географическая территория. Это *Метаисторический Мост* к одухотворенной цивилизации нового типа, который должен быть открыт титанами духа, укреплён великими политическими мастерами и защищён бесстрашными героями силой мудрого слова и мощью крепкого меча.

[115] Там же. С.90, 140.

9

НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

В условиях современной постиндустриальной и уже в значительной мере информационной цивилизации научный потенциал общества (государства) приобретает не просто существенное, но без преувеличения решающее значение. Как известно, ещё в период Нового времени наука резко усиливает свои мировоззренческие и практические позиции. Она становится мощной познавательной, производительной, преобразующей и даже социальной силой, определяющей развитие новых технологий, энергетические возможности общества и биомедицинское выживание человека.

Многие люди даже не задумываются о том, что ни одно из важнейших технических достижений современного человечества, ни одна из критически необходимых современной цивилизации технологий не могла появиться без успехов фундаментальной, а затем и прикладной науки. Это касается использования двигателя внутреннего сгорания, электротехники, авиастроения, ядерной энергии, сложных химических соединений, систем связи и коммуникации, компьютерных информационных систем, биотехнологий, космической техники.

Дальнейшее выживание и поступательное развитие человечества не может быть основано на старой энергетике (сжигании угля, газа и продуктов нефтепереработки) и экстенсивном использовании природных ресурсов. Необходим технологический рывок. Нужны энергетические, информационные и когнитивные достижения более высокого порядка. Пора подниматься на новую ступень овладения силами внешней природы

и внутренней психофизической сущности самого человека.

Каждый образованный специалист понимает, что никакие фокусы виртуальной западной экономики (биржевые спекуляции, майнинг криптовалюты, монетарные игры с ликвидностью и долговыми активами) не дадут человечеству нового технологического рывка без реальных достижений фундаментальной науки, которые потом можно применить в конкретных аппаратах, системах и технологиях. Любая – большая или маленькая страна, не имеющая развитого научного потенциала, обречена на подчинённое и неустойчивое положение среди передовых государств, выступающих научно-техническими лидерами современного мира.

Поэтому Евразийская Россия может состояться и выжить в острой конкурентной борьбе лишь как новый *мировой центр научного знания* и *высоких технологий*. Стратегия развития, построенная только на использовании и продаже в другие страны богатых природных ресурсов обречена на провал. Теперь вполне очевидно, что российская либеральная экономическая мысль конца XX - начала XXI столетий, которую осуществляли «*птенцы гнезда Егора Гайдара*», оказалась несостоятельна. Немалые финансовые средства, получаемые за счёт реализации природных ресурсов, должны были вкладываться не в иностранный валютный мусор и ненадёжные долговые обязательства (которые вдруг оказались мыльными пузырями), но в развитие научного знания, фундаментального образования и передовых технологий мирового значения.

Так что же мы имеем в нашей науке и образовании после тридцати лет постоянной трансформации и радикальных реформ? Представители профильных ведомств порой делают громкие заявления о значитель-

ных успехах российской науки и системы образования. Однако профессиональному сообществу пока трудно соглашаться с неубедительными победными реляциями и попытками выдавать желаемое за действительное.

Реальная картина со стороны школьника и школьного учителя, студента и профессора университета, начинающего исследователя и признанного научного авторитета, к сожалению, выглядит совершенно иначе. Можно, конечно, не принимать в расчет субъективные представления тех, кого учат, тех, кто обучает и тех, кто занимается реальной наукой. Их угол зрения, как иногда говорят, может быть недостаточно широк.

В таком случае, можно отойти от субъективных оценок и широко посмотреть на некоторые тревожные тенденции объективной социальной действительности. Например, далеко не секрет, что дети российской политической и бизнес элиты, оказывается, совсем не горели желанием учиться в российских вузах. По крайней мере до 2022 года многие из них учились в Европе, Британии и США.

Профильные чиновники, по всей видимости, не любят докладывать политическому руководству страны о том, что до сих пор нет ни одного российского университета, который занимал бы лидирующие позиции в каком-либо престижном международном рейтинге. Кроме того, отток молодых российских учёных за рубеж продолжается уже несколько десятков лет подряд. На этом фоне многие виды высокотехнологичной продукции Россия долгие годы была вынуждена ввозить из-за границы: микрочипы, электронику, компьютерную технику, авиадвигатели, сложные станки, компоненты продукции автопрома, фармацевтику и так далее.

Для полноты картины можно обратить внимание на некоторые показательные цифры, которые исключают всякий субъективизм.

В период реформ с 1990 по 2022 год Нобелевскую премию получили всего шесть граждан России (М.С. Горбачёв – 1990 г., Ж.И. Алферов – 2000 г., А.А. Абрикосов и В.Л. Гинзбург – 2003 г., К.С. Новосёлов – 2010 г., Д.А. Муратов – 2021 г.). Первый и последний в списке – это Премия мира, остальные - за достижения в области физики. Сравним с числом Нобелевских лауреатов из США за тот же период с 1990 по 2022 год: это 206 человек, получивших премии за достижения в различных отраслях научного знания. Приведённое соотношение лауреатов, разумеется, не отражает полную картину развития научного знания в России и Америке. Она безусловно сложнее. Тем не менее данное соотношение указывает, как минимум, на определённые проблемы с поддержкой фундаментальной науки и высшего образования в нашей стране.

На эти проблемы указывают и другие тревожные цифры. По данным Министерства образования и науки, за пятнадцать лет с 1989 года по 2004 год из России уехало примерно 25 тысяч ученых, а 30 тысяч работают за рубежом по временным контрактам (Д.С. Ливанов). По другим данным, согласно независимым неправительственным источникам, только за первую половину 90-х годов из страны на работу в другие государства выехало не менее 80 тысяч ученых, а прямые потери бюджета всего за несколько лет составили не менее 60 миллиардов долларов[116].

Российская академия наук подтверждает эту негативную тенденцию. Россия является единственной развитой страной, в которой несколько десятилетий подряд наблюдается устойчивый отток научных кадров за рубеж. В результате за годы реформ общее количество исследователей сократилось с 992000 до 348000 человек. С 2012 года количество ежегодно уезжающих за

[116] *Киреев М.* Исход ученых умов // Der Spiegel (08.10.10).

рубеж состоявшихся и молодых учёных увеличилось в пять раз с 14000 до 70000 человек[117]. Причём количество аспирантов с 2010 по 2019 год сократилось с 157000 до 84000 человек, а доля защит диссертаций от общего числа аспирантов в 2020 году не превышала 9% (Президент РАН А.М. Сергеев). Почему такое количество исследователей массово покидают свою страну и так катастрофически сокращается приток молодых специалистов в науку и образование?

Заслуживает внимания и анализ, проведенный на основе известной международной базы научного цитирования Scopus: более 50 % публикаций российской научной диаспоры поступают из США. При этом наиболее цитируемые российские учёные так же работают в США. На их долю приходится 44 % всех ссылок (период после 2003 года). На долю российских учёных, работающих в России, приходится всего 10 % научных ссылок[118].

Немаловажный вопрос – это положение российских университетов среди вузов других государств. Так, например, во всемирном рейтинге вузов *QS World University Rankings*[119] за 2020 год из тысячи лучших университетов мира на первых пяти позициях находятся американские и британские высшие учебные заведения: Массачусетский технологический институт (США), Стэндфордский университет (США), Гарвардский университет (США), Оксфордский университет (Великобритания), Калифорнийский технологический

[117] Данные приводятся по оценкам главного учёного секретаря президиума РАН *Н.К. Долгушкина* // www.nauka.tass.ru (20.11.21.)
[118] *Малышев В.* Таланты для чужих // Информационно-аналитическая служба: Русская народная линия // www. ruskline.ru (23.09.15)
[119] Международный рейтинг университетов по версии британской компании Quacquarelli Symonds (QS).

институт (США). Пятерка лучших российских вузов начинается с Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (84 место). Далее идут: Новосибирский государственный университет (231 место), Санкт-Петербургский государственный университет (234 место), Томский государственный университет (268 место), Московский физико-технический институт (302 место).

Можно, разумеется, развернуть дискуссию о том, насколько справедливы и адекватны параметры оценки уровня университетов. Однако, вероятно, дело вовсе не в параметрах. Возможно, от изменения некоторых из них в благоприятную для нас сторону российские университеты в подобных рейтингах поднимутся ещё на несколько десятков ступеней. Но разве это что-то кардинально меняет? Для страны с великими научными традициями и некогда лидирующими позициями в сфере образования нахождение её лучших университетов в третьей мировой сотне есть весьма красноречивый и унизительный показатель реального положения вещей.

Для сравнения можно обратить внимание на Московский международный рейтинг вузов «*Три миссии университетов*» за 2020 год, который в целом подтверждает отмеченный негативный тренд на фоне некоторого улучшения позиции российских вузов. Он охватывает университеты из 97 стран мира, в том числе 101 высшее учебное заведение из России. На первых десяти позициях там находятся только американские и британские вузы. Лидирует Гарвардский университет. В топ-100 этого рейтинга представлены всего три российских участника: МГУ им. М.В. Ломоносова (21-е место), Санкт-Петербургский государственный университет (40-е место) и МФТИ (46-е место).

Приведенные выше показатели есть лишь незначительная часть огромного массива фактологических

данных, свидетельствующих о *серьёзном кризисе российской науки* и тесно связанной с ней системы высшего образования. Мы не открываем здесь ничего нового. Специалистам подобные данные хорошо известны. Поэтому говорить с больших трибун о каких-то успехах непрерывных реформ системы образования, подготовки научных кадров и науки вообще пока преждевременно. Мы глубоко убеждены, что государственная политика в области развития науки и образования требует *существенной и незамедлительной коррекции*.

Не претендуя на всесторонний анализ рассматриваемой проблемы, попытаемся далее обратить внимание лишь на отдельные наиболее существенные, на наш взгляд, аспекты негативных изменений системы образования и науки в России, которые требуют кардинального переосмысления и практического реагирования академического сообщества и политической элиты страны. К ним можно отнести: ценностную парадигму образования, структуру образования и науки, так называемый «Болонский процесс», систему финансирования, а также стратегические приоритеты научного и технологического развития.

На определённом этапе российских либеральных реформ некоторыми чиновниками в общественное сознание была вброшена известная аксиологическая формула «*образование есть услуга*», оказываемая государством населению. Под влиянием этой формулы продолжилась начатая ещё в 90-е годы незаметная трансформация высоких идеалов гуманистической парадигмы образования, унаследованной демократической Россией ещё с советских времён.

Такой упрощенный и утилитарный подход к сущности образования нивелирует всю его высокую духовную ценность для личности и фундаментальную куль-

турную значимость для общества. Он ставит систему образования фактически в один ряд с другими услугами государства, например, по регистрации актов гражданского состояния (родился, женился, умер) или бытовыми услугами муниципалитетов, например, по организации банного обслуживания населения. В системе бюрократических координат новоявленного «эффективного» управленца обучение индивида в университете и помывка индивида в бане в таком случае приобретает почти тождественный экзистенциальный характер.

В этих строчках легкая улыбка иронии тонет в слезах горечи, так как реальное управление системой образования в России уже давно осуществляется не из сущностных соображений воспитания и обучения молодого человека как патриота, гражданина, специалиста и семьянина, но из поверхностных соображений формального бюрократического администрирования. Весь процесс теперь фактически разворачивается не в интересах развивающейся личности, но в интересах корпорации управленцев по оптимизации бюджета и повышению эффективности контроля за педагогическим работником. Вот почему творческое содержание педагогической деятельности всё чаще подменяется сомнительной наукометрической статистикой, всякими новыми аттестациями и пустыми тестами.

Вполне закономерно, что радикально либеральная аксиологическая парадигма «*образование есть услуга*» породила соответствующее отношение государства к средней и высшей школе. Сокращение финансирования и так называемая «*оптимизация образовательных учреждений*» явились прямым следствием тихого и незаметного дистанцирования государственных институтов от своих социальных обязательств перед гражданами, закрепленных в Конституции Российской Федерации. В итоге страна получила закрытые школы в сель-

ской местности, низкооплачиваемого учителя, сокращение бюджетных мест в вузах, падение дидактического уровня школы, деградацию среднего профессионального образования, стагнацию высшего образования, катастрофическое недофинансирование университетов и постоянный отток специалистов высокого уровня из школ, колледжей и университетов.

Мы полагаем, что давно настало время отказаться от разрушительной формулы «*образование есть услуга*» и заменить её созидательной формулой «*образование есть система освоения высших культурных ценностей человечества*», в сохранение и развитие которой каждое социальное государство должно инвестировать значительную часть своего общего дохода.

В таком случае вложения в развитие системы образования становятся не пустой тратой ограниченных бюджетных средств (как полагают некоторые администраторы), но предстают как *золотые инвестиции* в высокий культурный уровень своего народа, в реальные научные достижения и высокотехнологичную постиндустриальную экономику. Зависимость здесь вполне проста: без высокообразованной личности нет реального творческого потенциала для развития науки, а без новых научных достижений любая страна останется на задворках стремительного научно-технологического развития современной цивилизации.

Поэтому финансовая и структурная оптимизация образования с точки зрения государственной безопасности должна квалифицироваться как *подрывная попытка* агентов влияния иностранных государств (прозападных либеральных реформаторов) превратить Россию в отсталую «*банановую республику*», покорно закупающую сложные системы и технологии за границей на доходы от продажи своих природных ресурсов. Какие нужны ещё аргументы для обоснования вполне

очевидной истины: любая страна, не имеющая эффективной системы образования, в современном мире фатально обречена на быстрое социокультурное и технологическое вырождение. Всю опасность этой ситуации мы ощутили в период масштабных антироссийских санкций коллективного Запада после 2022 года, когда страны НАТО попытались заблокировать продажу российских нефти, газа, металлов, удобрений.

Рассматривая вопрос финансирования системы образования, мы неизбежно сталкиваемся с более фундаментальной проблемой: *сущностью государства* как такового. Иными словами, базовые идеологические установки государства (институтов власти) определяют приоритеты развития и финансирования всех иных общественных институтов. С философской точки зрения, существует всего два крайних сущностных типа государственной системы, которые можно условно обозначить как: *антигуманное утилитарное государство* и *гуманистическое перфекционистское государство*.

Эти понятия мы используем в самом широком смысле и предполагаем, прежде всего, два фундаментальных вопроса:

А) для чего существует государство?

Б) в каких целях используются все его материальные и управленческие ресурсы?

Между отмеченными крайними (абстрактными) сущностными типами государства находится огромное историческое множество реальных разновидностей государства, каждое их которых ориентировалось либо на одни, либо на другие группы ценностей.

Первый обозначенный (антигуманный и утилитарный) тип государства не предполагает идеи всестороннего развития и совершенствования человека. В таком государстве основная масса людей является лишь социальным средством к достижению целей власть

имущих. Против этого в своё время выступил ещё Иммануил Кант: человек не может и не должен быть средством для другого человека.

Цели власть имущих, как правило, отличаются утилитарным, меркантильным, материальным и гедонистическим характером. Такое государство использует свои ресурсы для сохранения власти и преумножения богатства высших элитарных слоёв (политических, экономических, военных, религиозных – в зависимости от конкретной исторической специфики). Однако ресурсы власти и материального богатства не используются для развития человека как такового.

Почти все политические системы в реальной человеческой истории можно в той или иной мере отнести к категории антигуманных утилитарных государств. Такими были древние восточные деспотии, такими были Римская, Османская или Британская империи, такими были европейские государства Средних веков и Нового времени. Даже современное Американское государство, позиционирующее себя в качестве «*эталона демократии*», относится к рассматриваемой категории.

В Америке есть хорошие университеты. Но они существуют в парадигме бизнес-корпораций, отражающих идеологию утилитаризма, со всеми её социальными последствиями. В американской социальной системе нет идеи совершенствования человека как высшей цели, нет всеобщего гуманизма, нет принципа использования экономического богатства для духовного развития общества. Не случайно, что важнейшее культурное значение системы образования вообще никак не отмечено в Американской Конституции.

Американское государство не рассматривает в качестве своей важнейшей цели развитие конкретного американца через образовательные и иные культурные

институты. Это есть всего лишь особая услуга, которую некоторые граждане могут купить за деньги. Нет денег – не будет и услуги. Трудно не заметить, что российские либералы с конца XX века пошли именно по этому пути и низвели важнейшую гуманистическую и социальную функцию государства до одной из тривиальных услуг, финансирование которой в капиталистическом потребительском обществе не должно сильно обременять государственный бюджет.

Государство гуманистического и перфекционистского типа существует для совершенствования человека, развития его духовной сущности, раскрытия его творческого потенциала, эволюционного совершенствования его сознания, повышения его культурного уровня, космического восхождения его разумного духа. В чистом виде такого государства в человеческой истории не существовало никогда. Это есть далёкий метаисторический идеал из разряда социальных утопий Платона, Томаса Мора и Томазо Кампанеллы.

Однако некоторые попытки построить государственную систему на идеях совершенствования человека и духовной истины всё же известны: это древняя индийская империя Маурьев под предводительством великого покровителя буддизма Ашоки, тибетское теократическое государство в Средние века, религиозные (исламские) государства Аравийского полуострова. Насколько такие попытки были успешными – это совершенно другой вопрос. Для нас сейчас важно то, что в основу таких государств были положены совершенно иные ценности и принципы, не имеющие прямого отношения к преумножению материального богатства, власти над другими народами, потребительской роскоши и неограниченного гедонизма.

Вероятно, самая успешная попытка в построении государства *перфекционистского типа* была предпри-

нята в Советском Союзе. Мы выносим за скобки известные просчёты и ошибки советской партийной элиты в других вопросах. В контексте рассматриваемой проблемы крайне важным является то, что государство впервые в истории сознательно декларировало цель *всестороннего развития человека* и на практике предпринимало титанические усилия для её социального осуществления. Экономические ресурсы советского государства щедро вкладывались, прежде всего, в развитие образования, науки, культуры и медицины, которые стали доступны широким слоям нового общества.

В качестве показательной иллюстрации можно вспомнить, например, что самая разрушенная после Второй мировой войны страна посчитала возможным и необходимым направить огромные средства на строительство архитектурного шедевра – комплекса новых зданий Московского государственного университета. Советская партийная элита, в отличие от современной, вполне понимала, что именно *система образования* определяет будущее страны, её культурные, научные, технические достижения и оборонный потенциал.

Именно *гуманистическая идеология* всестороннего развития человека предопределяла все социальные новации, приоритеты и достижения коммунистической империи: совершенно бесплатное образование от детского сада до докторантуры, высокий культурный уровень и творческий потенциал советского народа, великие научные и технические успехи от авиастроения, космонавтики, ядерной энергетики до разработки основ технологии термоядерного синтеза. Этот подход в значительной мере смогли оценить и перенять китайские товарищи. Результаты развития образования и научно-технической политики в КНР теперь вполне очевидны и не требуют каких-либо развёрнутых пояснений.

Таким образом, в развитии образования и науки после крушения Советского Союза российские реформаторы попытались пойти по американскому пути. Итоги такого движения были отмечены выше. Тридцать лет российская система образования находится в состоянии глубокой стагнации. Полагаю, что наметившиеся усилия государства в решении этой проблемы не должны ограничиваться частными мерами. Вопрос стоит более радикально. Политическая и культурная элита новой Евразийской России будет строить антигуманное потребительское общество или общество высокого гуманизма и всестороннего развития человека? Решение этого важнейшего философского, идеологического и аксиологического вопроса кардинально предопределяет политику развития образования, науки и культуры.

Теперь о структурном построении системы образования в России. Сложившаяся в начале XXI века общая структура является социальной мутацией наследия советской системы и принципов Болонского процесса. Что же получилось в итоге? Дошкольное образование, одиннадцатилетнее среднее общее образование (школа), начальное и среднее профессиональное образование, трёхуровневое высшее образование, которое на определённом этапе стало включать научную подготовку к защите диссертации (аспирантуру). На текущем этапе основные структурные проблемы сконцентрированы на уровне среднего профессионального и высшего профессионального образования.

Первое из них утеряло свою общественную привлекательность и материально-техническую базу. Хороших профессиональных лицеев и колледжей катастрофически не хватает. Однако проблема состоит не только в слабом финансировании, но и в малопонятном и непрестижном итоговом образовательном статусе молодого человека, заканчивающего такие учебные учре-

ждения. Решением проблемы мог бы явиться, например, статус *прикладного (технического) бакалавра* после обучения по некоторым программам среднего профессионального образования повышенной сложности.

Такое обучение в отличие от высшего образования должно иметь узкую практическую специализацию, позволяющую заниматься конкретной профессиональной деятельностью, не предполагающей управления большими коллективами и разработку сложных технических систем. Управление требует более серьёзного изучения социально-гуманитарных дисциплин. А инновационная разработка технических систем предполагает более глубокую естественнонаучную и инженерную подготовку.

Структура высшего профессионального образования тоже требует совершенствования. Как известно, в 2022 году в России был взят курс на дистанцирование от Болонского процесса и формирование системы образования, построенной на собственных духовных традициях и достижениях. Полагаю, что он требует всемерной поддержки со стороны академического сообщества и дальнейшего развития. Одной из важнейших первоочередных проблем является построение общей структуры и стратификации высшего образования по уровням сложности и решаемым задачам. Нам представляется, что программы обучения в вузах должны быть дифференцированы на два альтернативных направления: *фундаментальное* высшее образование и *прикладное* или *специальное* высшее образование.

Первое направление предполагает университетскую подготовку по траектории *интегрированной магистратуры* или *фундаментального специалитета* (шесть или пять лет обучения). Иными словами, это есть классические и исследовательские университетские образовательные программы, изначально рассчи-

танные на длительный срок обучения и фундаментальную академическую подготовку.

Выпускники такого университета должны быть ориентированы на научную деятельность, преподавательскую работу в вузах, экспертную работу в органах власти. По этим образовательным программам должны обучаться студенты, специализирующиеся на философии, политологии, филологии, теоретической экономике, фундаментальной математике, теоретической физике, теоретической химии, биологии и фундаментальной медицине, информатике, общей теоретической психологии и другим направлениям подготовки повышенной сложности.

Второе альтернативное направление высшего образования предполагает подготовку по траектории *прикладного специалитета* различного профиля (четыре или пять лет обучения). Такие программы обучения должны быть ориентированы на решение практических и прикладных задач в различных отраслях науки, экономики, сферы производства, культуры, социальной сферы, обороны и безопасности государства.

Однако и здесь важно дать студенту не частичное и ознакомительное образование (*бакалавриат* по Болонской системе), но вполне законченное и цельное. Так как это было в советский период нашей истории, когда выпускник даже сугубо специального технического института или высшего военного училища обладал глубокой гуманитарной, общенаучной и общеинженерной подготовкой. По всей видимости, большая часть учреждений высшего профессионального образования (институты и академии) сейчас должны быть ориентированы на прикладной специалитет.

В этой связи, необходимо поставить вопрос о возрождении традиционных канонов и целей классического университетского образования. Немало современных

университетов на самом деле девальвируют университетский статус высшего образования в силу целого ряда причин (кадровых, структурных, дидактических, научных и так далее).

Настоящий *Университет* – это фундаментальная опора светской духовной культуры, научного знания и социальной системы общества. Университет предстаёт главным концентратором достижений всей мировой духовной культуры, выступает хранителем культурного кода российского супер-этноса, содержит океан научного знания и формирует высшие ступени культурной социализации новых поколений. Более того, именно Университет должен явиться главной идейной колыбелью новой культурной аристократии духа, высшей научной и политической элиты общества.

Университет *классического* или современного *исследовательского* типа не должен быть низведён до утилитарного, узкого и прикладного обучения по урезанным образовательным программам. Прикладное образование в современном мире, вне всяких сомнений, имеет крайне важное значение. Но это вовсе не университетское образование. Как говорится, не надо смешивать различные сущности. Пусть активно развиваются вузы другого типа, которые в нашей традиции теперь называют «*высшими школами*», «*академиями*» и «*институтами*». Великие цели настоящего университета – это сохранение и приумножение фундаментального знания и высших ценностей, имеющих цивилизационное, эволюционное и историческое значение. Такое знание охватывает гуманитарную, естественнонаучную и техническую сферы в их особо важных аспектах.

Крайне важным вопросом, который находится на пересечении проблемных полей высшего образования и научной деятельности, является объём учебной нагрузки преподавателя вуза. При существующих завышен-

ных нормативах (800 - 900 часов аудиторной нагрузки в год) и запредельных бюрократических требованиях к организации учебного процесса плодотворная научная деятельность, глубокая подготовка к занятиям, дальнейшее профессиональное саморазвитие преподавателя становятся практически невозможными.

Образовательный процесс превращается в безликий и бездушный технологический конвейер, который отвергает всякую осмысленную творческую деятельность по формированию и развитию молодого человека и будущего специалиста. Нередко всё это сопровождается откровенной профанацией и имитацией учебной, методической и научной работы. Профессиональные преподаватели вполне понимают контекст рассматриваемого вопроса.

Если мы ожидаем и требуем от преподавателя высшей школы научную деятельность (а это есть правильный подход), то необходимо дать ему возможности ей заниматься. В таком случае объем учебной нагрузки должен быть лимитирован федеральным законом. Так оно и было в советской модели высшей школы, которая работала вполне эффективно. На уровне конкретного университета или института эта проблема не решается. Администрации любого вуза в условиях современной социально-экономической системы и тотального недофинансирования высшей школы крайне выгодно иметь меньше преподавателей, которые будут находиться в аудитории, образно говоря, с раннего утра до глубокой ночи.

Кстати, такая ситуация порождает не только сложности с научной деятельностью, но и является основной причиной раннего психологического выгорания преподавателя высшей школы. В результате мы теряем десятки тысяч работников сферы образования и науки каждый год и этот негативный процесс саморазруше-

ния фундаментальных основ нашего общества и нашей культурной идентичности никто не может остановить уже более тридцати лет.

Теперь о проблемах подготовки научных кадров. Следует признать большой ошибкой перевод ступени *научной подготовки* (аспирантура и адъюнктура) в статус *третьего уровня высшего образования*. Практически никто из известных мне университетских профессоров и аспирантов не понимал, зачем нужна и что практически даёт молодому человеку третья ступень высшего образования. Эти странные эксперименты пора заканчивать. К слову, на данную проблему в январе 2019 года обратил внимание даже Президент В.В. Путин. После этого решение проблемы сдвинулось с мёртвой точки. Мы полагаем, что и в этом аспекте опыт советской системы подготовки научных кадров в целом можно признать вполне успешным, а потому целесообразно ориентироваться на него в качестве основы для дальнейшего развития в контексте задач новой эпохи.

Назначение аспирантуры в современных условиях предполагает решение трёх главных задач: научная специализация по выбранному профилю, общенаучная и педагогическая подготовка к преподавательской работе в высшем или среднем учебном учреждении, подготовка научного исследования (диссертации) с последующей публичной защитой среди специалистов. Некоторое время назад аспирант был перегружен учебными занятиями, а преподаватель бюрократической подготовкой всевозможных учебно-методических материалов. В итоге аспиранту некогда писать диссертацию, а профессору некогда заниматься реальной научной деятельностью и непосредственной консультативной работой с аспирантом.

В идеале самые необходимые учебные дисциплины в общем итоге должны составлять не более одной

трети или даже четверти времени обучения в аспирантуре. Всё остальное время аспирант должен тратить на научную работу вообще и подготовку диссертации, в частности. Полагаю, что трёх базовых курсов по подготовке к традиционным кандидатским экзаменам (*История и философия науки*, *Иностранный язык*, *Дисциплина научной специализации*) и двух дополнительных курсов для подготовки к педагогической деятельности (*Философия образования*, *Когнитивная и педагогическая психология*) вполне достаточно, чтобы на базе специалитета или магистратуры сформировать у молодого человека определенную теоретическую и методическую готовность к работе в вузе или колледже.

Другая важнейшая проблема современной российской системы подготовки научных кадров состоит в существовании крайне усложнённой модели стратификации научных статусов через учёные степени и учёные звания. Как известно, Российская Федерация в 2003 году присоединилась к Болонскому процессу, направленному на унификацию систем образования европейских государств. Однако если в большинстве стран мира, в том числе и в Европе, система научной аттестации предполагает три основные ступени (бакалавр, магистр, доктор наук), то в России всё оказывается намного сложнее[120].

Фактически в РФ до 2023 года существовало четыре академические степени: бакалавр, магистр (специалист), кандидат наук, доктор наук. Хотя формально, с точки зрения действующих нормативных документов, степени бакалавра и магистра (специалиста) к ученым степеням не приравнивались и в таком качестве не рассматривались. «Бакалавр» и «магистр» по документам

[120] Организация, уровни и квалификации образования в зарубежных странах. Справочно-методическое пособие / Под ред. *В.М. Филиппова*. – М., 2004.

Министерства образования и науки РФ рассматривались как *академические квалификации* по соответствующему направлению подготовки (высшего профессионального образования). Ситуация усложняется ещё и тем, что в России в процессе своего академического совершенствования талантливый молодой человек вынужден защищать различные диссертации нарастающей сложности трижды: магистерскую, кандидатскую и докторскую.

Очевидно, что российские реформаторы, встав на туманный Болонский путь, так и не смогли сделать сложный и ответственный выбор: перейти на западную систему научной аттестации без степени кандидата наук с магистерской и докторской диссертациями или остаться в русле советской традиции без степени магистра, но с кандидатом и доктором наук. Решение этой проблемы уже давно назрело и российское академическое сообщество по итогам открытой публичной дискуссии должно, наконец, определить и внедрить наиболее эффективную для нашей социально-культурной действительности модель.

Нам представляется, что чрезмерное усложнение системы научной аттестации затрудняет реальную научную деятельность, заставляя исследователя постоянно выполнять те или иные сложные квалификационные работы (диссертации) вместо работы над актуальными исследовательскими проектами. В этом смысле, например, американцы поступают более прагматично, и здесь их опыт может иметь вполне позитивное значение. Поэтому российская система научной аттестации могла бы предполагать одну единственную ученую степень – *доктора наук* по отраслям научного знания. При таком подходе степень магистра остаётся академической квалификацией, но не учёной степенью. В науч-

ном сообществе эта модель уже давно обсуждалась, но реального движения пока не наметилось.

Альтернативный (двухуровневый) подход может предполагать две ступени: *учёную степень магистра наук* и *учёную степень доктора наук*. Теоретически это тоже вполне допустимо. Однако на наш взгляд, выпускная работа магистра (так называемая «*магистерская диссертация*»), как правило, всё же является скорее хорошей квалификационной работой, чем реальным, полноценным, весомым научным исследованием. В этом контексте, чтобы не девальвировать статус ученой степени, можно было бы не поднимать академическую квалификацию (степень) магистра до статуса полноценной учёной степени.

В развитие этого вопроса необходимо артикулировать ещё одно важное соображение относительно *Болонского процесса*. Наивные представления наших либеральных реформаторов о том, что Западный мир радостно и благодушно после крушения СССР примет новую демократическую Россию в свои объятия, оказались весьма далеки от суровой реальности. Вместо взаимовыгодного сотрудничества с США и Евросоюзом в начале XXI столетия Россия получила политику сдерживания, экономические санкции и жесткое военно-политическое давление по всем линиям дипломатического соприкосновения и украинского фронта.

Мы уже отмечали, что фундаментальная проблема взаимодействия Российской и Западной цивилизаций состоит, прежде всего, в том, что американские и европейские элиты не желают вести политический диалог с Россией на равных, с учётом взаимных интересов. Поэтому в конечном счёте не имеет значения, кто именно управляет Россией и какой политический режим в ней доминирует – монархический, авторитарный или демократический. Нам постоянно пытаются указывать на

наше место – место в историческом тёмном углу, предназначенное для зависимых, подчинённых и слабых. Любая попытка российского этноса выбраться из этого тёмного угла вызывает жёсткое системное противодействие вплоть до военной агрессии[121].

В исторической ретроспективе это есть вполне объективный факт, пока ещё недостаточно осмысленный российским политическим и массовым сознанием. Поэтому при адекватном восприятии социально-политической действительности возникают вполне закономерные экзистенциальные вопросы: зачем России ожидать благосклонности Запада и для чего ей нужна унификация системы образования с европейскими государствами, занимающими по отношению к ней откровенно враждебную позицию?

Не следует забывать так же и о том, что западная модель образования резко *понизила высокие стандарты* российской системы образования, унаследованные из советского прошлого. Они предполагали ориентацию на идеи *высокого гуманизма* и *всестороннего творческого развития* личности, *принципы фундаментальности подготовки* в школе и вузе, *широкую социальную доступность* образовательных учреждений (бюджетное финансирование), *высокий социальный статус* учителя и преподавателя, как важнейших творцов мировоззрения новых поколений. С учетом драматических событий последних тридцати лет новой российской истории приходит время философски переосмыслить стратегический вектор развития страны в целом и системы образования, в частности[122].

---

[121] *Аблеев С.Р., Золкин А.Л., Кузьминская С.И., Марченя П.П.* Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии. Изд. 2-е. – М., 2018. С.5.

[122] Реформы образования: Аналитический обзор / Под ред. *В.М. Филиппова*. – М., 2003.

Необходимо обратиться к осмыслению и возрождению лучших национальных духовных традиций в построении приоритетов и содержания образования на всех его уровнях. Практику бездумного иностранного заимствования и псевдонаучные инновации (постоянные бюрократические игры со стандартами ВПО и СПО, систему далёких от жизни «компетенций», формальные рейтинги цитирования и др.) пора уже заканчивать. Приходит время для широкой общественной и академической дискуссии о целях, стратегических основах и моделях финансирования российской системы образования.

Вполне очевидно, что если Российское государство является *государством социальным* (как записано в Конституции), то оно несёт существенную, если не основную ответственность за состояние и развитие образовательных институтов нашего общества. Следовательно, оно не может и не должно остаться в стороне от решения этих фундаментальных проблем в этот переломный момент нашей истории.

Другая важнейшая проблема современного образования – это так называемая *дегуманизация*. Она затрагивает практически все относительно развитые страны мира. Стремительное развитие информационного общества порождает проникновение новых технологий производства и коммуникации в различные сферы современной цивилизации. Не является исключением и сфера образования. Здесь, как и в экономике, укрепилась аксиологическая *парадигма радикального модернизма*, согласно которой, всякая инновация априори является благом. В действительности, конечно, всё обстоит намного сложнее и противоречивее. Далеко не каждое техническое или социальное новшество обладает исключительно позитивными качествами. Оно может

порождать и некоторые негативные или вовсе нежелательные процессы[123].

Во всяком случае, каждая инновация должна восприниматься диалектично, как сложное и противоречивое явление, ценность которого подлежит критичному осмыслению среди специалистов. Приведённые соображения вполне очевидны даже на уровне обычного здравого смысла, тем более на уровне философского анализа социальных процессов. Однако реальная жизнь оказывается далека от этой очевидности.

Какие же новые информационные технологии активно внедряются в сферу образования? Прежде всего, это дистанционное проведение учебных занятий (дистанционное образование); компьютерное тестирование, в том числе в режиме онлайн; наукометрический анализ результатов творческой работы преподавателя и учёного (количество опубликованных работ, индексы цитирования); формальные проверки на оригинальность дипломных работ студентов (антиплагиат); широкое внедрение компьютерной техники и мультимедийных систем в образовательный процесс. Трудно отрицать некоторые преимущества этих и других информационных технологий, опирающихся на возрастающие возможности компьютерной инфраструктуры и глобальных систем связи.

Однако в данном случае хотелось бы обратить внимание, как говорится, на оборотную сторону медали, о которой апологеты технического прогресса и всяких инноваций предпочитают умалчивать. Эту оборотную сторону можно условно обозначить как «*технологическая дегуманизация образования*», что в широком

---

[123] *Аблеев С.Р.* Моделирование сознания и искусственный интеллект // Вестник экономической безопасности. 2015, №3. С. 58-64.

смысле означает вытеснение живого человека (учителя и наставника) из учебного и воспитательного процесса и замещение его всевозможными техническими средствами и компьютерными технологиями[124].

В современной научной литературе понятие «*дегуманизация образования*» имеет не единственное значение. Некоторые авторы предлагают понимать под дегуманизацией образования снижение роли гуманитарного знания в становлении и развитии личности школьника и студента. На наш взгляд, такой подход артикулирует только одну из сторон рассматриваемого феномена. Она имеет крайне важный, но всё же частный характер. Более фундаментальное значение приобретает другая сторона: незаметный процесс подмены живого *человека* его техническим заменителем, то есть *машиной*. Техносфера начинает вторгаться в пространство ноосферы и неумолимо её подавлять. Разумеется, экспансия техносферы и нивелирование роли живого учителя как всегда обосновываются только благими намерениями: всё во имя прогресса и для повышения качества образования.

Так, в частности, современная образовательная практика в России и за рубежом демонстрирует явную тенденцию к сокращению контактных (аудиторных) часов учебных занятий и замещение их различными видами работы студента в электронной образовательной среде (ЭОС). Высшие учебные заведения уже начинают отказываться от традиционных «живых» лекционных занятий, заменяя их просмотром специального видео контента по определенной тематике, вводят использование электронной среды обучения для проведе-

[124] *Аблеев С.Р., Кузьминская С.И.* Технологическая дегуманизация образования: сущность проблемы и социально-психологические последствия // Вестник Московского университета МВД России. 2019. №6. С. 314-318.

ния семинаров и практических занятий, проводят курсы повышения квалификации в дистанционном формате.

Таким образом, базовая культурная функция передачи знаний и формирования личности обучающегося постепенно переходит от преподавателя к техническому устройству. За преподавателем же закрепляются обязанности продвинутого «оператора», который обновляет образовательный контент и отслеживает взаимодействие обучающегося с электронной средой. Пока ещё он участвует в образовательном процессе в виде онлайн-лектора, консультанта или тьютора. Но всё стремительно движется к тому, что преподаватель уже не будет основным и необходимым субъектом (компонентом) образовательного процесса. По крайней мере, в так называемом массовом сегменте учебных учреждений. Роль преподавателя (учителя) уже сейчас становится второстепенной и во многом сводится не к живому творческому взаимодействию с личностью ученика, а только к набору некоторых механических операций.

Сторонники такой образовательной политики указывают на экономическую эффективность данного подхода, соответствие его запросам информационного общества, подчеркивают востребованность в молодежной среде, а также неограниченные возможности по работе с информацией. Безусловно, подобный технологический подход имеет право на существование и даже на частичное воплощение в нашей социальной действительности. Однако, как говорили античные философы, проблема заключается в мере.

В современных экономических условиях может показаться крайне соблазнительным уклониться в сторону автоматизации учебного процесса, решая тем самым сиюминутные прагматичные задачи, связанные с недостаточным финансированием системы образования (фонда оплаты труда педагогов; материальной базы ву-

зов, колледжей и школ; оплаты коммунальных услуг; строительства новых современных учебных кампусов). В результате такое смещение дидактических приоритетов в сторону *электронного обучения* может привести к тотальной дегуманизации образовательного процесса, и, как следствие, разрушению классической социальной матрицы *инкультурации* и *социализации* новых поколений, которая сотни лет обеспечивала поступательное развитие общества на Востоке и Западе.

Действительно, полностью погружаясь в электронную информационную среду, молодой человек лишается возможности получать и накапливать реальный *социально-коммуникативный опыт*, который необходим любому индивиду для успешной реализации полученных знаний в социальной среде.

Умение договариваться, находить компромисс, слышать другую точку зрения, отстаивать свою позицию, работать в команде, понимать законы субординации, следовать установленным правилам, уважать чужое личное пространство, проявлять эмпатию, признавать свои ошибки, нести ответственность за общее дело – это лишь некоторые крайне важные навыки, которые формируются у человека в результате прямого и непосредственного взаимодействия со сверстниками и педагогами в процессе живого обучения. Примечательно, что этот неформальный социально-культурный опыт, как правило, оказывается не менее, а иногда и более значимым, чем простая информированность относительно какого-либо предмета, полученная на основе электронного образовательного контента.

Вполне очевидна и ещё одна проблема: электронная образовательная среда не способна в должной мере выполнять *воспитательную функцию* системы образования. Между тем, следует напомнить, что классическая русская педагогическая традиция всегда предпола-

гала не столько простую передачу знаний новому поколению, сколько его всестороннее духовное воспитание или встраивание в культурно-историческую и ценностную парадигму российского общества (М.В. Ломоносов, В.С. Соловьёв, Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский, П.Д. Юркевич, Л.Н. Толстой, С.А. Рачинский, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, Ш.А. Амонашвили и др.).

Выдающиеся отечественные философы и педагоги совершенно однозначно указывали на невозможность вывести воспитание за рамки образовательного процесса. Так, например, известный русский философ и публицист Иван Ильин в одной из своих работ весьма точно и справедливо отметил: «*Образование без воспитания не формирует человека, а разнуздывает и портит его, ибо оно даёт в его распоряжение жизненно выгодные возможности, технические умения, которыми он, - бездуховный, бессовестный, безверный и бесхарактерный, - и начинает злоупотреблять*»[125].

Возникает ощущение, что это было сказано не сто лет назад, а сегодня - в отношении некоторых дипломированных, но совершенно бескультурных выпускников университетов, не усвоивших даже элементарные формы поведения образованного человека в обществе. Хотя это есть вовсе не случайный, но вполне закономерны результат культурной дисфункции системы образования. Ведь новая либерально-потребительская образовательная парадигма, подчеркивают современные специалисты, нацелена на формирование уже не *творческой личности*, а безликих «*людей-деталей*» или социальных «*винтиков*» рыночной и государственной машины, то есть управляемых потребителей (А.В. Ива-

[125] *Ильин И.А.* О воспитании и образовании в грядущей России. Значение веры в педагогике. – М., 2018.

нов, Ю.В. Попков, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин и др.[126]).

Сторонники онлайн технологий в образовании постоянно утверждают, что современные электронные программы обучения успешно обеспечивают доступ студента к неограниченным объёмам информации, позволяют компоновать учебный материал в зависимости от потребностей аудитории, предоставляют новые инструменты контроля успеваемости. С формальной точки зрения это действительно так. Безусловно, машина быстро посчитает количество правильных ответов на любое тестовое задание, определит процент успеваемости и освоения пройденного учебного материала. Однако главный вопрос заключается в том, насколько такая оценка машины будет соответствовать действительному положению дел.

Во-первых, надо признать, что определение сформированности многих сложных «компетенций» и навыков с помощью формальных тестовых заданий не представляется возможным. Это задача, по крайней мере, на современном этапе не имеет научного (методологического) решения. Тем не менее, бюрократический аппарат системы образования делает вид, что никакой проблемы здесь не существует. И, например, во время аккредитации университета с помощью отвлечённых тестов пытается проверять то, что подобной проверке принципиально не поддаётся и не должно подлежать.

Как проверить, в частности, следующие общекультурные компетенции: «*способность критически*

[126] Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития: монография. (Коллектив авторов: *А.В. Иванов, Ю.В. Попков, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин, С.И. Бондаренко, Т.А. Артамонова, И.Н. Каланчина, С.М. Журавлева, Л.Г. Апенышева*) / Под ред. А.В. Иванова. - Барнаул, 2022. С.248.

осмысливать социальные процессы» или «*способность использовать достижения мировой духовной культуры для формирования собственного мировоззрения и духовного совершенствования*»? По мнению бюрократически мыслящего чиновника, это вполне можно сделать с помощью компьютерного теста. А по нашему глубокому убеждению, это возможно проверить только в реальной *практической жизни*, то есть через соответствующий *социальный опыт*, который выходит за рамки формализованного учебного процесса.

Иными словами, научился ли инженер строить мосты или проектировать самолёты, научился ли офицер защищать Родину, научился ли врач лечить тяжёлые заболевания в конечном счёте покажет не симуляция на тесте, а только его настоящая профессиональная деятельность. Равно как и использование мирового духовного опыта для собственного совершенствования можно оценить только тогда, когда молодой человек достойно пройдёт определенный жизненный путь, не сломается под ударами судьбы и сможет стать лучше, чем был на заре своего социального существования.

Во-вторых, как известно, современные технические средства открывают безграничные возможности для нарастающей *имперсонификации субъекта* взаимодействия. Интенсивное развитие технологий так называемого «*искусственного интеллекта*» может ещё больше усложнить задачу по идентификации того, кто на самом деле будет выполнять задания электронных курсов.

Уже сейчас различные компьютерные нейросети с элементами искусственного интеллекта (ChatGPT и др.) пишут за человека тексты, переводят с одного языка на другой, рисуют картины, создают дизайн. Через некоторое время их возможности гиперболически усовершенствуются. Вполне возможно, что на определенном

этапе успешного внедрения информационных инноваций мы столкнёмся с тем, что одна умная машина будет проверять ответы другой не менее умной машины. В таком случае возникает вопрос: а как это поможет самому студенту развивать свои способности?

Уже сейчас школьники и студенты проявляют чудеса изобретательности в применении технических средств на экзаменах вместо своего собственного разума. Маловероятно, что такая ситуация положительно повлияет на уровень общих культурных и профессиональных знаний выпускника школы или вуза. Преподаватели российских университетов всё чаще сталкиваются с новым социальным феноменом: имеющий довольно высокий балл школьного ЕГЭ студент в действительности интеллектуально не развит и не обладает достаточным культурным кругозором.

Большие объёмы информации, которыми позволяют оперировать электронные системы обучения, так же представляют собой далеко неоднозначный фактор в успешном освоении материала. На наш взгляд, он скорее работает на развитие *поверхностного восприятия* отдельных фактов и *клипового мышления* молодого человека, чем на углубленное погружение в определенный вопрос и его всестороннее осмысление.

Кроме того, велика вероятность, что избыточность представленной информации не позволит обучающемуся самостоятельно разобраться в поставленном вопросе. Ведь ориентироваться в информационных потоках надо ещё научить. Но в случае применения технологии дистанционного образования учить этому навыку будет некому. Между тем, опытный преподаватель в своей аудиторной работе, как правило, эффективно устраняет информационную избыточность, выстраивая усвоение материала по определённой структуре и по принципу спирально нарастающей сложности.

Разумеется, это всего лишь один из частных элементов психологически сложного процесса обучения, который невозможно полностью формализовать и алгоритмизировать до простой дидактической схемы, исключающей творческую роль живого наставника.

Не случайно большинство выдающихся деятелей мировой духовной культуры подчеркивали основополагающую и решающую роль *Учителя* в образовательном процессе. Например, в этом контексте можно вспомнить известного русского религиозного мыслителя Василия Розанова, который в своей работе «Сумерки просвещения» совершенно справедливо отметил: «*Школа – это только и всецело учитель: учитель – это, во-первых, учитель – во-вторых, учитель – в-третьих, и только в-четвертых – программа, штат, здание*»[127]. Можно добавить к этой цитате, что не только средняя, но и высшая школа предполагает ведущую роль и духовный потенциал опытного учителя (профессора и доцента). Без него ни начальная, ни средняя, ни высшая школа не существуют как культурные, просветительские, научные учреждения.

Подобная мысль в своё время недвусмысленно артикулировалась также выдающимся психологом и педагогом Моисеем Рубинштейном: «*Проблема учителя – первая и важнейшая проблема всей педагогики, всей постановки народного образования, всей системы просвещения, всей судьбы народной культуры: с нее нужно начинать и ею нужно заканчивать.*»[128]. Складывается впечатление, что современные реформаторы системы образования, так называемые «эффективные менеджеры», не очень знакомы с мировым педагогическим наследием и реальным опытом обучения. Какой ещё может сделать вывод экспертное сообщество,

[127] *Розанов В.В.* Сумерки просвещения. – М., 1990. С. 217.
[128] *Рубинштейн М.М.* Проблема учителя. – М., 2004. С.12.

наблюдая малоосмысленную дегуманизацию школы, колледжа и университета?

Электронные системы обучения предполагают жесткую стандартизацию и регламентацию образовательного процесса. Они неизбежно нивелируют персональные особенности ученика или студента и загоняют его разум в далёкую от реальной жизни компьютерную дидактическую матрицу. *Живой духовный процесс* обучения, *сакральное таинство* развития скрытых способностей души приобретают вид обезличенной технологической штамповки или тупого форматирования сознания, подобно механическому производству деталей на заводе. Однако в отличие от детали или компьютерной системы человеческое сознание всегда индивидуально и многослойно, а потому требует персонального подхода со стороны внимательного наставника.

Во многих случаях успешное усвоение учебного предмета или определенных знаний зависит вовсе не от сложности используемых электронных средств обучения или какого-то сверхсовременного компьютерного обеспечения учебного процесса. Сейчас, как и во времена древних мудрецов Конфуция и Лао-цзы, Капилы и Гаутамы Будды, Платона и Аристотеля в современном постиндустриальном обществе яркая, авторитетная, завораживающая *личность учителя* неизменно остаётся ведущим и решающим фактором процесса обучения и воспитания.

Профессиональные психологи давно подметили, что любовь к учебному предмету, а в дальнейшем и к своей будущей профессии у многих молодых людей начинается с искренней симпатии, а иногда и восхищения человеком (*Учителем* или *Мастером*), который ею уже овладел в высокой степени совершенства. Похвала или критическое замечание со стороны такого наставника всегда воспринимаются гораздо острее, а, следо-

вательно, эффективнее воздействуют на молодое формирующееся сознание, чем формальные проценты или баллы, выставленные бездушной машиной.

В этой связи заслуживают пристального внимания аксиологические тезисы известного британского специалиста в области философии науки, автора концепции личностного знания Майкла Полани. Всякое знание, отмечал он, тем более знание о фундаментальных проблемах, передается через *непосредственный личный опыт* и *субъективное сознание* в процессе *творческого взаимодействия* учителя (знающего) и ученика (постигающего)[129].

Однако электронная образовательная среда и дистанционные технологии обучения стремятся исключить действительный личный опыт, какое-либо творческое взаимодействие и живую научную коммуникацию. Компьютерный образовательный конвейер основан на технологии *деперсонализации* внутреннего мира и дидактического процесса. Личность учителя и личность ученика здесь теряют свой духовный и экзистенциальный статус. Из живых субъектов они превращаются в виртуальные объекты информационных манипуляций и технологического процесса.

В этом проявляется главный парадокс современной информационной эпохи, дающей человеку невероятные ранее возможности, но совершенно не развивающей его этические принципы, интеллектуальные способности и творческий потенциал[130]. Поэтому техноло-

---

[129] *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии / Под ред. В. А. Лекторского, В. А. Аршинова. Пер. с англ. - М., 1995.

[130] *Кузьминская С.И.* Некоторые проблемы национальной культуры в зеркале языка // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета.

гическая дегуманизация образования свидетельствует вовсе не о реальном совершенствовании системы образования в условиях информационного общества, но о её *сущностной деградации* и *духовной фальсификации* под ширмой новых компьютерных технологий.

Парируя неизбежную критику необходимо отметить, что мы вовсе не являемся противниками научно-технического прогресса и не призываем отказаться от технологического развития сферы образования. Сущность проблемы состоит в сохранении меры и правильной расстановке акцентов. Наш фундаментальный дидактический императив весьма прост: *обучением человека должен заниматься не компьютер, а более образованный и мудрый человек*. И делать он это должен в живом непосредственном взаимодействии со своими учениками. Компьютер же должен не подменять собой учителя, а смиренно служить ему и его ученикам как простое подручное средство или как хорошая дрессированная собака.

Теперь о структуре социального института науки и важнейших приоритетах научно-технической политики. Можно вполне определённо констатировать: попытки постоянных малоосмысленных заимствований иностранного опыта без адекватного понимания специфики нашего российского социально-культурного пространства и научно-технических традиций не дадут ожидаемых результатов.

Так, например, в американской социальной традиции крупный университет является не только образовательным учреждением, но и важнейшим научным центром. Под эти задачи заточена не только административная структура, но и объёмы учебной нагрузки и контракты преподавателей, а также бюджет вуза. В

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4 (18). С. 252-256.

частности, объём финансирования из собственного бюджета Массачусетского технологического института научных разработок только в области военной техники в 2014 году составил почти миллиард долларов. В российских вузах ситуация с финансированием научной деятельности принципиально отличается.

Советская традиция высшей школы, которую унаследовала современная российская система образования, была совершенно иной. Университеты, академии и институты в России представляют собой, в первую очередь, *образовательные учреждения*, подавляющая часть из которых сейчас не имеет реальных возможностей (кадровых, финансовых, технических, временных) заниматься серьёзными научными проектами. О каких серьёзных долговременных проектах тут можно говорить, если со многими преподавателями контракт заключается только на один год и даже не на полную ставку? Безусловно, можно найти некоторые позитивные исключения. Но они не меняют сущности всей системы научной деятельности, потому, что она опиралась, прежде всего, на Академию наук, академические и отраслевые научные институты. Основные финансовые потоки и материальные ресурсы шли именно туда.

Мы безусловно поддерживаем развитие вузовской науки. Но оно должно быть не декларативным, а совершенно реальным, причём при существенной финансовой поддержке и организационной перестройке работы преподавательского коллектива. Это не должно превращаться в профанацию и бюрократическую симуляцию подлинной исследовательской деятельности, подменяемой лукавой наукометрической статистикой количества публикаций и формально зарегистрированных научных школ.

Страна нуждается не в виртуальных количественных показателях, но в реальных научно-технических

достижениях мирового значения: квантовых компьютерах, термоядерных реакторах, межпланетных космических кораблях, суперскоростных поездах, самолётах нового типа, лекарствах от неизлечимых болезней, экологически ориентированных технологиях и так далее[131].

Необходимо сохранить наши великие исторические достижения в сфере науки и развивать более сложную (*комплементарную* или *синергийную*) модель организации научной деятельности. Полагаю, что её основой должны быть *Академические научные Институты* (РАН), которые занимаются фундаментальными исследованиями и стратегически важными прикладными проектами. Структура базовых Институтов РАН дополняется *отраслевыми Научно-исследовательскими институтами* (НИИ) практической направленности, *научно-техническими центрами* (НТЦ) бизнес-компаний и университетов, *венчурными научными фондами* (ВНФ). Важнейшая задача государства – не только поддерживать общую разветвлённую архитектуру научной деятельности, не только финансировать приоритетные научные и технологические разработки из бюджетов различных уровней, но и создавать условия для инвестиций в исследовательские проекты со стороны бизнеса и самой академической среды.

В период демократических реформ конца XX – начала XXI века Россия пыталась найти своё место в международном разделении труда вообще и в производстве сложной наукоёмкой продукции, в частности. Однако происходило это всё на фоне развития экономики сырьевого типа и конкурентного противодействия Америки, Британии, Европы, Японии и других техно-

[131] О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 г. № 642. www.kremlin.ru/acts/bank/41449.

логически развитых государств. Российские экономические регуляторы в большинстве своём полагали, что страна не должна вкладывать большие финансовые ресурсы в производство многих видов сложной продукции, которую можно просто купить у иностранных производителей.

В итоге мы закупали гражданские самолёты, скоростные поезда, компьютерную технику, станки и оборудование, турбины, средства связи, узлы для сборки номинально российских самолетов и автомобилей, хотели даже приобретать у стран НАТО некоторые виды военной техники. Причём в России сложился не просто банальный сырьевой тип экономики, но уникальный экономический гибрид *монетарно-сырьевого типа*. Российские экономические и финансовые регуляторы в течение долгого времени значительную часть доходов от продажи сырья на мировых рынках вкладывали в иностранные ценные бумаги, резервные фонды и различные финансовые операции.

Они не считали целесообразным усиленно поддерживать развитие собственного производителя сложной продукции, развивать техническую инфраструктуру и передовые наукоёмкие технологии. Публичный аргумент в пользу такой экономической политики звучал примерно так: вложение больших средств в указанные направления будет вызывать повышенную инфляцию. Полагаю, что не только в условиях реального российского рынка, но даже в отвлечённых теоретических условиях такие аргументы не выдерживают серьёзной критики. Об этом не раз писали видные российские эксперты в сфере экономической политики (С.Ю. Глазьев, М.Г. Делягин, М.Ю. Хазин и др.).

Во-первых, инфляция всё равно была довольно высокой. Она имела совершенно иные причины. Причём экономика много лет испытывала острый дефицит

реальных финансовых средств или так называемой ликвидности (заниженные зарплаты, недоступные кредиты, незначительные инвестиции). Во-вторых, страна получила опасную технологическую зависимость от иностранных производителей критически важных товаров и услуг (промышленных, финансовых, информационных, страховых и т.д.). Например, до 2015 года Россия не имела своей безналичной платёжной системы и тотально использовала платёжные карты двух иностранных компаний.

В-третьих, в условиях обострения геополитических противоречий с Западным миром во втором и третьем десятилетиях XXI века такая зависимость превратилась в *экономическую удавку* России, которую наши либеральные экономисты бессознательно или сознательно (?) вложили в ловкие руки вашингтонской и брюссельской политической элиты. Страну в этот крайне опасный момент спасло виртуозное политическое и экономическое маневрирование Президента и Правительства, а также некоторые начатые до 2022 года необходимые экономические преобразования, снижающие степень технологической зависимости от Запада.

Таким образом, теперь всякому адекватному наблюдателю вполне очевидно, что для новой Евразийской России, как и для всей формирующейся Евразийской цивилизации критически важно сформировать не только политическую независимость от враждебно настроенного Западной мира, но и реальную экономическую самостоятельность, основанную на так называемом *научно-технологическом суверенитете*[132].

---

[132] *Константинов И.Б., Константинова Е.П.* Технологический суверенитет как стратегия будущего развития российской экономики // Вестник Поволжского института управления. 2022. Том 22. № 5. С.12-22.

Применительно к Евразийской России тут необходимо определить правильную расстановку научно-технологических акцентов. Невозможно в современных условиях на территории одной единственной даже большой страны производить абсолютно все товары и услуги. Иными словами, полная *экономическая автаркия* представляет собой излишнюю крайность. Однако Россия, как оплот всей евразийской интеграции и новой культуры, не должна находиться в опасной зависимости от иных государств по критически важным видам технологической продукции. Какие же виды продукции позволяют создать необходимые основы технологического суверенитета?

Добыча и высокая переработка природных ресурсов, производство черных и цветных металлов. Производство полимеров и новых материалов с заданными свойствами. Производство основных станков и механизмов для технологических линий. Транспортное машиностроение и авиационная техника различного назначения. Производство компьютеров, компьютерного софта, систем локальной и глобальной связи и навигации. Энергетическое машиностроение и диверсифицированное производство электроэнергии на ядерных, газовых, гидрогенераторных и иных станциях. Разработка медицинской техники и основных видов лекарственных средств. Продукция строительного сектора промышленного и бытового назначения. Разработка и производство всех видов космической техники от спутников связи и навигации до пилотируемых космических кораблей, автономных модулей колонизации планет и исследовательских космических беспилотников. Продукция оборонно-промышленного комплекса. Производство всех основных продуктов питания, их переработка и хранение.

На фоне отмеченных и некоторых других важных направлений развития промышленной и технологической политики существуют точки роста, которые имеют *революционное значение* для всей земной цивилизации. С учётом передовых достижений советской и российской науки, а также исторических задач российского общества нам необходимо сконцентрироваться на этих точках роста и добиться научного и технологического решения следующих проблем.

Во-первых, необходима отработка *технологии термоядерного синтеза* в целях получения почти неограниченного источника электроэнергии, что должно завершиться созданием и внедрением промышленных образцов надёжных *термоядерных реакторов* различного назначения большой и малой мощности. Россия не должна предаваться наивным инфантильным играм в зелёные ветряные генераторы и солнечные батареи, которые дезориентировали и привели к системному кризису европейскую энергетику. Пусть в Германии и Голландии как в Средние века строят ветряные мельницы. Передовые страны пойдут совершенно другим путём.

Современная постиндустриальная и информационная цивилизация требует огромных энергетических ресурсов, потребности в которых будут только возрастать. Кардинальное решение вопроса связано с ядерной энергетикой, наиболее перспективной и радикальной разновидностью которой является термоядерный синтез[133]. Россия уже выходит на лидирующие позиции во всём мире по сложному энергетическому машиностроению (атомные станции на основе использования тяжёлых элементов) и далее она должна явиться абсолютным лидером по разработке и применению систем новой термоядерной энергетики. Продажа электроэнергии

[133] *Бурдаков А.В.* О настоящем и будущем термоядерной энергетики // Наука из первых рук. 2017. № 5-6 (76).

другим странам может стать важным источником постоянного дохода и средством укрепления международной стабильности за счёт тесных экономических связей.

Во-вторых, важнейшим вектором развития российской науки и технологий должна явиться *космическая техника*. Трудно придумать техническое направление, имеющее более высокий наукоёмкий потенциал и более значительные перспективы для конкретной страны и всего человечества. Нет другой страны на всём земном шаре, которая бы идейно (философия космизма), исторически (первые запуски спутника и человека в космос), технологически (различные виды космических аппаратов) и научно (новые разработки в области космической техники) имела бы более значительные возможности и заделы в осуществлении прорыва в исследованиях и колонизации космического пространства[134].

Можно на некоторое время согласиться на легковые автомобили из Азии или Европы. Но космические корабли, орбитальные станции и исследовательские модули на планетах Солнечной системы должны быть сделаны в России. Этот стратегический приоритет должен получить всемерную поддержку со стороны государства и бизнеса, науки и образования, творческого и академического сообщества. Выход в космическое пространство представляет собой не просто технологически важную или экономически перспективную задачу, но является задачей *цивилизационного значения*, которую метаисторически призваны осуществить российский супер-этнос и Евразийское сообщество.

В-третьих, важнейшей точкой будущего развития всей цивилизации являются *компьютерные системы*, *информационные сети* и *кибер-технологии* так называ-

[134] Циолковский К.Э. Воля Вселенной. – М.: АСТ, 2018.

емого «*искусственного интеллекта*»[135]. Россия не может быть технологическим аутсайдером в разработке и применении таких систем. Это направление в нашей стране долгое время находилось в состоянии стагнации. Теперь необходимо поставить вопрос о его интенсивном развитии, что предполагает перестройку научных, образовательных, инвестиционных приоритетов и формирование целой сети технологических площадок по производству элементной базы (микрочипы, аккумуляторы, оптическое волокно и др.) и конечной сборке законченных технических продуктов[136].

В-четвертых, величайшие перспективы для будущего всей земной цивилизации приобретают *биофизические технологии совершенствования* человеческой природы, одним из существенных аспектов которых является формирование частичной, а затем и полной *автотрофности* организма человека[137]. Такие технологии имеют медицинское, геронтологическое и эволюционное значение, которое только усиливается в условиях экологической нестабильности и глобальной геофизической перестройки важнейших планетарных систем (атмосферы, магнитосферы, литосферы)[138].

В-пятых, помимо всех технологических новаций решающее значение для развития конкретного человека

---

[135] Философские проблемы развития искусственного интеллекта. – М.: Прометей, 2019.

[136] О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения технологического суверенитета государства в сфере развития критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Указ Президента РФ от 14.04. 2022 г. № 203. www.kremlin.ru/acts/bank/47759

[137] *Вернадский В.И.* Автотрофность человечества // Русский космизм: Антология философской мысли. - М.: Педагогика-Пресс, 1993. С.288-303.

[138] *Аблеев С.Р.* Сознание и материя: Великий предел. – М.: ИПЛ, 2019 // П.3.3. Космические горизонты сознания. С.182-203.

и всего человечества имеют *когнитивные возможности сознания*, совершенствованием которых, в конечном счёте, и обеспечивается способность выживания и эволюционного восхождения земного разума. Иными словами, всестороннее совершенствование сознания[139], комплексное развитие мышления, расширение познавательных и творческих способностей напрямую определяет прогресс разумного человека и всей планетарной цивилизации[140].

Этот важнейший приоритет научной, образовательной, культурной и технологической политики государства, к сожалению, ещё совершенно не рефлексируется ни политической элитой, ни академическим сообществом, ни массовым сознанием. Однако именно здесь находится точка бифуркации, раскрывающая позитивные или негативные альтернативы дальнейшего будущего конкретной страны, Атлантической или Евразийской цивилизации, всего земного человечества[141].

Надо откровенно признать и подчеркнуть: если *Евразийская Россия* или вся нарождающаяся *Евразийская цивилизация* в силу каких-либо внешних или внутренних причин не сможет осуществить грандиозную метаисторическую задачу по формированию «*человека облагороженного типа*», обладающего одухотворённым, ноосферным, когнитивно сильным сознанием –

---

[139] *Бескова И.А., Герасимова И.А., Меркулов И.П.* Феномен сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2010.

[140] *Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю.* Философия мысли: новые грани метафизики всеединства. - Барнаул: Новый формат, 2021. Глава 6.

[141] *Аблеев С.Р.* Духовные идеалы Живой Этики: совершенное сознание и ноосферная цивилизация // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Т. 203. Живая этика и культура: идеи наследия семьи Рерихов в нашей жизни. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУКИ, 2014. С. 150 – 167.

она неизбежно потерпит драматическое эволюционное фиаско и историческое крушение, подобно иным локальным культурам и цивилизациям далекого и близкого прошлого.

10

ОСВОЕНИЕ АЗИАТСКОЙ РОССИИ

Многие сотни лет Россия развивалась преимущественно на европейском географическом пространстве как страна если целиком и не совсем европейская, то во всяком случае культурно и экономически тяготеющая к Европе. Присоединение сибирских земель долгое время, примерно до XIX-XX веков, мало что меняло в основных политических, промышленных, торговых и демографических приоритетах. Россия никогда не была частью Западной цивилизации. Однако исторический парадокс состоит в том, что вопреки своей самобытной этнокультурной сущности и широкому евразийскому пространству, она постоянно стремилась развернуться в сторону Запада. Хотела впитать его ценности, понять его образ мысли и освоить европейский образ социальной жизни.

Особенно эта тенденция проявилась после реформ Петра, который видел в Европе крайне привлекательный идеал для подражания в вопросах общественного жизнеустройства, науки, религии, техники, торговли и даже моды. Русская аристократия и культурная элита Нового времени воспринимала и рефлексировала себя, как правило, как аристократию европейскую или почти европейскую, хотя и не лишённую некоторой непонятной на Западе российской самобытности. Одним словом, на протяжении длительного исторического периода западный (европейский) социально-экономический фарватер развития страны просматривался совершенно явно и недвусмысленно. Слабое внимание к восточной (азиатской) территории России и освоение её по остаточному принципу в этой связи можно рассматривать

как явление вполне закономерное и даже в чём-то предрешённое.

Лишь отдельные влиятельные русские учёные и политические деятели понимали необходимость широкого освоение азиатской России и развития всей России через её азиатские территории. Одним из первых был отец российской науки М.В. Ломоносов, которому принадлежит широко известная теперь пророческая мысль: *могущество России прирастать будет Сибирью и Северным океаном*. Но на практике это поняли и понемногу стали воплощать только спустя более ста лет.

Значение восточной части страны осознали председатели Совета министров в период правления Николая II - С.Ю. Витте и П.А. Столыпин, а также министр внутренних дел П.Н. Дурново. Однако сделать они успели тогда не так много. Позже, уже в советский период, коммунистическая партийная элита ставила перед страной более масштабные задачи по развитию Сибири и Дальнего Востока. Многие из них были действительно выполнены (энергетика, заводы, железнодорожные магистрали, научные центры). Однако существенная экономическая и демографическая диспропорция между западной и восточной частью страны всё равно сохранялась.

Теперь мы понимаем, что обозначенная ситуация давно требует стратегического переосмысления. Это вполне назрело исторически и соответствует геополитическим, экономическим, культурным и даже геофизическим императивам выживания российского суперэтноса. Вселяет надежду, что вполне очевидная необходимость развития азиатской части России теперь начинает приобретать черты системной государственной политики и получает поддержку на самом высоком политическом уровне. Так, в частности, ещё в 2013 году в своём Послании к Федеральному Собранию Пре-

зидент В.В. Путин недвусмысленно отметил: «*Сибирь и Дальний Восток – национальный приоритет на весь XXI век*»[142].

Таким образом, с некоторой долей исторической условности теперь уже можно определённо констатировать: *Европейская Россия* заканчивается на временном рубеже XX-XXI столетий и далее начинается новый период совершенно другой – *Евразийской России*, которая всё больше воспринимает себя как мировую самостоятельную *державу-цивилизацию,* развивающуюся на медианном пересечении культурных традиций Востока и Запада. В этой связи мы вполне разделяем точку зрения известных представителей российского академического сообщества, утверждающих, что Россия никогда не была частью европейского культурно-географического мира, но «*являлась с самого начала срединной евразийской державой*» (А.В. Иванов, Ю.В. Попков, И.В. Фотиева, Ю.М. Шишин, С.И. Бондаренко и др.[143]).

Безусловно, проблема упирается вовсе не в формальные номинации и определения. Некто может сказать: какая разница как называть эту страну – Европейская или Евразийская Россия? В этой связи в философском смысле можно отметить, что названия некоторых вещей или явлений имеют крайне важное *символическое значение*, за которым скрывается определённая смысловая сущность и герменевтическая глубина.

---

[142] Послание Президента РФ к Федеральному Собранию. 2013 г.

[143] Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития: монография (коллектив авторов: *А.В. Иванов, Ю.В. Попков, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин, С.И. Бондаренко, Т.А. Артамонова, И.Н. Каланчина, С.М. Журавлева, Л.Г. Апенышева*) / Под ред. А.В. Иванова. - Барнаул, 2022. С.38.

В данном случае, когда мы говорим о *Евразийской России*, то предполагаем даже не конкретное государство в его изменчивых политических границах, но нарождающуюся многонациональную *Евразийскую цивилизацию* совершенно другого типа, масштаба и аксиологической ориентации. Эта цивилизация, наконец, решительно низвергает навязанный европоцентризм старой символически зависимой от Запада Европейской России и формируется как новое кроскультурное, экономическое и социальное пространство между четырьмя Океанами.

Итак, для начала необходимо четко сформулировать рациональные причины освоения российского евразийского пространства и смещения основных политических, экономических и демографических центров России в азиатскую часть страны. Полагаю, что в настоящий момент можно отметить четыре основные причины, имеющие стратегический характер.

Во-первых, нарастающие военные, террористические и миграционные угрозы с западного направления. Украинский конфликт вполне недвусмысленно очередной раз показал враждебную сущность западных государств, их политических альянсов и военных блоков по отношению к Российской Федерации. Они на практике поддержали оружием, боеприпасами, наёмниками, дипломатическим и медийным давлением оголтелый политический режим Зеленского как неонацистский таран против России и Русского культурного мира.

Более того, политические лидеры стран НАТО в 2022 году не раз выступали с неприкрытыми угрозами в адрес российского общества, допуская применение военных формирований альянса или оружия массового поражения. Втягивание новых государств в военный блок НАТО (Финляндия, Швеция) и расширение его военной инфраструктуры на границах России постоян-

но продолжается. Причем на территории Европы со времён Холодной войны до сих пор находятся солидные арсеналы американского и европейского ядерного оружия. Как говорят в таких случаях, не нужно быть суперагентом Джеймсом Бондом, чтобы понять для чего и против кого оно приготовлено.

В период развития Украинского конфликта оказалось, что даже не самые передовые тактические средства поражения противника вполне достигают городов и промышленных центров центральной части России. В случае большого военного столкновения со странами блока НАТО (что невозможно полностью исключить) отмеченная проблема обостряется намного сильнее. Военные эксперты вполне обоснованно отмечают, что существенный урон армейской и гражданской инфраструктуре теперь могут наносить не только МБР и крылатые ракеты дальнего радиуса действия, но и тактические БПЛА небольшой мощности и среднего радиуса действия.

С высокой долей вероятности в ближайший исторический период Европа столкнётся с нарастающей социально-политической нестабильностью и экономической стагнацией. Всё это будет порождать угрозы внутренних военных конфликтов, террористической активности, рост экстремизма и потоки массовой миграции в переделах ЕС, а также из Европы в сопредельные страны. Если чума национализма и неонацизма из Украины распространится по всей Европе (тревожные симптомы уже наблюдаются) и будет угрожать Российской Федерации, то совершенно не исключено, что европейские страны придётся опять радикально лечить от этой заразы, как это было в 1944-1945 годах.

Безусловно, все подобные события не могут так или иначе не отразиться на европейской части России, где сконцентрированы значительные демографические,

научные, образовательные и экономические ресурсы. Нахождение в этой потенциально опасной зоне политической столицы Российского государства, критически важных технологических локаций и основной массы населения нам представляется стратегически рискованным и недальновидным.

Во-вторых, теперь уже ни у кого не вызывает сомнений, что основные промышленные, финансовые и демографические центры мирового сообщества в XXI веке смещаются в азиатское географическое пространство. Население Евразии по состоянию на 2020 год составляло примерно 5,5 миллиардов человек, что соответствует 70% населения всего земного шара. Без совокупного населения стран Европы (около 0,75 миллиарда в 2020 году) евразийский демографический потенциал составляет тоже весьма значительную цифру: 4,75 миллиарда человек. Только в двух крупнейших в демографическом смысле странах Азии - Индии и Китае сейчас проживают 2,76 миллиарда человек.

Многие российские эксперты уже давно совершенно обоснованно указывали, что территориальная близость восточных (азиатских) регионов России к стремительно развивающимся государствам Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и богатейший природный потенциал Сибири и Дальнего Востока «*позволяют воспользоваться растущим спросом стран Азии и осуществить модернизацию экономики регионов на выгодных для России условиях*»[144].

Нарастающие экономические возможности Китая уже несопоставимы по своим масштабам ни с одной

[144] Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона до 2030 года. Аналитический доклад / Научный руководитель *А.А. Кокошин*. – Москва – Иркутск: УРСС, 2011. С.6.

европейской страной. Причём все страны Европы теперь балансируют на грани экономической стагнации или погружаются в состояние тотального кризиса. Рождаемость в Европе падает уже много лет подряд. В тоже время перспективные экономические и демографические потенциалы развития всего лишь нескольких евразийских стран (Китая, Индии, Ирана, Турции, ОАЭ, Саудовской Аравии) существенно превосходят подобные возможности Европы или США. Быстро растущие промышленные, научные, урбанистические агломерации Восточной и Южной Азии требуют громадных энергетических, сырьевых, научных и технологических ресурсов.

На этом глобальном фоне локализация нашего населения, крупнейших городов, промышленности, бизнеса, науки, основных транспортных магистралей преимущественно в европейской части России представляется, как минимум, странным и не соответствующим основным тенденциям развития мировой цивилизации. Ситуация усугубляется отмеченным враждебным отношением стран Европы к России, экономическим эмбарго, «политикой сдерживания» России, постоянным санкционным давлением на нашу страну, разрывом торговых связей и технологических цепочек взаимодействия с государствами коллективного Запада. В таком случае искусственное сохранение и дальнейшее приоритетное развитие российской экономической инфраструктуры на западном направлении является действием излишним и малопродуктивным.

Зачем, например, уговаривать неадекватных европейских функционеров в полезности сотрудничества Москвы и Брюсселя в газовой сфере, когда многие азиатские страны остро нуждаются и реально содействуют развитию трубопроводных газовых магистралей? Зачем поддерживать капризный и ненадёжный немецкий,

французский, британский автомобильный бизнес, если можно локализовать на широких просторах Сибири производство автомобилей из Азии, а также развернуть, наконец, выпуск собственных российских машин высокого качества и потребительского спроса?

Иными словами, важнейшие демографические и экономические центры России в новую эпоху должны быть приближены к мировым центрам бизнеса и урбанизации, которые уже сейчас нарастают в различных регионах центральной, восточной и юго-западной Евразии. Даже в географическом или логистическом смысле взаимовыгодное взаимодействие, в частности, российской и китайской промышленности проще и дешевле осуществлять с территории азиатской России, а не из Москвы, Санкт-Петербурга или Воронежа.

В-третьих, необходимо решить проблему более оптимального соотношения географического расположения основных природных ресурсов, с одной стороны, и концентрации важнейших демографических центров жизни населения, а также экономических кластеров, с другой. Возить уголь, руду, металл, древесину, перекачивать газ и нефть из Сибири в европейскую часть России экономически накладно и стратегически нецелесообразно. Мы, безусловно, не призываем оставить на европейских равнинах нашей страны голое поле с редкими деревнями. Вопрос упирается в рациональное распределение ресурсов по всей территории страны, что сейчас нарушается исторически сложившимся дисбалансом технической инфраструктуры и населения на Восточно-Европейской равнине в ущерб Азиатскому пространству нашей страны.

Если *Азиатское пространство* России получит необходимое комплексное инфраструктурное развитие (магистрали, города, технопарки, научные и образовательные центры, агробизнес, курортные и туристиче-

ские кластеры), то повышение демографического потенциала Сибири и Дальнего Востока станет явлением неизбежным и необратимым. Таким образом, демографический потенциал будет обеспечен основными природными ресурсами, а также возможностями социально-экономического и культурного развития. Азиатская часть страны предоставляет российскому супер-этносу огромное жизненное пространство, которое напряжённо ждёт своего всестороннего освоения и рационального использования в интересах Евразийской России и всей Евразийской цивилизации.

В-четвёртых, необходимо отметить вполне реальные угрозы глобальных геофизических трансформаций, которые неизбежно затронут и российское географическое пространство. Что порождает такие угрозы? На современном уровне развития науки можно отметить: ускоренный дрейф магнитных полюсов планеты, нарастающую сейсмическую активность земной коры, а также глобальные климатические изменения, порождающие рост температуры на поверхности Земли, подъём уровня мирового океана и изменения устойчивого движения водных масс в мировом океане.

В данном случае не столь важно, что именно вызывает все такие изменения: неизвестные космические воздействия, изменения наклона земной оси, внутренние геофизические процессы циклического характера или техническая деятельность человечества. Важно то, что научными наблюдениями вполне объективно зафиксированы довольно тревожные флуктуации температуры земной коры, уровня мирового океана, тектонической динамики литосферных плит и состояний атмосферы.

Сейчас специалистами активно разрабатываются альтернативные прогностические модели состояния поверхности Земли на ближайший и отдалённый истори-

ческие периоды. Большинство из таких моделей с высокой долей вероятности допускают довольно значительный *рост средних температур* на поверхности Земли и *затопление больших участков суши* на различных материках и островах.

Причём совершенно не исключено, что последствия нагревания океана в конечном счёте приведут к резкому снижению температуры в некоторых локальных географических областях земного шара. Например, в некоторых теоретических моделях прогнозируется, что замедление атлантической меридианной циркуляции воды (Гольфстрим) в не столь отдалённом будущем может кардинально изменить мягкий климат Европы на более суровый. Другие модели показывают нарастание периодов критической засухи в Европе, по крайней мере, на текущем этапе трансформации климата и океанических течений. Такие явления уже наблюдаются в настоящее время.

В условиях нарастающей планетарной геофизической нестабильности концентрация техносферы, экономических ресурсов и населения в одной локальной зоне (Европейская часть России) становится крайне опасной. Значительные части европейского пространства России потенциально подвержены сейсмическим угрозам, затоплению и опустошению из-за прогнозируемого высокого повышения температуры. Сопутствующим осложняющим фактором может явиться крайне высокий уровень вынужденной миграции населения сопредельных иностранных государств в результате массовых разрушений и иных дестабилизирующих явлений природного и социального характера.

В отличие от других малых и средних государств, Россия имеет возможности распределить демографические и экономические ресурсы более равномерно по всей своей обширной евразийской территории. Это

кардинально *повышает возможности выживания* населения, а также *устойчивость экономики и технической инфраструктуры* в условиях глобальных геофизических катастроф. Такие мегапроекты цивилизационного значения невозможно реализовать в короткие сроки. Когда природные катаклизмы примут критический характер осуществить грандиозные технические трансформации и переселение миллионов людей будет крайне затруднительно или уже невозможно. Поэтому эта работа должна проводиться с дальновидным историческим упреждением и на планомерной основе.

На фоне отмеченных причин огромное символическое и практическое значение приобретает расположение столицы Российского государства. Некоторые политические лидеры, эксперты и представители бизнеса уже делали публичные заявления о необходимости переноса столицы из Москвы в центральную (азиатскую) часть страны: бывший вице-президент РФ А.В. Руцкой, министр обороны С.К. Шойгу, депутат Государственной Думы и лидер ЛДПР В.В. Жириновский, сенатор Совета Федерации В.Ф. Городецкий, член Высшего совета партии «Единая Россия» Д.И. Орлов, депутат Государственной Думы от ЛДПР Д.И. Савельев, политолог Д.А. Журавлёв, бизнесмен О.В. Дерипаска. Полагаю, что такие предложения имеют веские основания, вполне назрели исторически и требуют практической реализации.

Место нахождения столицы любого государства имеет не только некоторые политические или экономические причины, но и приобретает, прежде всего, глубокое символическое или даже сакральное значение. Когда основные территории государства Российского находились на Восточно-Европейской равнине, расположение столицы в Москве было совершенно оправдано. Когда Петр пытался сблизиться с Европой и разво-

рачивал курс развития Российской Империи на Запад, то перенос столицы в Санкт-Петербург был тоже в какой-то мере обоснован. Прежде всего культурно и экономически. Хотя с военной точки зрения, расположение столицы на самой окраине страны рядом с границами враждебных европейских государств было решением крайне рискованным и неоднозначным. Развитие военной техники и средств огневого поражения уже вскоре вполне подтвердили подобные опасения.

Тем не менее, тогда в период Средневековья и даже позже, в Новое время, Россия была в большей мере страной европейской, чем азиатской, так как её основные освоенные территории и почти вся масса населения находились западнее от Уральских гор в Европейской части Евразийского континента. Однако уже в XIX столетии ситуация существенно изменяется и эти изменения с течением времени только усиливаются. Теперь, обладая самой большой территорией среди всех государств современного мира, государство Российское сохраняет главный центр политической, экономической и научной жизни фактически на западной окраине своей огромной территории. Это выглядит, как минимум, странно и стратегически необоснованно.

Так, в частности, расстояние от Москвы до границы с Польшей по прямой линии составляет примерно 1150 км. От Москвы до границы с Сумской областью Украины – всего 600 км. От Москвы до границы с Латвией – 680 км. Для современной крылатой ракеты или БПЛА страны НАТО это есть крайне незначительная дистанция. В случае вооруженного конфликта ракета обычного класса (не обладающая гиперзвуковой скоростью) преодолеет такое расстояние примерно за 10 минут или даже меньше. Гиперзвуковая ракета долетит менее чем за 5 минут.

Вместе с тем, расстояние от Москвы до Владивостока составляет - 6400 км. От Москвы до Красноярска – 3350 км. От Москвы до Новосибирска – 2800 км. Уместно также напомнить, что географический центр России расположен вовсе не в Москве, а в Красноярском крае, который от столицы отделяет огромное расстояние. В контексте развития евразийского сотрудничества надо также принять во внимание, что от Москвы до Пекина – около 6000 км., до Дели – 5350 км., до Тегерана – 2500 км. С учётом этой занимательной географии в цифрах у всякого российского гражданина с некоторыми задатками государственного мышления возникают трудные вопросы. Почему столица так далеко удалена от восточных земель нашей страны? На каких рубежах расположены основные военные угрозы России? Где находятся наши основные торговые и политические партнёры?

Если Россия в новую эпоху намерена стать мировой *Евразийской державой-цивилизацией*, она не может иметь свою столицу в географическом и культурном пространстве старой Европейской России. Ни Москва, ни Санкт-Петербург уже не коррелируют метаисторическим задачам надвигающейся эпохи глобальных перемен. Новая эпоха и формирующаяся *Евразийская Россия* требуют становления новой столицы в географическом центре Евразии, то есть в азиатской или сибирской части нашей страны.

Равноудаление столицы от западных и восточных окраин государства, дистанцирование от враждебной и разлагающейся Европы, а также её приближение к главным центрам развития Большого Евразийского экономического и культурного пространства приобретает глубокое символическое значение как отражение суверенного исторического курса развития Российской державы и всей Евразийской цивилизации.

Разумеется, существуют и вполне практические основания переноса столицы в азиатскую часть страны. Один из таких практических аспектов (военные угрозы с западного направления) мы уже отметили выше. Другие аспекты связаны с необоснованной концентрацией ресурсов в одной географической точке, то есть в городе Москве.

Москва представляет собой не просто современный крупный мегаполис, но главный центр сосредоточения финансовых, промышленных, транспортных, научных, образовательных, медицинских и демографических ресурсов страны. Уже давно сформировался и продолжает нарастать крайне опасный дисбаланс развития экономической инфраструктуры других территорий России. Многие десятки лет Москва притягивает население из всех ближних и дальних регионов, усугубляя демографические проблемы как на местах (дефицит квалифицированной рабочей силы), так и в центре (избыточный рост населения).

Москва сейчас запредельно перегружена автомобильным транспортом и все титанические усилия московских властей по решению этой острой проблемы не приводят к её ожидаемому решению. Строительство новых веток метро, автомобильных дорог и железнодорожных магистралей, безусловно, имеет огромное значение и снижает остроту транспортного вопроса, но не устраняет его совсем. Кардинальное решение этого вопроса предполагает не столько дальнейшее нарастание технической инфраструктуры, сколько радикальное снижение концентрации населения, предприятий и учебных учреждений в Московском регионе.

Вполне очевидно, что Москва должна делегировать некоторые свои функции и ресурсы другим центрам экономического роста и культурного развития страны. Страна нуждается в децентрализации экономи-

ческого потенциала и социальной поддержке малоразвитых регионов. По оценкам Мэрии Москвы население Московской агломерации после 2020 года составляет примерно 25 миллионов человек. Она формирует примерно четверть российского ВВП и является крупнейшей социально-экономической агломерацией в Европе.

На фоне таких впечатляющих успехов одного единственного города огромной страны немым укором выглядит стагнация и инерция многих сотен средних и малых городов на Востоке и даже в европейской части российского государства. Они лишены как инвестиций, так и трудовых ресурсов, способных к их освоению. Такая ситуация угрожает целостности социального пространства большой страны, создаёт условия экономического и политического сепаратизма, подрывает демографическую безопасность, а потому требует немедленного реагирования федеральной власти. Главный вектор реагирования: равномерное развитие регионов России и децентрализация экономической, научной, образовательной, культурной, транспортной инфраструктуры.

Современная Москва имеет крайне важное значение для всей Новой России. Это не подлежит никаким сомнениям. Однако пришло время радикальной дифференциации главных функций этого мегаполиса. Мы полагаем, что Москва по праву и по своим реальным возможностям должна остаться *экономической столицей России*, средоточием деловой активности, центром наукоёмкого и инновационного бизнеса, крупной локацией образовательных услуг и федеральным транспортным хабом. Однако функции политической столицы должны быть переданы другому городу в центральной (сибирской) части страны. Этот город может выступить в качестве нового *синергетического аттрак-*

тора – точки социальной самоорганизации и культурного притяжения в азиатском пространстве России.

Перенос столицы в сибирский регион неизбежно придаст новый мощный импульс развитию малоосвоенных территорий всей Евразийской России. Вполне вероятно, что современные политические элиты и бизнес сообщество ещё не готовы к таким масштабным преобразованиям, которые давно назрели и требуют активного осуществления ещё со второй половины XX века. Однако хочется верить, что новые политические лидеры поймут логику развития российской и мировой истории и примут необходимые решения в пользу нового административного центра стремительно формирующейся Евразийской России.

Принимая во внимание географические масштабы российской территории, насущные задачи по её комплексному освоению, а также необходимость переориентации технологической и демографической инфраструктуры России на новые (азиатские) центры мирового социально-экономического роста, считаем целесообразным руководствоваться *концепцией полицентрического развития* нашей страны как в экономическом, так и в культурном смыслах.

Иметь один главный (столичный) город могут такие страны, как Чехия или Литва. Но только не Россия. Это совершенно не соответствует её пространственным размерам, деловым связям и историческим задачам. Поэтому мы предлагаем полицентрический проект развития евразийской территории нашей страны с условным названием «*концепция десяти столиц России*» с горизонтом планирования примерно на столетие, то есть до начала XXII века. Его основу составляет глубокая дифференциация основных социальных и экономических функций или специализаций крупных демографических центров в различных регионах. Такое распре-

деление позволяет не распылять ресурсы и, вместе с тем, стимулировать развитие территорий в соответствии с их историческими, климатическими, географическими, технологическими и культурными особенностями.

Так, например, в качестве примерного рабочего варианта можно выделить следующие центры или перспективные урбанистические точки роста и демографического притяжения («столицы»). Это вовсе не застывшая догма, но лишь начальная идея для широкого обсуждения среди заинтересованных специалистов, политического и культурного сообщества.

Город в Сибири – политическая столица.
Москва – экономическая столица.
Санкт-Петербург – культурная столица.
Новосибирск – научная столица.
Циолковский (Амурская обл.) – космическая столица.
Казань – религиозная столица.
Владивосток – морская столица.
Сочи – спортивная столица.
Крым – курортная столица.
Алтай – столица экологического туризма.

Экономический, научный, образовательный потенциал Москвы, а также культурно-исторические и технологические ресурсы Санкт-Петербурга не требуют особого пояснения и какого-то специального обоснования. Эти две великие столицы государства Российского сыграли и ещё сыграют в XXI столетии огромную роль в развитии новой Евразийской России и всего Большого евразийского пространства.

В советское время была заложена хорошая научная инфраструктура Новосибирска с его уникальным *Академгородком*. На рубеже веков она стала приходить

в упадок. Однако при целенаправленных инвестициях и последовательных усилиях *Сибирская научная агломерация* имеет большие перспективы развития. Относительно рядом в этом евразийском регионе находятся и другие крупные научные и образовательные центры, которые дополняют возможности друг друга.

Дальнейшее развитие *Космодрома Восточный* (Амурская область) вне всяких сомнений требует концентрации значительной части российской космической промышленности в этом регионе или в пределах разумной логистической досягаемости. Космические аппараты, с точки зрения транспортных затрат, желательно собирать там, где их запускают в космос. Везти их на космодром за тысячи километров, как минимум, не совсем рентабельно. Поэтому в районе Космодрома требуется развитие большого Технопарка по разработке и производству различной космической техники, профильного Научного центра и современной социальной инфраструктуры для специалистов. Перспективным вариантом для выполнения этих задач может явиться, например, молодой город Циолковский, который развивается недалеко от космодрома.

Отдельную проблему составляет образовательный центр. Полагаю, что пришло время организовать в России первое в мире специализированное высшее учебное учреждение, направленное на подготовку специалистов по исследованию и освоению космоса (*Российский институт космонавтики*). В этом институте должны быть сконцентрированы разрозненные сейчас научные школы и технологические направления, так или иначе связанные с научным изучением, техническим покорением и колонизацией космоса.

На начальном этапе такое высшее учебное учреждение могло бы иметь четыре основных факультета: *пилотируемой космонавтики* (подготовка космонавтов

– пилотов и штурманов), *космических исследований* (подготовка научных кадров по различным специализациям), *космической техники* (подготовка специалистов по разработке ракет, спутников, орбитальных станций, автономных модулей освоения внеземных объектов, двигателей, источников энергии, скафандров и др.), *космической медицины и экологии* (подготовка специалистов медицинского и биологического профиля в целях практической космонавтики).

В будущем не только основной персонал наземных научных и технических центров космического профиля, но и команды пилотируемых космических кораблей, орбитальных станций и автономных исследовательских модулей на планетах и спутниках Солнечной системы могли бы преимущественно формироваться из прошедших серьёзную и целенаправленную подготовку *профессионалов* - выпускников этого специализированного института (космонавт-пилот, космонавт-инженер, космонавт-исследователь, космонавт-врач). Место его локализации нам представляется примерно в географической зоне между Новосибирском и Горно-Алтайском в силу высокого научного и образовательного потенциала этого региона, а также с учётом возможного дальнейшего развития Новосибирска как научной столицы Евразийской России.

В России есть немало исторических городов так или иначе связанных с духовными традициями различных религий и сыгравших значительную роль в культурном развитии страны. Однако Казань среди них занимает особое место в силу уникального опыта многовекового тесного сосуществования ислама и христианства на татарской земле. На фоне острых религиозных столкновений в других странах, которые сохраняются до настоящего момента, государственная мудрость татарской политической элиты и религиозная терпимость

духовных лидеров российского Православия и российского Ислама вызывает искреннее одобрение и заслуженную поддержку культурного сообщества.

Историческая и современная Казань сохраняет немало уникальных памятников духовных традиций ислама и христианства, которые привлекают как верующих людей, так и ценителей культурной истории из России и других стран. Современная Казань развивается как один из влиятельных *мировых центров Ислама,* стремительно наращивающий духовный авторитет, углубляющий исламскую теологическую мысль и образовательный потенциал религиозных учебных учреждений. Это особенно важно на фоне иностранного исламского экстремизма, идеологи которого пытаются извратить идеи духовно созидательной религии и представить её в виде идеологической или мировоззренческой основы радикального фундаментализма и терроризма (ИГИЛ и др.).

Евразийская Россия как огромная держава, как уникальная кросскультурная цивилизация невозможна без гармоничного духовного содружества традиционных религий, а также светской духовной культуры, которые все вместе синергийно или соборно формируют надёжный *ценностный фундамент* российского общества. Без всякого преувеличения можно утверждать, что российский исторический опыт религиозного диалога и высокой веротерпимости между сторонниками различных конфессий приобретает мировое значение, требует внимательного изучения и широкого распространения по всему земному шару. Полагаю, что татарское культурное пространство вообще и город Казань, в частности, должны в будущем сыграть в этих процессах весьма существенную роль.

В условиях стремительного технологического и экономического развития стран Востока вообще и

Дальнего Востока, в частности, весьма важное значение приобретает *Тихоокеанский географический регион* Азиатской части России. В этом смысле морской город Владивосток обнаруживает существенные преимущества перед другими крупными историческими городами России морского значения (Санкт-Петербург, Севастополь, Новороссийск). Но проблема упирается не только в транспортные коридоры торгового взаимодействия со странами Востока.

Исторические морские центры России на Балтике и Черном море не имеют прямого выхода в океаны. В обстоятельствах высокого геополитического напряжения или прямого военного конфликта с недружественными государствами этот аспект может оказать крайне негативное влияние на возможности морского судоходства как торгового, так и военного назначения. Владивосток лишен этого недостатка и открывает прямой выход в Тихий океан с возможностями альтернативного манёвра на Северный морской путь или на юг в воды Индийского океана. Поэтому город Владивосток может рассматриваться как перспективный вариант развития новой морской столицы России транспортного, научного и военного назначения.

Одним из важнейших аспектов развития Евразийского пространства России является проблема транспортных магистралей. В научной литературе для её обозначения иногда даже используют весьма яркий оборот – «*континентальное проклятие Сибири*», который подразумевает огромную удалённость основных урбанистических и промышленных центров азиатской части страны от незамерзающих портов и недостаточное развитие транспортной инфраструктуры вообще на

фоне большого географического пространства российской Евразии (В.А. Шупер[145]).

Построенные ранее в азиатской части страны железнодорожные (Транссиб и БАМ), а также автомобильные магистрали и ранее не в полной мере обеспечивали нарастающие логистические потребности экономики. Теперь, с учётом расширения экономического и социального взаимодействия со странами Востока, ситуация становится намного сложнее.

Некоторые эксперты предлагают сконцентрироваться на развитии *субмеридиональных транспортных коридоров* (север – юг), которые расширят возможности взаимодействия с государствами Дальнего Востока, Южной и Центральной Азии. Наибольшее значение среди них приобретают Китай, Индия, Иран. На уровне Правительства РФ сформировалось ясное понимание этой задачи и сейчас такие коридоры (водные и железнодорожные) уже начали активно формироваться. Однако это только часть проблемы.

Вторая её часть связана с необходимостью обеспечения *транспортного единства восточных и западных регионов России*, которые находятся друг от друга на удалении многих тысяч километров. Вполне очевидно, что сейчас их логистическая взаимосвязь оставляет желать лучшего как по скорости и техническим аспектам перевозок, так и по их финансовым затратам.

Третья часть проблемы предполагает построение надежного всесезонного *траспортного каркаса*, который свяжет отдельные территории промышленного и демографического развития внутри Западной Сибири, Восточной Сибири и Приморского (Тихоокеанского) макрорегионов.

---

[145] *Шупер В.А.* Будущее России в Большой Евразии // Российский совет по международным делам. 19.07.18. www. russiancouncil.ru

Отмеченные задачи могут быть решены только при осуществлении комплексного и планомерного подхода, предполагающего глубину планирования на многие десятки лет. *Комплексный подход* – это полноценное развитие всех видов транспортной инфраструктуры: авиаперевозок дальнего и ближнего радиуса, морского и речного транспорта, новых железнодорожных магистралей, современных скоростных автодорог.

Безусловно, всё это потребует огромных финансовых вложений, которые наши либеральные экономисты под различными предлогами блокировали почти всю первую четверть XXI века. По оценкам специалистов объём необходимых инвестиций может быть соизмерим со всеми затратами Советского Союза на освоение Западной Сибири, строительство БАМа, освоение Севера и Арктики. Однако на самом деле «*потенциальные инвесторы такими финансовыми ресурсами располагают – масштаб средств, которыми они оперируют, исчисляется сотнями миллиардов долларов*»[146].

Можно достаточно уверенно утверждать, что такие значительные финансовые вложения государства и бизнеса, как долговременные стратегические инвестиции в развитие новой России, вполне обоснованы по трём главным причинам.

Первая – это обеспечение социального и экономического единства страны, до сих пор разделённой на слабо связанные между собой в транспортном смысле отдельные регионы. Население Дальнего Востока и Центральной Сибири не должно ощущать себя брошенным, забытым и географически оторванным от регионов Центральной России. Это вопрос демографической интеграции страны в *общее социальное простран-*

[146] Россия: восточный вектор. Предложения к стратегии развития Сибири и Дальнего Востока. Аналитический доклад / Под ред. *В.С. Ефимова, В.А. Крюкова*. – Красноярск: СФУ, 2014. С.7.

ство, который должен рассматриваться не в меркантильных бухгалтерских понятиях, но в категориях национальной безопасности.

Вторая причина – это построение *диверсифицированного траспортного каркаса* для экономического и социального развития Азиатской России, что со временем даст крайне высокий бизнес эффект. Третья причина – развитие *широкого сотрудничества* со странами Востока в технологической и торговой сферах, а также в сферах образования, туризма и отдыха. Такое сотрудничество в силу высокого демографического потенциала азиатских стран может сформировать большие финансовые потоки, способные окупить существенные затраты на развитие транспортной инфраструктуры.

Мы вполне разделяем выводы Аналитического доклада большой группы российских экспертов под руководством академика А.А. Кокошина, которые провели глубокий анализ трёх основных сценариев развития Восточной Сибири и Дальнего Востока[147]. Два из них номинально и по сути своих последствий называются: «*От инерции к стагнации*» и «*Падение в пропасть*». И только третий сценарий («*Новые возможности*») обеспечивает реальный устойчивый рост экономики и народонаселения на основе установления в Сибири и на Дальнем Востоке общего «*режима развития*». Формирование такого режима приобретает статус фундаментальной задачи всей государственной политики России на многие годы вперёд.

В этой связи надо отметить позитивные сдвиги и долгожданную коррекцию государственной политики,

[147] Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона до 2030 года. Аналитический доклад / Научный руководитель *А.А. Кокошин*. – Москва – Иркутск: УРСС, 2011. С.7-9.

происходящие в последние годы под влиянием геополитического напряжения со странами коллективного Запада. Так, в частности, по рассматриваемой проблеме транспортного развития Евразийской России Президентом В.В. Путиным в 2023 году было отмечено: «В наших планах ускоренная модернизация восточного направления железных дорог – Транссиба и БАМа, наращивание возможностей Северного морского пути. Это не только дополнительные грузопотоки, но и основа для решения общенациональных задач по развитию Сибири, Арктики и Дальнего Востока»[148].

Завершая этот краткий обзор некоторых наиболее важных направлений развития российского евразийского пространства, необходимо отметить ещё один немаловажный аспект освоения Азиатской России – *принцип зонального (кластерного) развития* территорий. Об этом не раз писали профильные специалисты по экономическому планированию, но данный принцип не получил пока системного практического применения. В настоящий период большие малоосвоенные евразийские пространства позволяют в полной мере осуществлять разумное планирование развития регионов, не допуская инфраструктурной эклектики и не совершая досадных ошибок, допущенных при строительстве городов и промышленных предприятий в XX веке.

Специфика зоны (кластера) интенсивного экономического развития в конкретном регионе зависит от уровня социально-экономического потенциала территории, а также от стратегических ориентиров, выбранных для осуществления. Экономисты полагают, что такие кластеры становятся своеобразными «*полюсами роста*», в которых формируются механизмы наиболее эффективного использования финансовых капиталов, трудовых ресурсов и инноваций.

[148] Послание Президента РФ Федеральному Собранию. 2023 г.

В конечном счёте всё это приводит к становлению новой инфраструктурной среды территории, перспективное развитие которой в дальнейшем будет определять способность всего региона к улучшению инвестиционного климата и своего социального позиционирования (Е.О. Миргородская, С.Г. Шеина[149]).

Иными словами, принцип зонального развития территорий предполагает формирование определённых социально-экономических кластеров (СЭК) на основе географических условий, запасов полезных ископаемых, наличия водных и лесных ресурсов, промышленного и демографического потенциалов конкретного региона. Условно говоря, строить курортные зоны рядом с крупными промышленными предприятиями с экологической точки зрения будет не совсем правильно. Создавать инновационные технопарки без учёта научного и образовательного потенциала региона будет неэффективно. Развивать крупномасштабные проекты в агробизнесе без хорошей земли, благоприятного климата и достаточных водных ресурсов в регионе не имеет экономического смысла.

Таким образом, кластерное развитие учитывает существующие условия региона и опирается на масштабное экономическое планирование, в котором вопреки убеждениям некоторых радикальных критиков советской экономической модели на самом деле нет ничего плохого. Здесь можно обратить внимание на вполне успешный опыт инфраструктурного развития регионов Китая, который эффективно совмещает государственное планирование и рыночную экономику.

---

[149] *Миргородская Е.О., Шеина С.Г.* Зонирование экономического развития региона: методологические и методические подходы к анализу территории // TERRA ECONOMICUS. 2012. Том 10. № 4 Часть 3. С.174.

Азиатская пространство России позволяет формировать и последовательно развивать все основные разновидности СЭК: кластеры добычи и переработки природных ресурсов (нефть, газ, уголь, руда, древесина, морские ресурсы); кластеры крупного промышленного производства (металлургические заводы, судостроение, химические предприятия и др.); кластеры высоких технологий - технопарки специального профиля (космическая техника, микро и нано электроника, авиастроение, автомобилестроение, медицинская техника и др.); кластеры агробизнеса; экологические кластеры и природные заповедники (Алтай, Байкал, Курилы, Кавказ и др.); курортные, санаторно-реабилитационные и туристические кластеры.

В заключение, возвращаясь к некоторым важным идеям, отмеченным на страницах этой книги, необходимо ещё раз подчеркнуть, что развитие Азиатской России имеет не просто утилитарное экономическое значение, на котором как правило концентрируются многие авторитетные представители научного сообщества, политической и бизнес элиты. На самом деле оно приобретает более важное - *геополитическое значение* и высокий экзистенциальный статус глобального *цивилизационного проекта* на длительную историческую перспективу.

В конечном счёте новая Евразийская Россия должна рассматриваться не как одно из тривиальных современных или будущих государств, но как культурное и социальное пространство высокой духовной пассинарности, раскрывающее метаисторические горизонты новой планетарной цивилизации третьего тысячелетия. Цивилизации, основанной на принципах Общего Блага, живой гуманистической этике, ноосферном мировоззрении, экологических императивах и высших устремлениях совершенствующегося человеческого ду-

ха. Способна ли она осуществить эту великую миссию покажет время. Будущее вовсе не предопределено. В таком случае далёкие цели должны быть философски осмыслены и все необходимые практические усилия должны быть предприняты.

Литература

1. *Аблеев С.Р.* Сознание и материя: Великий предел. – М., 2019.
2. *Аблеев С.Р., Золкин А.Л., Кузьминская С.И., Марченя П.П.* Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии. – М., 2018.
3. *Аблеев С.Р., Золкин А.Л., Марченя П.П.* Геополитические угрозы и суверенная Россия: столкновение цивилизаций нарастает? // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019. № 1.
4. *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. – М., 1998.
5. *Андреев Д.Л.* Роза Мира. – М., 1993.
6. *Анисимов А.Л., Зинятова М.Н.* Деятельность американского консульства в Гуанчжоу в период первой «опиумной» войны (1839–1842 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2018. №12.
7. *Аристотель.* Политика. - М., 2022.
8. *Аршин К.В.* Национализм // Философская антропология. 2018. Т.4. № 1.
9. *Башкова Н.В.* Преображение человека в философии русского космизма. – М., 2007.
10. *Бельский В.Ю., Бороздин А.Н., Гусев Н.Н.* Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях. – М., 2017.
11. *Бельский В.Ю.* «Сверхобщество» Александра Зиновьева и грядущая постглобализация // Свободная мысль. 2019. № 6.
12. *Бердяев Н.А.* Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Философия свободного духа. – М., 1994.
13. *Бескова И.А., Герасимова И.А., Меркулов И.П.* Феномен сознания. – М., 2010.

14. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска: господство Америки и её геостратегические императивы / Пер. с англ. – М., 2021.
15. *Бжезинский З.* Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. / Пер. с англ. – М., 2013.
16. «Большая Евразия – 2030: аналитика развития, безопасности и сотрудничества (Доклад для обсуждения). – М.: Ассоциация «Аналитика», 2017.
17. *Бузин В.С.* О нации и национализме // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Выпуск 1.
18. *Булгаков С.Н.* Два града. – М., 1911. Т.2
19. *Бьюкенен П.* Смерть Запада / Пер. с англ. – М., СПб., 2003.
20. *Вернадский В.И.* Автотрофность человечества // Русский космизм: Антология философской мысли. - М., 1993.
21. *Виелмини Ф.* Роль теории Маккиндера в нынешнем стратегическом развёртывании США в Евразии: проблемы и перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 4 (40).
22. *Галанина Н.В.* Проблематика поиска законов истории в современной науке // Философские исследования и современность: Выпуск 8. – М., 2019.
23. *Глазьев С.Ю.* Экономика будущего. Есть ли у России шанс? – М., 2017.
24. *Глазьев С.Ю.* Битва за лидерство в XXI веке. Россия-США-Китай. Семь вариантов обозримого будущего. – М., 2017.
25. *Гринин Л.Е.* Исторические и геополитические причины социально-политического кризиса на Украине // История и современность. 2015. № 2.
26. *Гулыга А.В.* Русская идея и её творцы. – М., 1995.
27. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. – М., 2019.
28. *Гумилёв. Л.Н.* Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. – М., 2008.

29. *Гусев Н.Н.* Терроризм в контексте социологических парадигм // Вестник Московского университета МВД им. В.Я. Кикотя. 2014. №9.
30. *Гуторов В.А., Ширинянц А.А., Шутов А.Ю.* О проблеме межцивилизационных отношений России и зарубежной Европы в начале XXI века // Балтийский регион. 2018. Том. 10. № 4.
31. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. – М., 1991.
32. *Делягин М.Г.* Конец эпохи: осторожно, двери открываются! М., 2019. Т.1: Общая теория глобализации.
33. *Делягин М.Г.* Европа: агония Евросоюза, возвращение к патриотизму // Свободная мысль. 2019. № 3.
34. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. / Дневник писателя. 1877. – М., 1972-1990. Т. 25.
35. *Дугин А.Г.* Русская война. – М., 2015.
36. *Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна. – М., 2007.
37. *Зиновьев А.А.* Глобальный человейник. – М., 2006.
38. *Зиновьев А.А.* Запад. Феномен западнизма. – М., 2023.
39. *Золкин А.Л.* Цивилизационный суверенитет, культурная идентичность и этическая позиция. – М., 2021.
40. *Золкин А.Л.* Россия и евразийский культурный контекст // Философские исследования и современность: Сборник научных трудов. Выпуск 7. – М., 2018.
41. *Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю.* Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. – Барнаул, 2006.
42. *Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин Ю.М.* Человек восходящий: философский и научный синтез «Живой Этики». – Барнаул, 2012.
43. *Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю.* Философия мысли: новые грани метафизики всеединства. - Барнаул, 2021.
44. *Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю.* Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. – Барнаул, 2007.
45. Идеологические координаты России в условиях противостояния с Западом: философские, исторические и гос-

ударственно-правовые вопросы // Материалы Всероссийской научной конференции (памяти А.В. Давиденко). – М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2023.
46. *Ильин И.А.* Собрание сочинений: В 10 т. – М., 1993.
47. *Ищенко Р.В.* Крах Украины. Демонтаж недогосударства. – М., 2015.
48. *Ищенко Р.В.* Галиция против Новороссии. Будущее русского мира. – М., 2016.
49. *Кафтан В.В.* Террор и антитеррор в условиях глобализации. – М., 2018.
50. *Клименко А.И.* Правовая идеология современного политически организованного общества. – М., 2021.
51. *Колотуша В.В.* Глобальные проблемы как глобальные угрозы социального характера // Научное обозрение. Серия: Гуманитарные науки. 2017. №1.
52. *Колотуша В.В., Гуреева О.И.* Культурно-цивилизационная идентичность в условиях становления полицентричного мира // Гуманитарный вектор. 2020. Том 15. № 4.
53. *Константинов И.Б., Константинова Е.П.* Технологический суверенитет как стратегия будущего развития российской экономики // Вестник Поволжского института управления. 2022. Том 22. № 5.
54. *Кузьминская С.И.* Языковой экстремизм как форма радикального национализма // Проблемы патриотического воспитания сотрудников правоохранительных органов и противодействия идеологии неонацизма и экстремизма: Всероссийская научно-практическая конференция (23 марта 2023 г.): Сборник научных трудов / [сост. В. В. Плотников]. – М., 2023.
55. *Кузьминская С.И.* Образ врага в современной политической мифологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. №3.
56. *Кургинян С.Е.* Суть времени: В 4-х т. – М., 2012.

57. *Курылёв К.П.* Украина в западных геополитических концепциях // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2013. № 4.
58. *Лепехин В.А., Бельский В.Ю., Беляков С.А.* и др. От «Новой России» к евразийской цивилизации. М., 2012.
59. *Лепехин В.А.* «Антропологический переворот» в контексте цивилизационного развития России и Европы // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. №1.
60. *Лукьянов Ф.А., Миллер А.И.* Отстранённость вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности // Россия в глобальной политике. 2016. №6.
61. *Маккиндер Х. Дж.* Демократические идеалы и реальность // Полис. Политические исследования. 2011. № 2.
62. *Маккиндер Х. Дж.* Географическая ось истории // Полис. Политические исследования. 1995. № 4.
63. *Малофеев К.В.* Империя. 4000 лет. Книга первая. - М., 2021.
64. *Малофеев К.В.* Империя. Третий Рим. Книга вторая. – М., 2022.
65. *Малофеев К.В.* Империя. Настоящее и будущее. Книга третья. – М., 2022.
66. *Малофеев К.В.* Империя. Образ будущего. Книга четвертая. – М., 2022.
67. *Манойло А.В., Стригунов К.С.* Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. – М., 2023.
68. *Манойло А.В*. Информационная война в контексте специальной военной операции на Украине // Международная жизнь. 2022. №12.
69. *Мареева Ю.А.* Стратегический треугольник Россия – Индия – Китай в международных отношениях (теория и практика) // Вестник МГИМО – Университета. Политологические науки. 2012. №5.
70. *Марченя П.П.* Правовой нигилизм в России: мифы и реалии // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2.

71. *Медушевская Н.Ф.* Славянофилы о государстве, общественном устройстве и праве // Философские исследования и современность: Выпуск 6. – М., 2017.
72. *Миллс Р.* Властвующая элита / Пер. с англ. - М., 2007.
73. Мир вокруг России: 2017. Контуры недалёкого будущего / Ответ. редактор и рук. авторского коллектива *С.А. Караганов* - М., 2007.
74. *Нарочницкая Н.А.* Русский код развития. – М., 2015.
75. *Нарочницкая Н.А.* Сосредоточение России. Битва за русский мир. – М., 2015.
76. *Никонов В.А.* Код цивилизации. Что ждёт Россию в мире будущего? - М., 2015.
77. *Никонов В.А.* Российская матрица. - М., 2014.
78. *Парилов О.В., Треушников И.А., Ротанова М.Б.* Утверждение черт постмодерна в современном российском государстве // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 2. № 1.
79. *Петровский В.Е.* Россия, Китай и контуры «Большого евразийского партнерства» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. Выпуск XXII.
80. *Платон*. Государство. – М., 2021.
81. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии / Под ред. В. А. Лекторского, В. А. Аршинова. Пер. с англ. - М., 1995.
82. *Полосин А.*В. Ресурсная модель политической стабильности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2017. № 2.
83. *Попков Ю.В., Тюгашев Е.А*. Феномен евразийства // Евразийство и мир. 2013. № 2.
84. *Пушков А.К*. Глобальные шахматы. Русская партия. – М., 2018.
85. *Рерих Е.И*. Письма: В 9 т. – М., 2009.
86. *Рерих Н.К.* Алтай – Гималаи. *– М., 2020.*
87. Россия: восточный вектор. Предложения к стратегии развития Сибири и Дальнего Востока. Аналитический

доклад / Под ред. *В.С. Ефимова, В.А. Крюкова*. – Красноярск: СФУ, 2014.
88. Россия vs Европа. Противостояние или союз? / Под ред. *С.А. Караганова* и *И.Ю. Юргенса*. – М., 2010.
89. *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. – М., 1997.
90. *Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П.* Идеология русской государственности. Континент Россия. – СПб., 2021.
91. *Слышкин Г.Г., Малыгина Л.Е., Островская М.В.* Медиадискурс русофобии: перспективы исследования // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности / Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета. Под общей ред. проф. *С.В. Беспаловой*. Донецк, 2022.
92. *Слышкин Г.Г., Малыгина Л.Е., Павлова Е.С.* Лингвобезопасность в аспекты ценностных, идеологических и социальных изменений // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28).
93. *Соловьев В.В.* Сочинения: В 2 т. – М., 1989. Т.2.
94. *Сушко А.В.* «Вирус» национализма // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2016. № 2.
95. Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона до 2030 года. Аналитический доклад / Научный руководитель *А.А. Кокошин*. – Москва – Иркутск: УРСС, 2011.
96. *Тренин Д.В.* Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. – М., 2021.
97. *Тренин Д.В.* Post-imperium: евразийская история. – М., 2012.
98. *Треушников И.А.* Правовые аспекты проблемы «Запад-Восток» в философии всеединства // Философия права. 2009. № 2.
99. *Трубецкой Н.С.* Общеевразийский национализм // Евразийская хроника. – Париж, 1927. Выпуск. 9.

100. *Трубецкой Н.С.* Евразийство. Избранное. – *М., 2016.*
101. *Трубецкой Н.С.* Европа и Евразия. - *М., 2022.*
102. *Фарукшин М.Х.* Лики национализма // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2012. Том 154. Кн. 1.
103. *Франкл В.* Человек в поисках смысла / Пер. с англ. и нем. – М., 1990.
104. Фундаментальные ценности России и Запада: аксиологическое измерение столкновения цивилизаций в XXI веке. - М., 2017.
105. *Хазин М.Л.* Воспоминания о будущем. Идеи современной экономики. – М., 2019.
106. *Хазин М.Л.* Черный лебедь мирового кризиса. – М., 2017.
107. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. – М., 2021.
108. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. - М., 2008.
109. *Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н.* Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. Том 6. № 3.
110. *Хаусхофер К.* О геополитике: Работы разных лет. – М., 2001.
111. Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития: монография (коллектив авторов: *А.В. Иванов, Ю.В. Попков, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин, С.И. Бондаренко, Т.А. Артамонова, И.Н. Каланчина, С.М. Журавлева, Л.Г. Апенышева*) / Под ред. А.В. Иванова. - Барнаул, 2022.
112. *Шикунов Д.В.* Влияние специальной военной операции на Украине на геополитическое равновесие в евразийском пространстве // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2023. № 6-1.
113. *Шпенглер О.* Закат Европы / Пер. с нем. – М., 1993.

114. *Щёлоков К.С.* Гедонизм как идеология постмодернистского общества // Философские исследования и современность: Выпуск 10. – М., 2021.
115. Эпоха пандемии: год второй. Возвращение будущего // Ежегодный доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / *Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И.* – М., 2021.
116. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / Пер с нем. – М., 1994.

ЕВРАЗИЙСКАЯ РОССИЯ

ФИЛОСОФСКИЕ СМЫСЛЫ
МЕТАИСТОРИИ И ГЕОПОЛИТИКИ

Аблеев Сергей Рифатович

Научное издание

E-mail: kniga054@mail.ru

Издание предназначено
для лиц старше 16 лет

Подписано в печать 19.06.2023
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 18,5
Тираж 500 экз.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного
оригинал-макета